

Литература

Рабочие материалы
к спецкурсу

*«Условность как способ суще-
ствования искусства»
(Условность в литературе)*

9 – 11 класс

Рабочие материалы к спецкурсу для 9 – 11 классов
«Условность как способ существования искусства»
(Условность в литературе)

по программе Лазо Елены Юрьевны

Данные материалы содержат основные теоретические понятия спецкурса «Условность как способ существования искусства» (Условность в литературе), стихотворения и рассказы русских и зарубежных писателей для анализа, вопросы и задания к ним.

Предназначены учителю и учащимся для совместной работы на занятиях по предпрофильной подготовке в 9, 10 и 11 классах. Материалы можно использовать также для подготовки к предметным олимпиадам, к выпускному экзамену по литературе.

Введение

Литература – это не урок, это основа культуры человека. Она не может служить утилитарным целям, только духовным. Она расширяет наш мир на века и километры, позволяет подняться над временем и пространством и стать мудрее. Заниматься литературой углубленно (странное выражение!) – это значит познавать закономерности построения художественных произведений, увидеть связь между русской и зарубежной литературой, научиться говорить на языке мировой культуры: войти в мир Эвридики и Орфея, Тристана и Изольды, Гамлета, Дон Кихота, Фауста... – стать интернациональным человеком. Готовы ли вы, хотите ли?..

Задача спецкурса по литературе – научиться видеть любое произведение с точки зрения закономерного, общего и – неповторимого.

Перед вами книга – первое пробное пособие для спецкурса по литературе. Она будет помощником в разговоре учителя и ученика. Вы найдете здесь тексты рассказов, стихотворений, вопросы, которые помогут построить разговор на занятии. Но помните, что это пособие – только помощник: дать направление, натолкнуть на мысль, предложить вариант разговора. Инициатива – за вами.

9 класс

Природа условности.

Содержание спецкурса - условность как способ существования искусства (условность в литературе).

Что такое условность? От слов «условие, правило». Игра. Вот играют дети в «догонялки». И вдруг: чур, я в домике. И все знают, что никакого домика нет, но ведь таковы условия игры, мы так договорились – и тронуть нельзя, пока не выйдешь за границу двух скрещенных рук.

Что такое искусство? Это создание параллельного мира, точно или неточно отражающего мир сущий.

Когда мы говорим об условности в искусстве, мы должны помнить две вещи. Первое – произведение искусства никогда не равно реальности, не повторяет ее буквально. Для выражения смысла каждый вид искусства использует свою систему знаков. Танец выражает мысль через жест; живопись – через краски, образ; литература – через слово.

Второе - литература сознательно нарушает художественное правдоподобие в стиле произведения, что порождает особые стилевые приемы, свидетельствующие об осознанности «игры» автора; использует целую систему художественных средств в своих целях.

Для чего это нужно? Взглянуть на мир новыми глазами, осмыслить заново – прием **остранения** (странно, со стороны).

Главная задача художника – нарушить привычность восприятия бытия, встряхнуть воображение читателя, вывести его из состояния автоматизма.

- Прочитайте стихотворения, предложенные ниже. Что необычно в них (ритм, строение, система образов, синтаксис, звуки...)? Для чего это нужно?

Давид Самойлов

Мост

Стройный мост из железа ажурного,
Застекленный осколками неба лазурного.

Попробуй вынь его
Из неба синего –
Станет голо и пусто.

Это и есть искусство.

Старая мама

Как червячок,
Закутавшись в кокон,
Полуслепая
И полуглухая,
Она грызет тихонько
Домик свой,
Чтоб маленькою бабочкой взлететь
И, шелк судьбы оставив, умереть.

Марина Цветаева

Небо – синей знамени!
Пальмы – пучки пламени!
Море – полней вымени!
Но своего имени

Не сопрягу с берегом сим.
Лира – завет бедности:
Горы – редей темени,
Море – седей времени.

Рябину
Рубили
Зорькою.
Рябина –
Судьбина
Горькая.

В синее небо ширя глаза –
Как восклицаешь: - Будет гроза!

На проходимца вскинувши бровь –
Как восклицаешь: - Будет любовь!

Сквозь равнодушья серые мхи –
Так восклицаю: - Будут стихи!

Рябина –
Седыми
Спусками...
Рябина!
Судьбина
Русская.

Борис Пастернак «Импровизация». Недоговоренность как особенность поэтического мышления Пастернака. Расшифровка скрытого, неназванного содержания поэтических образов через уяснение ассоциативных связей.

Тема победы над хаосом, настроение душевной смуты, внутренней борьбы, жертвенной самоотдачи. Единство мотивов творчества, светящейся тьмы и взволнованной воды.

Импровизация

Я клавишей стаю кормил с руки
По хлопанье крыльев, плеск и клекот.
Я вытянул руки, я встал на носки,
Рукав завернулся, ночь терлась о локоть.

И было темно. И это был пруд
И волны. – И птиц из породы люблю вас,
Казалось, скорей умертвят, чем умрут
Крикливые, черные, крепкие клювы.

И это был пруд. И было темно.
Пылали кубышки с полуночным дегтем.
И было волною обглодано дно
У лодки. И грызлись птицы у локтя.

И ночь полоскалась в гортанях запруд.
Казалось, покамест птенец не накормлен,
И самки скорей умертвят, чем умрут
Рулады в крикливом, искривленном горле.

Давид Самойлов. Психологический параллелизм. Условность рифмы.

Деревья прянули от моря,
Как я хочу бежать от горя, -
Хочу бежать и не могу,
Ведь корни держат на бегу.

Иван Сергеевич Тургенев «Стихотворения в прозе». «Разговор» (условность времени), «Житейское правило» (Беседа о жанре стихотворений в прозе), «Череп» (размышление об идее стихотворения). «Сфинкс» (условность композиции).

Сфинкс

Изжелта-серый, сверху рыхлый, исподнизу твердый, скрипучий песок... песок без конца, куда ни взглянешь!

И над этой песчаной пустыней, над этим морем мертвого праха висится громадная голова египетского сфинкса.

Что хотят сказать эти крупные, выпяченные губы, эти неподвижно-расширенные, вздернутые ноздри – и эти глаза, эти длинные, полусонные, полувнимательные глаза под двойной дугой высоких бровей?

А что-то хотят сказать они! Они даже говорят, но один лишь Эдип умеет разрешить загадку и понять их безмолвную речь.

Ба! Да я узнаю эти черты... В них уже нет ничего египетского. Белый низкий лоб, выдающиеся скулы, нос короткий и прямой, красивый белозубый рот, мягкий ус и бородка курчавая – и эти широко расставленные небольшие глаза... А на голове шапка волос, рассеченная пробором... Да это ты, Карп, Сидор, Семен, ярославский, рязанский мужичок, соотчич мой, русская косточка! Давно ли ты попал в сфинксы?

Или ты тоже хочешь что-то сказать? Да, и ты тоже – сфинкс.

И глаза твои – эти бесцветные, но глубокие глаза говорят тоже... И так же безмолвны и загадочны их речи.

Только где твой Эдип?

Увы! Не довольно надеть мурмолку, чтобы сделаться твоим Эдипом, о всероссийский сфинкс!

Федор Михайлович Достоевский «Мальчик у Христа на елке» - чтение и анализ рассказа.

- особенность композиции (начало и конец рассказа, количество частей);
- система образов, прием градации;
- время и пространство в рассказе (хронотоп);
- жанр рождественского рассказа;
- особенности речи рассказчика и маленького мальчика (несобственно-прямая речь);
- понятие художественной детали, ее роль.

Мальчик у Христа на елке

Но я романист, и, кажется, одну «историю» сам сочинил. Почему я пишу «кажется», ведь я сам знаю наверное, что сочинил, но мне все мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне рождества, в *каком-то* огромном городе и в ужасный мороз.

Мерещится мне, был в подвале мальчик, но ещё очень маленький, лет шести или даже менее. Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале. Одет он был в какой-то халатик и дрожал. Дыхание его вылетало белым паром, и он, сидя в углу на сундуке, от скуки нарочно пускал этот пар и забавлялся, смотря, как он вылетает. Но ему очень хотелось кушать. Он несколько раз с утра подходил к нарам, где на тонкой, как блин, подстилке и на каком-то узле под головой вместо подушки лежала больная мать его. Как она здесь очутилась? Должно быть, приехала с своим мальчиком из чужого города и вдруг захворала. Хозяйку углов захватили ещё два дня тому в полицию; жильцы разбрелись, дело праздничное, а оставшийся один халатник уже целые сутки лежал мертво пьяный, не дождавшись и праздника. В другом углу комнаты стонала от ревматизма какая-то восьмидесятилетняя старушонка, жившая когда-то и где-то в няньках, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, так что он уже стал бояться подходить к ее углу близко. Напиться-то он где-то достал в сенях, но корочки нигде не нашел, и раз в десятый уже подходил разбудить свою маму. Жутко стало ему наконец в темноте: давно уже начался вечер, а огня не зажигали. Ощупав лицо мамы, он подивился, что она совсем не двигается и стала такая же холодная, как стена. «Очень уж здесь холодно», – подумал он, постоял немного, бессознательно забыв свою руку на плече покойницы, потом дохнул на свои пальчики, чтоб отогреть их, и вдруг, нашарив на нарах свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошел до подвала. Он еще бы и раньше пошел, да все боялся вверху, на лестнице, большой собаки, которая выла весь день у соседских дверей. Но собаки уже не было, и он вдруг вышел на улицу.

Господи, какой город! Никогда еще он не видал ничего такого. Там, откуда он приехал, по ночам такой черный мрак, один фонарь на всю улицу. Деревянные низенькие домишки запираются ставнями; на улице, чуть смеркнется – никого, все затворяются по домам, и только завывают целые стаи собак, сотни и тысячи их, воют и лают всю ночь, Но там было зато так тепло и

ему давали кушать, а здесь – Господи, кабы покушать! И какой здесь стук и гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз! Мерзлый пар валит от загнанных лошадей, из жарко дышащих морд их; сквозь рыхлый снег звенят об камни подковы, и все толкаются, и, господи, так хочется поесть, хоть бы кусочек какой-нибудь, и так больно стало вдруг пальчикам. Мимо прошел блюститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика.

Вот и опять улица, – ох какая широкая! Вот здесь так раздавят наверно; как они все кричат, бегут и едут, а свету-то, свету-то. А это что? Ух, какое большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до потолка; это елка, а на елке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблоков, а кругом тут же куколки, маленькие лошадки; а по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то. Вот эта девочка начала с мальчиком танцевать, какая хорошенькая девочка! Вот и музыка, сквозь стекло слышно. Глядит мальчик, дивиться, уж и смеётся, а у него болят уже пальчики на ножках. А на руках стали совсем красные, уж не сгибаются и больно пошевелить. И вдруг вспомнил мальчик про то, что у него так болят пальчики, заплакал и побежал дальше, и вот опять видит он сквозь другое стекло комнату, опять там деревья, но на столах пироги, всякие – миндальные, красные, желтые, и сидят там четыре богатые барыни, а кто придет они тому дают пироги, а отворится дверь поминутно, входит к ним с улицы много господ. Подкрался мальчик, отворил вдруг дверь и вошел. Ух, как на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорее и сунула ему в руку копеечку, а сама отворила ему дверь на улицу. А копеечка тут же выкатилась и зазвенела по ступенькам: не мог он согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбежал мальчик и пошел поскорей-поскорей, а куда, сам не знает. Хочется ему опять заплакать, да уж боится, и бежит, бежит и на ручки дует. И тоска берет его, потому что стало ему вдруг так одиноко и жутко, и вдруг, Господи! Да что ж это опять такое? Стоят люди толпой и дивятся: на окне за стеклом три куклы, маленькие, разодетые в красные и зеленые платица и совсем-совсем как живые! Какой-то старичок сидит и будто бы играет на большой скрипке, два других стоят тут же и играют на маленьких скрипочках, и в такт качают головками, и друг на друга смотрят, и губы у них шевелятся, говорят, совсем говорят, – только вот из-за стекла не слышно. И подумал сперва мальчик, что они живые, а как догадался совсем, что это куколки, – вдруг рассмеялся. Никогда он не видал таких куколок и не знал, что они есть! И плакать-то ему хочется, но так смешно-смешно на куколок. Вдруг ему почудилось, что сзади его кто-то схватил за халатик: большой злой мальчик стоял подле и вдруг треснул его по голове, сорвал картуз, а сам снизу поддал ему ножкой. Покатился мальчик наземь, тут закричали, обомлел он, вскочил и бежать-бежать, и вдруг забежал сам не знает куда, в подворотню, на чужой двор, и присел за дровами: «Тут не сыщут, да и темно».

Присел он и скорчился, а сам отдышаться не может от страху и вдруг, совсем вдруг, стало так ему хорошо: ручки и ножки вдруг перестали болеть и стало так тепло, так тепло, как на печке; вот он весь вздрогнул: ах, да ведь он было заснул! Как хорошо тут заснуть: «Посижу здесь и пойду опять посмотреть на куколок, – подумал мальчик и усмехнулся, вспомнив про них, – совсем как живые!..» И вдруг ему послышалось, что над ним запела его мама песенку. «Мама, я сплю, ах, как тут спать хорошо!»

— Пойдем ко мне на елку, мальчик, – прошептал над ним вдруг тихий голос.

Он подумал было, что это все его мама, но нет, не она: кто же это его позвал, он не видит, но кто-то нагнулся над ним и обнял его в темноте, а он протянул ему руку и.. и вдруг, – о, какой свет! О, какая елка! Да и не елка это, он и не видал еще таких деревьев! Где это он теперь: все блестит, все сияет и кругом всё куколки, – но нет, это всё мальчики и девочки, только такие светлые, все они кружатся около него, летают, все они целуют его, берут его, несут с собою, да и сам он летит, и видит он: смотрит его мама и смеётся на него радостно.

- Мама! Мама! Ах, как хорошо тут, мама! – кричит ей мальчик, и опять целуется с детьми, и хочется ему рассказать им поскорее про тех куколок за стеклом. – Кто вы, мальчики? Кто вы, девочки? – спрашивает он, смеясь и любя их.

- Это «Христова елка», - отвечают они ему. – У Христа всегда в этот день елка для маленьких деточек, у которых там нет своей елки... - И он узнал, что мальчики эти и девочки были всё такие же, как он, дети, но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестнице к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонки, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своей матери (во время самарского голода), четвер-

тые задохлись в вагонах третьего класса от смраду, и все-то они теперь здесь, и все они теперь как ангелы, все у Христа, и он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей... А матери этих детей все стоят тут же, в сторонке, и плачут; каждая узнает своего мальчика или девочку, а они подлетают к ним и целуют их, утирают им слезы своими ручками и упрашивают их не плакать, потому что им здесь так хорошо...

А внизу, наутро, дворники нашли маленький трупик забежавшего и замерзшего за дровами мальчика; разыскали и его маму... Та умерла еще прежде его; оба свиделись у господ бога в небе.

И зачем же я сочинил такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя? А еще обещал рассказы преимущественно о событиях действительных! Но вот в том-то и дело, мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно, – то есть то, что происходило в подвале и за дровами, а там об елке у Христа – уж и не знаю, как вам сказать, могло ли оно случиться или нет? На то я и романист, чтоб выдумывать.

Вопросы к рассказу:

- Каково первое впечатление от рассказа?
- Как вы почувствовали, что мальчик – маленький?
- Найдите строки в рассказе, где вы словно слышите, как говорит мальчик.
- Почему у мальчика нет имени?
- Какой холод стал причиной смерти мальчика?
- Почему в рассказе часто встречается слово «вдруг»? Найдите эти места.
- Проследите за изменением света в рассказе. Где самые яркие (по свету) сцены?
- Почему рассказ называется «Мальчик у Христа на елке»? Сколько в рассказе елок?
- Зачем в конце рассказа писатель повторяет первые слова?
- Какое значение имеет то, что действие происходит накануне Рождества?

Три рода литературы

Содержательность художественной формы. Эпос, лирика и драма. Условность жанров

Род литературы – способ подражания миру (по Аристотелю). Существует три рода литературы. Рассмотрите таблицу и определите, в чем особенность каждого рода литературы.

Критерии	Эпос	Лирика	Драма
1. Изображение мира.	Объективное повествование. Знание о мире, не несущее новизны. Автор скрыт.	Субъективное знание. «Я» выражает себя.	Объективное, представленное субъективно. Мир являет себя в действии.
2. Ценностное ощущение бытия.	Важен порядок вещей в его последовательности. Общее бытие. Нет конфликта.	Важен не порядок вещей, а рефлексия как испытание себя в бытии.	Порядок вещей испытывается (испытание справедливости бытия). Герой противопоставлен бытию. Возникает проблема вины.

3. Взаимоотношение времени и пространства.	Живет в памяти и вечности. Пространство широкое (род, война). Диалог чужого и своего пространства.	Пространство условно, его нет. Содержание лирики – ощущение времени. Остановить миг и распространить его до бесконечности.	Игра времени и пространства. Время – текущий процесс, пространство – сцена.
4. Формула жизни как переживания жизни.	Со-бытие не как компромисс, а как сосуществование во своей его полноте. Варианты бытия. Конфликт не осознается («Слово о полку Игореве»).	Жизнь – взаимодействие малого и большого. Содержание жизни – в идеале. Слово – символ.	Воссоздание бытия и человека через конфликт – это главное. Конфликт осознается. «Князь Игорь» - опера.
5. Качество формы.	Беспредельность формы. Множественность сюжетных линий, распадут, не влечется к смерти.	Замкнутость, законченность формы, концентрированность. Формула слова: краткость и совершенство, которое несет в себе полноту. Грань между жизнью и смертью.	Динамика развития законченного действия (экспозиция, завязка, кульминация, развязка...). Влечение к смерти (От праздников в честь Дионисия).
6. Образ человека.	В становлении, в поиске. Не обязательно развитие личности – может быть тип, характер, образ. Раскрытие ее объема, глубины.	Субъективность сознания. Интраверт (Пастернак), экстраверт (Маяковский), песенная лирика (я = роду: Есенин, Рубцов). Сокровенное, мистическое знание, диалог с миром.	Разные законы реализации человеческой личности. Трагедия: герой, от которого зависит судьба, бытие мира. Ампула (фат, простак, комик, субретка, плут-весельчак или злодей). Маска – тип реализации. Арлекин – смех, Пьеро – трагическая печаль.
7. Слово.	Слово = слову, ясно, неизменно, точно.	Слово не равно содержанию. Играет. Странное. Обладает силой внушения.	Слово – действие. Пауза – слово со знаком минус. В слове – самовыражение.
8. Случайное – закономерное.	Только о закономерном, имеющим причину и следствие. Социальная картина мира.	Случайность = истине («И чем случайней, тем вернее слагаются стихи навзрыд»).	Случайное = закономерное. Случай – инструмент проявления законов.
9. Модель существования.	Традиция. Игра по правилам.	Новизна – стихийное проявление сознания.	Игра перемен судьбы, перепетии от счастья к несчастью.
10. Форма переживания, катарсис.	Узнавание как признание. Радость узнавания создает ощущение полноты бытия.	Отождествление моего «я» с чужим «я». Узнавание как открытие.	Переживание чужой судьбы как собственной. В трагедии причина зла – рок, случай-

	Героические эпосы – независимы и по одинаковым законам.		ность; в комедии – человеческое несовершенство.
--	---	--	---

Жанры лирики

Проанализируйте стихотворения М. Цветаевой:

- Докажите, что это произведение относится к лирике.
- О чем стихотворение?
- Что необычного в композиции? Какую роль играют знаки препинания в организации стихотворения?
- Что меняется от строфы к строфе?
- Определите размер стихотворения и подумайте, как он связан с содержанием стихотворения.
- Какие художественные средства вы здесь видите? Как они связаны с содержанием?
- Почему стихотворение называется «Правда»? О чем говорит эпиграф?
- Какова главная мысль стихотворения?

Правда

Vitam inpengere vero.

(отдать жизнь за правду. Лат.)

Мир утомленный вздохнул от смятений,
Розовый вечер струит забытье...
Нас разлучили не люди, а тени,
Мальчик мой, сердце мое!

Высятся стены, туманом одеты,
Солнце без сил уронило копьё...
В мире вечернем мне холодно. Где ты,
Мальчик мой, сердце мое?

Ты не услышишь. Надвинулись стены,
Все потухает, сливается все...
Не было, нет и не будет замены,
Мальчик мой, сердце мое!

1910

Вопросы к теме:

- Что отличает лирику от других родов литературы?
- Что такое жанр?
- Характеристика жанра по следующим критериям: история возникновения и развития; эпоха и имена; особенности содержания, композиции, формы, размера; традиционные художественные приемы, особенности лексики; примеры.
- Форма лирического «я» - или тождество личности поэта, или разработка одной из его масок. Лирическое «Я» - выражение некоторой данности: ода требует героического «я», элегия – «я» смиренное, переживающее, эпиграмма – насмехающееся; т.е. «Я» - субъект жанра.
- Какие жанры лирики вы знаете? Приведите примеры.

Жанры лирики

Эпиграмма – жанр сатирической поэзии (древнегреческая эпиграмма – краткое изречение, написанное чаще элегическим дистихом), небольшое остроумное стихотворение, высмеивающее кого-либо.

Эпитафия – небольшое стихотворение, представляющее надгробную надпись, посвящение. Мотивы – смерть, кладбище, память. Элегическое настроение. Шуточная эпитафия (= эпиграмме) – адресат жив. Самоэпитафия.

Мадригал – комплимент, краткое стихотворение хвалебного содержания, предназначалась часто для записи в альбом.

Молитва – стихотворение, являющееся обращением лирического героя к божеству.

Послание – древнейший жанр поэзии, стихотворение, в котором поэт, как бы беседуя с адресатом, обращаясь к реальному или вымышленному лицу, высказывает свои суждения по какому-либо важному вопросу. Жанр, близкий к письму.

Сатира – большое стихотворение, посвященное осмеянию какого-либо лица или явления. Обличение пороков, пропаганда нравственных норм. Сатира всегда поучает и с чем-то активно борется.

Ода – (в античности – хоровая песнь) в классицизме большое торжественное стихотворение, посвященное важной, политической или исторической, теме. Ораторская интонация, высокий стиль, риторические приемы. Четвергостопный ямб – любимый размер оды.

Элегия – стихотворение грустного содержания, лирический монолог от первого лица, мотивы разочарования, одиночества, бренности жизни, ушедшего счастья, несчастной любви. Отсутствие четкой композиции, любимый жанр сентиментализма и романтизма.

Романс – небольшое лирическое стихотворение песенного типа, чаще всего о трагической любви.

Лирическое стихотворение – стихотворение, не имеющее строгих, традиционных жанровых форм. Пейзажное, любовное, философское.

И другие

Малые жанры лирики

эпиграмма, эпитафия, мадригал – литературные жанры; частушки – фольклорный жанр.

Эпиграмма

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольню в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: это я!

А. Пушкин «Евгений Онегин», гл. 6, 33

Окогченная летунья,
Эпиграмма – хохотунья,
Эпиграмма – егоза
Трется, вьется средь народа
И завидит лишь уroda –
Разом вцепится в глаза.

Е. Баратынский

Эпитафия

Эпитафия на могилу матери А. Олениной.

Супруга нежная и друг своих детей,
Да успокоится она от жизни сей
В бессмертье там, где нет ни слез, ни воздыханья,
Оставя по себе тоску семьи своей
И сладостны воспоминанья.

И. Крылов

На смерть Волконского-мл.

В сиянье, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

А. Пушкин

Моя эпитафия

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, ленью провел веселый век.
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек.

А. Пушкин

И, полный искренней печалью,
Владимир тут же начертал
Ему надгробный мадригал.
«Смиранный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир».

А. Пушкин «Евгений Онегин», гл.2, 37-38

Владимир Ленский тут лежит,
Погибший рано смертью смелых,
В такой-то год, таких-то лет.
Покойся, юноша-поэт!

А. Пушкин «Евгений Онегин» гл. 7, 6

Вопросы к теме:

- Проанализировав стихотворения, дайте определение жанра.
- Попробуйте сочинить эпиграмму или мадригал.
- В чем выражается близость мадригала и эпитафии, мадригала и эпиграммы, эпиграммы и эпитафии?

Эпиграмма или эпитафия?

Покойник Клит в раю не будет:

Творил он тяжкие грехи.
Пусть бог дела его забудет,
Как свет забыл его стихи! А. Пушкин.

Ты прыгал, танцевал, без отдыха для ног.
Пора им дать покой, подумал врач – ты лег.
А. Илличевский «Эпитафия танцору»

Мадригал или эпиграмма?
С Орфеем сходны вы: вся разница, дружок!
Тот двигал деревья, ты двигаешь смычок.
А. Илличевский.

Графиня Эмилия – белее чем лилия,
Стройней ее талии на свете не встретится,
И небо Италии в глазах ее светится,
Но сердце Эмилии подобно Бастилии.
М. Лермонтов – Мусиной-Пушкиной.

Устаревшие жанры лирики

эмбатерия, эпиталама, эклога, пастораль, идиллия.

Эмбатерия – боевая песня, родилась в Спарте. Задача эмбатерии – поднять дух воинов. Близок к этому жанру «Левый марш» В. Маяковского, пионерские отрядные речевки:

Левоу (3) к солнцу (3) левоу (3) к счастью (3)
Ребята, не слышу, где вы? – левоу (3)
Вздыхая в багрянце знамя, клянемся тебе мы, знамя,
По жизни промчимся орлами, коммуну достроим сами.

Эпиталама – свадебная лирическая песнь, гимн Гименею. В Древней Греции – Сафо.
20 век – Северянин:

Пою в помпезной эпиталаме
- О, Златомира, воспламеней! –
Пою Безумье твое и Пламя,
Бог новобрачных, бог Гименей!

Буколическая поэзия (буколос - пастух), или пасторальная

Пастораль (пастор - пастух) – стихотворение о мирной жизни пастухов и пастушек на лоне природы. Наивность, простота. Древняя Греция. Феокрит. 18-19 век в России. Жанры сентиментализма: идиллия и эклога.

Идиллия (пастуший) – стихотворение на тему идиллического деревенского пейзажа, мирного сельскохозяйственного труда. Сумароков, Княжнин, Жуковский, Дельвиг, Гнедич. Позже шутовско-ироничное отношение. К середине 19 века идиллия исчезла.

Деревня

Приветствую тебя, пустынный уголок
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.

Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарнике шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда...

А. Пушкин 1819 г.

- Прочитайте дома стихотворение до конца и подумайте: зачем Пушкин рисует такой идиллический пейзаж?

Эклога – то же, что и идиллия, но включает в себя диалог пастуха и пастушки, селян, пастухов... Сумароков. Эклога в 20 веке – изображение уединенной мирной жизни среди природы в кругу близких людей.

Сонет

Сонет (звенеть) – стихотворение любовного, философского содержания в 14 строк, строгой композиции (экспозиция – развитие – кульминация – сонетный замок, развязка).

Александр Пушкин

Сонет

Scorn not the sonnet, critic.

(Не презирай сонета, критик)

Wordsworth (Вордсворт, англ.)

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камюэнс облакал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной

Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

Николай Гумилев
Дон Жуан

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста;

А в старости принять завет Христа –
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей, -

Я вспоминаю, что ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

Игорь Северянин
Гумилев

Путь конкистадора в горах остер.
Цветы романтики на дне нависли.
И жемчуга – морские мысли –
Трехцветились, когда вертел костер.

И путешественник, войдя в шатер,
В стихах свои писания описьмил,
Уж как Европа Африку ни высмей,
Столп огневой – души ее простор.

Кто из поэтов спел бы живописней
Того, кто в жизнь одну десятки жизней
Умел вместить? Любовник, Зверобой,

Солдат – все было в рыцарской манере.
...Он о Земле толкует на Венере,
Вооружась подзорною трубой.

Игорь Северянин Перед войной

Я Гумилеву отдавал визит,
Когда он жил с Ахматовою в Царском,
В большом прохладном тихом доме барском,
Хранившем свой патриархальный быт.

Не знал поэт, что смерть уже грозит
Не где-нибудь в лесу Мадагаскарском,
Не в удушающем песке Сахарском,
А в Петербурге, где он был убит.

И долго он, душою конкистадор,
Мне говорил, о чем сказать отрада.
Ахматова устала у стола,

Томима постоянною печалью,
Окутана невидимой вуалью
Ветшающего Царского Села...

Вопросы к теме:

- Проанализировав стихотворения, сделайте вывод об истории развития жанра, композиции, рифме, размере сонета.
- Самостоятельно: сравните сонет Шекспира и Петрарки. Чем они отличаются?
- Прочитайте цикл Игоря Северянина «Медальоны». Как вы думаете, почему посвящения поэтам (и о поэтах) автор облек в жанр сонета?
- Что вы узнали о Николае Гумилеве из этих сонетов?

Элегия

Элегия (от греч. жалобная песня) – в античности любое стихотворение, написанное элегическим дистихом.

Элегический дистих (гекзаметр + пентаметр). Например, у А.С. Пушкина:

Слышу умолкнувший шум божественной эллинской речи.
Старца великого тень чую смущенной душой.

1830 (На перевод «Илиады» Гнедичем)

В литературе нового времени элегия – свободное, эмоционально окрашенное (чаще в тона грусти и скорби) философское размышление. Рассвет жанра в период романтизма. Жуковский, Батюшков, Языков, Пушкин.

Константин Батюшков Мой гений

О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,

Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся волос.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милой, несравненной
Повсюду странствует со мной.
Хранитель Гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? Приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

1815

Александр Пушкин
Уныние

Мой милый друг! Расстался я с тобою.
Душой уснув, безмолвно я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною,
Я все тебя, далекий друг, ищу;
Одну тебя везде воспоминаю,
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь – неволью призываю,
Заслушаюсь – твой голос слышен мне.

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой,
И лишь тоски ты голос не забыла!..
О верная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние любви,
И, слушая бряцания твои,
Пускай вздохнут задумчивые девы!

1816

Александр Пушкин
Элегия

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда тихая лелеет;
Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
И с ней увянут жизни розы.
Но я, любовью позабыт,
Любви не позабуду слезы!

1816

Евгений Баратынский
Разлука

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.
1820

Николай Языков
Элегия

Счастлив, кто с юношеских лет,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мете таинственной своей!
Кто рассудительной душою
Без горьких опытов узнал
Всю бедность жизни под луною,
И ничему не доверял!
Зачем не мне такую долю
Определили небеса?
Идя по жизненному полю,
Твержу: мой рай, моя краса,
А вижу лишь мою неволю!
1825

Николай Языков
Элегия

Бог весть, не втуне ли скитался
В чужих странах я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет.
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.
1841

Вопросы к теме:

- Проанализируйте стихотворения, исходя из жанра.
- Составьте «элегический словарь».
- Назовите особенности жанра элегии.
- Прочитайте отрывки из романа Пушкина «Евгений Онегин» и проанализируйте, как менялось отношение к элегии у Пушкина (прочтите дополнительно «Элегию» 1830 года: стр. 32 данного пособия)?

- Как отразилась в романе полемика Пушкина с Кюхельбекером о предпочтении жанра оды перед другими (статья Кюхельбекера в «Мнемозине» «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», 1824 год)? Согласны ли вы с мнением Кюхельбекера: «Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все. Чувств у нас уже давно нет: чувство уныния поглотило все прочие. – Все мы взапуски тоскуем о своей погибшей молодости; до бесконечности жуем и пережевываем эту тоску...»?

Александр Пушкин

Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль,
И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы;
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в осмнадцать лет.

«Евгений Онегин», гл. 2, 10

.....

Но тише! Слышишь? Критик строгий
Повелевает сбросить нам
Элегии венки убогий
И нашей братье рифмачам
Кричит: «Да перестаньте плакать
И все одно и то же квакать,
Жалеть о *прежнем*, о *былом*:
Довольно, пойте о другом!»

Там же, гл. 4, 32

- Сочините элегию по канонам жанра

Послание

Послание – древнейший жанр лирики, стихотворение, в котором поэт, как бы беседуя с адресатом, обращаясь к реальному или вымышленному лицу, высказывает свои суждения по какому-либо важному вопросу. Жанр, близкий к письму.

Наиболее употребительный стихотворный размер посланий – шестистопный ямб (александрийский стих), трехстопный ямб.

Дружеское, любовное, философское, дидактическое, сатирическое, шуточное послание.

Александр Пушкин

К сестре

Ты хочешь, друг бесценный,
Чтоб я, поэт молодой,
Беседовал с тобой
И с лирою забвенной,
Мечтами окриленный,
Оставил монастырь
И край уединенный...

1814

К Дельвигу

Послушай, муз невинных
Лукавый клеветник!
В тиши полей пустынных,
Природы ученик,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою...
И я главой поник
Пред милой суетою.
Жуковский, наш поэт,

Послание к Галичу

Один в каморке тесной
Вечерней тишиной
Хочу, мудрец любезный,
Беседовать с тобой...
1815

На то мне дал совет
И с музами сосватал.
Сначала я играл,
Шутя стихи марал,
А там переписал,
А там и напечатал,
И что же – рад не рад –
Но вот уже я брат
Теперь тому, другому,
Что делать, виноват!..

1815

К ней

Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон;
Скажи, увижу ли... на долгую ль разлуку
Любовник осужден?

.....
1816

К Каверину

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный...
..... 1817

К Жуковскому

Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени:
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.
Страшусь, неопытный, бесславного паденья,
Но пылкого смирить не в силах я влеченья...
.....

1816

Друзьям

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

1816

- Что значат в жизни Пушкина 1811 – 1817 годы?
- Что вы знаете об адресатах его посланий?
- К кому еще обращался Пушкин в стихах?

Молитва

Молитва – стихотворение, являющееся обращением лирического героя к божеству. Обязательные элементы композиции: обращение к божеству, его восхваление, покаяние, просьба или жалоба; благодарность за возможное выполнение просьбы.

Высокий стиль, употребление церковнославянской лексики, доверительность, интимность. Серьезные и шуточные молитвы.

Михаил Лермонтов

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж приникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.

1830.

Юнкерская молитва

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алехин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять –
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

1832.

Молитва

Я, мать Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную

Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.
1837.

Благодарность

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За мечь врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.
1840.

- Как вы думаете, почему молитв больше у Лермонтова, а посланий – у Пушкина?
- Что вы знаете о жизни и творчестве этих поэтов?

Романс. Стансы. Гимн. Дума

1. Романс – небольшое лирическое стихотворение песенного типа, чаще о любви. К романсной лирике относятся многие положенные на музыку стихотворения. «Черная шаль» Пушкина.
2. Стансы – в поэзии 18-19 века небольшое элегическое стихотворение (чаще медитативного содержания, реже любовного) с обязательным строфическим строением. Каждый станс – законченная мысль. Замкнутость, целостность, одинаковая форма строф. 4-стопный ямб как наиболее частый размер. Единая схема чередования рифм для всего стихотворения. После чтения каждого станса предполагается пауза для осмысления. Впервые в России – Сумароков. Пушкин: «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «В надежде славы и добра», «Во глубине сибирских руд». Стансы Пушкина и Лермонтова.
3. Дума – большое по объему стихотворение, возникло в украинском фольклоре; в 19 веке - размышления поэта на философско-социальные темы. Поучительность. Жанр не получил большого распространения. Рылеев. Шевченко. Лермонтов «Печально я гляжу на наше поколение».
4. Гимн - античный – похвальная песнь богам; европейский – одическое стихотворение на возвышенную тему. Изменение жанра от божественного до патриотического. Сатирический гимн. Ломоносов «Гимн бороде». Маяковский «Гимн взятке».

Сатира

Сатира (от лат. *satura* – всякая всячина, смесь) – 1. Вид комического (юмор, ирония, сатира, сарказм, гротеск). 2. Жанр лирики, большое стихотворение, посвященное осмеянию какого-либо лица или явления. Сатира всегда служит общественному идеалу. Обличение пороков, пропаганда нравственных норм – основное содержание сатиры. Непереходимая граница между собственным миром и предметом обличения: сатирик испытывает чувство превосходства над предметом смеха. Сатира возникла в литературе древнего Рима как жанр лирики. Гораций, Ювенал. Никола Буало. Кантемир. Пушкин «Тень Фонвизина», «Лицинию», «Сказка о попе...». Цветаева «Крысолов» (лирическая сатира). Идеал в сатирическом произведении утверждается как бы от противного, через обличение антиидеала. Сатира возможна без смеха, но невозможна без остроумия.

Три основных момента, присущих сатире:

- современность и злободневность;
- неожиданность сопоставления;
- противопоставление данного явления высоким эстетическим идеалам.

Сатира связана с рядом художественных средств: гипербола, гротеск (чрезмерное преувеличение и заострение отдельных сторон изображаемого предмета), парадокс, алогизм, аллегория. Имеет отношение к понятию «комическое», юмору, иронии, сарказму (негодующая насмешка; соотношение планов подразумеваемого и выражаемого).

Д.И. Фонвизин. «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (отрывок):

- Я мысль мою скажу, - вещает мне Петрушка, -
Весь свет, мне кажется, - ребятская игрушка;
Лишь только надобно потверже то узнать,
Как лучше, живучи, игрушкой той играть.
Что нужды, хоть потом и возьмут души черти,
Лишь только б удалось получше жить до смерти.

А.С. Пушкин «Тень Фон-Визина» - свод сатирических характеристик ряда писателей, бывших предметом осмеяния в «Арзамасе». Образцы сатир аналогичного построения (комический писатель возвращается из загробного мира, чтобы утвердить дух истинной поэзии) есть во французской литературе («Тень Мольера»).

Вопросы к теме:

- Сравни отрывок из сатиры Пушкина о Хвостове с эпиграммой Баратынского на Хвостова.
В своих стихах он скукой дышит,
Журчаньем их наводит сон.
Не говорю: зачем он пишет,
Но для чего читает он?
- Найдите в сатире Пушкина следующие художественные приемы:

Парафраз(а) – сатирическое использование строк других авторов.

Реминисценция – воспоминание, напоминание о других литературных произведениях через использование характерных для них мотивов, образов, речевых оборотов. Рассчитана на память и ассоциативное восприятие. Например:

Я вас любил. Любовь еще (возможно,
Что просто боль) сверлит мои мозги. И. Бродский.

- Какой из монологов Чацкого можно назвать сатирой? Докажите.

Лирическая сатира

Марина Цветаева «Крысолов». 1925 год. Условность обращения с сюжетом средневековой легенды.

Поэма написана на сюжет средневековой немецкой легенды, которая гласит, что летом 1284 года в городе Гаммельне появился странствующий музыкант и предложил жителям избавиться от нашествия крыс. Повинуясь звукам флейты, крысы вслед за музыкантом вышли из города, вошли в реку Везер и утонули. Не получив обещанной награды, Крысолов жестоко отомстил жителям города. В воскресный день, во время обедни, когда все взрослые были в церкви, он вновь заиграл на флейте, выманил из домов всех детей и отвел их на гору Коппенберг, которая разверзлась и поглотила их.

Условность использования средневековой легенды. В сознании средневековья крысолов, властитель крыс, – дьявол, который увел детей, лишив людей будущего. У Цветаевой Крысолов – спаситель, который спасает души детей от пошлости. Дети уходят не в гору, а в воду. Гора – дом бога. Вода – стихия. Творчество – стихия.

Вопросы к теме:

- В чем суть событийного и лирического конфликта «Крысолова»?
- Почему сюжет представлен не в описании, а через диалог действующих лиц?
- Что символизирует образ бюргера?
- Почему так много внимания уделяется пуговице? Объясните:
 Коли с ангелами в родстве,
 Муж, - застегнись на все! –
 Коли с демонами в родстве –
 Бард! – расстегнись на все!
- Крысы и бюргеры – одно и то же?
- Гаммельн – рай-город?
- «Ведь не в луже, а в звуке - мрут» - как понимаете содержание формулы?
- Дети в «Крысолове» обрели свободу или стали жертвой очарования музыки и стиха?
- Что такое музыка, с точки зрения бюргеров?
- Почему по легенде Крысолов был одет в черно-красный, а у Цветаевой – в зеленый?
- Докажите, что «Крысолов» - лирическая сатира.
- Чем необычен язык Марины Цветаевой? Какие средства художественной выразительности вы заметили? В чем особенности стиха? Строфы?
- Сформулируйте основную идею поэмы, используя записи М. Цветаевой:
 Охотник – дьявол-соблазнитель – поэзия.
 Бургомистр – быт.
 Дочка бургомистра – душа.
 Крысы – земные заботы, от которых Охотник освобождает город (не совсем с лица на крыс-то, да уж крысы ли впрямь?.. – в красном!).
 Быт не держит слово Поэзии, Поэзия мстит.
- Что вы знаете о жизни Марины Ивановны Цветаевой? Как связана поэма «Крысолов» с современностью?
- Прочитайте рассказ В. Набокова «Катастрофа», подумайте, что общего с произведением Марины Цветаевой.

Лиро-эпические жанры

Баллада

Лиро-эпические жанры – синтез эпического сюжета и лирической оценки: поэма, баллада – жанры романтизма; роман в стихах.

Баллада (франц. От ballar - плясать) – первоначально фольклорная любовная плясовая песня с рефреном. Народную балладу «открыли» романтики. В романтизме - лиро-эпический жанр с трагическим, фантастическим сюжетом. (*Романтическая баллада – сюжетное стихотворение о роковой судьбе*)

Баллады строятся на чем-то чудесном. Это либо действие сверхъестественной силы, либо ужасный случай, либо непредвиденное событие и происшествие, рассказанное совершенно серьезно. Чудесное – нечто исключительное, не поддающееся логическому объяснению. Внешне баллада проста и даже примитивна и наивна, но внутренне она насыщена смыслом.

Гете принадлежит мысль, что баллада представляет собой синтез трех начал: эпического (сюжет), драматического (диалог), лирического (переживания). Соотношение их подвижно и меняется на протяжении баллады. Эпическая баллада – «Песнь о вещем Олеге», драматическая – «Лесной царь», лирическая – «Воздушный корабль» Лермонтова.

Фрагментарная балладная композиция – отказ от деталей, только самое главное. Пропуски в сюжете создают атмосферу недосказанности, умалчивания, балладная тайна полумрака.

Развязка баллады неминуема катастрофична. Баллада устремляется к развязке с первой строки и, может быть, даже создана ради нее.

Своим рождением литературная баллада обязана немецкому поэту Бюргеру (баллада «Ленора»). В России – Жуковскому.

А. С. Пушкин «Руслан и Людмила»

песнь 4.

*Поэзии чудесный гений,
Певец таинственных видений,
Любви, мечтаний и чертей,
Могил и рая верный житель
И музы ветреной моей
Наперсник, пестун и хранитель,
Прости мне, северный Орфей,
Что в повести моей забавной
Теперь вослед тебе лечу...*

- Докажите, что эти строки посвящены Жуковскому. Какие произведения вы можете привести в пример?
- Перифраз – описательный оборот речи, заменяющий слово. Найдите в этом отрывке перифраз. Для чего использован этот прием?

Эдгар По «Ворон». Тема одиночества и диалог с вестником судьбы. Архетипическое содержание образа ворона, его связь с образом мрака и мудрости (Минерва - Афина).

Вопросы к балладе:

- Докажите, что «Ворон» - это баллада.
- Почему именно Ворон прилетел к лирическому герою? В какой момент он появляется? Что вы знаете об этом персонаже из мифов, легенд и сказок?
- Почему Ворон сел на бюст Минервы?
- В оригинале баллады Ворон кричит «Nevermore!» (больше никогда). В разных переводах (их 16) слова Ворона звучат по-разному: «Никогда», «Больше никогда», «Приговор», «Все прошло», «Возврата нет», «Не вернуть», «Nevermore». Какой вариант, на ваш взгляд, самый удачный? Обоснуйте.
- Сравните балладу Э. По с балладой Бюргера «Ленора»? Почему лирический герой «Ворона» называет свою умершую возлюбленную «Линор»?

Ворон

Раз в тоскливый час полночный я искал основы прочной

Для своих мечтаний – в дебрях теософского труда.
Истомлен пустой работой, я поник, сморен дремотой,
Вдруг – негромко стукнул кто-то. Словно стукнул в дверь...
Да, да!
«Верно, гость, — пробормотал я, — гость стучится в дверь.
Да, да!

Гость пожаловал сюда».

Помню я ту ночь доныне, ночь январской мглы и стыни, –
Тлели головни в камине, вспыхивая иногда...
Я с томленьем ждал рассвета; в книгах не было ответа,
Чем тоска смирится эта об ушедшей навсегда,
Что звалась Линор, теперь же – в сонме звездном навсегда
Безымянная звезда.

Шорох шелковой портьеры напугал меня без меры:
Смяла, сжала дух мой бедный страхов алчная орда.
Но вселяет бодрость – слово. Встал я, повторяя снова:
«Это гость, – так что ж такого, если гость пришел сюда?
Постучали – что ж такого? Гость пожаловал сюда.
Запоздалый гость. Да, да!

Нет, бояться недостойно. И отчетливо, спокойно
«Сэр, – сказал я, – или мэдэм, я краснею от стыда:
Так вы тихо постучали, – погружен в свои печали,
Не расслышал я вначале. Рад, коль есть во мне нужда.
Милости прошу сюда».

Никого, лишь тьма ночная! Грозный ужас отгоняя,
Я стоял; в мозгу сменялась странных мыслей череда.
Тщетно из глухого мрака ждал я отклика иль знака.
Я шепнул: «Линор!» – однако зов мой канул в никуда,
Дальним эхом повторений зов мой канул в никуда.
О Линор, моя звезда!

Двери запер я надежно, но душа была тревожна.
Вдруг еще раз постучали, явственнее, чем тогда.
Я сказал: «Все ясно стало: ставни... Их порывом шквала,
Видимо, с крючка сорвало – поправимая беда.
Ставни хлопают и только – поправимая беда.
Ветер пошутил – ну да!»

Только я наружу глянул, как в окошко Ворон прынул,
Древний Ворон – видно, прожил он несчетные года.
Взмыл на книжный шкаф он плавно и расселся там державно,
Не испытывая явно ни смущенья, ни стыда,
Там стоявший бюст Минервы оседлал он без стыда,
Словно так сидел всегда.

Я не мог не удивиться: эта траурная птица
Так была невозмутима, так напыщенно-горда.
Я сказал: «Признаться надо, облик твой не тешит взгляда;
Может быть, веленьем ада занесло тебя сюда?»
Ворон каркнул: «Никогда!»

Усмехнулся я ... Вот ново: птица выкрикнула слово!
Пусть в нем смысла и немного, попусту белиберда,
Случай был как будто первый, – знаете ль иной пример вы,
Чтоб на голову Минервы взгромоздилась без стыда
Птица или тварь другая и в лицо вам без стыда
Выкрикнула: «Никогда!»

Произнесши это слово, черный Ворон замер снова,
Как бы удовлетворенный завершением труда.
Я шепнул: «Нет в мире этом той, с кем связан я обетом,
Я один. И гость с рассветом улетит бог весть куда,
Он, как все мои надежды, улетит бог весть куда».
Ворон каркнул: «Никогда!»

Изумил пришелец мрачный репликой меня удачной,
Но ведь птицы повторяют, что твердят их господа,
Я промолвил: «Твой хозяин, видно, горем был измаян.
И ответ твой не случаен: в нем та, прежняя беда,
Может быть, его терзала неизбывная беда
И твердил он: «Никогда!»

Кресло я придвинул ближе: был занятен гость бесстыжий,
Страшный Ворон, что на свете жил несчетные года,
И, дивясь его повадкам, предавался я догадкам, –
Что таится в слове странном, принесенном им сюда,
Есть ли смысл потусторонний в принесенном им сюда
Хриплом крике: «Никогда!»?

Я сидел, молчаньем скован, взглядом птицы околдован,
Чудилась мне в этом взгляде негасимая вражда.
Средь привычного уюта я покоился, но смута
В мыслях властвовала люто... Все, все было, как всегда,
Лишь ее, что вечерами в кресле нежилась всегда,
Здесь не будет никогда!

Вдруг незримый дым кадильный мозг окутал мой бессильный, –
Что там – хоры серафимов и ли облаков гряда?
Я вскричал: «Пойми, несчастный!
Этот знак прямой и ясный, –
Указал господь всевластный, что всему своя чреда:
Потерпи, придет забвенье, ведь всему своя чреда».
Ворон каркнул: «Никогда!»

«Птица ль ты, вещун постылый, иль слуга нечистой силы, –
Молвил я, – заброшен бурей или дьяволом сюда?
Отвечай: от мук спасенье обрету ли в некий день я,
В душу хлынет ли забвенье, словно мертвая вода,
Яд затянет рану сердца, словно мертвая вода?»
Ворон каркнул: «Никогда!»

«Птица ль ты, вещун постылый, иль слуга нечистой силы,
Заклинаю небом, адом, часом страшного суда, –
Что ты видишь в днях грядущих: встречу с ней я в райских куцах

В миг, когда среди живущих кончится моя страда?
Встречусь ли, когда земная кончится моя страда?»
Ворон каркнул: «Никогда!»

Встал я: «Демон ты иль птица, но пора нам распроститься.
Тварь бесстыдная и злая, состраданию ты чужда.
Я тебя, пророка злого, своего лишаю крова,
Пусть один я буду снова, – прочь, исчезни без следа!
Вынь свой клюв из раны сердца, сгинь навеки без следа!»
Ворон каркнул: «Никогда!»

И, венчая шкаф мой книжный, неподвижный, неподвижный,
С изваяния Минервы не слетая никуда,
Восседает Ворон черный, несменяемый дозорный,
Давит взор его упорный, давит, будто глыба льда.
И мой дух оцепенелый из-под мертвой глыбы льда
Не восстанет никогда.

Перевод. М. Донского. 1976 г

Контрольная работа по жанрам лирики:

1. О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.
(М. Ломоносов)
2. Голова ль моя, головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, к плечу могучему?
(А. Дельвиг)
3. Лети, корабль, неси меня к пределам дальним
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к берегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное состраданию предала.
(А. Пушкин)
4. Словно зеркало русской стихии,

Отстояв назначенье свое,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая ее...
(Н. Рубцов)

5. История многих людей.
Встают, оденутся, закусят, выезжают,
Обедают, пьют чай, ложатся, засыпают.
(А. Илличевский)

6. Поэту
Самоубийца здесь поэт похоронен.
Что ж он? Зарезался, ушибся, утопился?
Потел над одою холодной три дни он;
И сам от строф своих, бедняжка, простудился.
(А. Илличевский)

7. Я затеплю свечу воска ярого,
Распаяю кольцо друга милого.
Загорись, разгорись, роковой огонь,
Распаяй, растопи чисто золото.
(А. Кольцов)

8. Промчались годы заточенья;
Недолго, милые друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
(А. Пушкин)

9. Когда-то (помню с умилением)
Смел вас нянчить с восхищеньем.
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели – с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.
(А. Пушкин)

10. Послушница обители Любви
Молитвенно перебирает четки.
Осенней ясностью в ней чувства четки.
Удел – до святости непоправим.

Он, Найденный, как сердцем ни зови,
Не будет с ней в своей гордыне кроткий
И гордый в кротости, уплывший в лодке
Рекой из собственной ее крови.

Уж вечер. Белая взлетает стая.
У белых стен скорбит она, простая.
Кровь капает, как розы, изо рта.

Уже осталось крови в ней немного,
Но ей не жаль ее во имя бога;
Ведь розы крови – розы для креста...
(Игорь Северянин «Ахматова»)

Условность поэтической формы Метрика

1. Силлабическая система стихосложения (господствовала до 1735 года) – одинаковое количество слогов в слове, 13-14, с цезурой (паузой), с парной рифмовкой. Основатель Симеон Полоцкий («Рифмотворная псалтирь»). А. Сумароков, В. Тредиаковский, А. Кантемир.

Зряй, человече! сей гроб, сердцем умилися,
О смерти учителя славна прослезися...
(Эпитафия на смерть С.Полоцкого)

2. Силлабо-тоническая (реформа: брошюра Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» 1735 год; статья Ломоносова «Письмо о правилах российского стихотворства» + «Ода на взятие Хотина» 1739 года) – четкое чередование ударных и безударных слогов: ритмически упорядоченные. Ямб (-/), хорей (/ -). Пиррихий (-- пропуск ударения) – обычно на третьей стопе. Спондей (//) – внеплановое ударение. Дактиль (/--), амфибрахий (-/-), анапест (--/). Анакруза – количество безударных слогов до первого ударного; могут пропадать, вести себя вольно.

Вольный ямб – Нерегулярно чередуются строки разной длины: обычно 4-5-6-стопные.
«Горе от ума» А. Грибоедова, «Ворона и лисица» И. Крылова.

Холиямб (хромой ямб): последняя стопа ямба заменена хореем.
Огромном городе моем –ночь.
Из дома сонного иду прочь...

Хориямб – первая стопа – хорей, остальные – ямб.
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал над тобой

Вопросы к теме:

- Прочитайте послания Пушкина (с.16-17 данного пособия). Почему по-разному звучит один и тот же ямб? От чего это зависит?
- Какую характеристику размерам дал **К. Бальмонт** в статье «Русский язык»? Прочитайте фрагменты из статьи, подтвердите своими примерами.

Ямб – «стих выразительный, живописный, я бы сказал, сабельный, ударный. Весь явный и завершенный, совсем не таинственный».

Хорей – «стих гораздо более выразительный и включающий в себя таинственность. В нем есть пляска, в зависимости от чтения торжественная или буйная. Слог с ударением, за которым следует слог без ударения, отвечает великорусской наклонности к полногласию. Конец стиха не сжат».

Дактиль – «трехслоговая замедленность. Размер самый таинственный. Стих глянет на тебя, и кажется, что он посмотрел в душу полным взором, и в полвзора, и в четверть взора. Русский дух, полюбивший в веках широкое пространство, должен был полюбить в своей речи дактилическую напевность, трехслоговую замедленность».

Амфибрахий – «пленительный размер, в нем есть качание старинного вальса и морской волны. Ударный слог, предводимый и сопровождаемый неударными, движется так мягко, что очаровывает плавностью».

Анапест – «размер, полный угрюмой выразительности, тяжелого и рассчитанного удара. Стих как рука с мечом, которая медленно приподнимается, замахивается и сражает. Обратный лик дактиля, обратный ток чувств».

К. Бальмонт

Хореи и ямбы, с их звуком коротким,
Я слышал в журчанье ручьев,
И голубь своим воркованием кротким
Учил меня музыке слов.
Качаясь под ветром, как в пляске, как в страхе,
Плакучие ветви берез
Мне дали певучий размер амфибрахий,
В нем вальс улетающих грез.
И дактиль я в звоне ловил колокольном,
И в марше солдат – анапест.
Наивный мой опыт был с детства невольным,
Как нежность на лице невест.

3. Тонический стих – равное количество ударений в стихе. Особенно популярен в конце 19 – начале 20 века. Серебряный век, современная поэзия. Икт – ударный слог.

- Дольник (междуиктовые интервалы 1:2, 2:2; 1:1, 4 – нет 0,3,5);
- Тактовик (1-3, 0-2); «Песни западных славян» Пушкина.
- акцентный стих, чистотонический (0-8);
- полиметрия (соединение разных метров в одном стихотворении).

Дольник -

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцании красных лампад. – трехударный дольник.

Тактовик

А если сегодня мне, грубому гунну,
Кривляться перед вами не захочется – и вот
Я захохочу и радостно плюну,
Плюну в лицо вам
Я – бесценных слов транжир и мот. – Четырехударный тактовик.

Акцентный стих – количество междуиктовых интервалов 0-8.

У нас семь дней.
У нас часов двенадцать.
Не прожить себя длинней.
Смерть не умеет извиняться. – трехударный акцентный стих.

Раешный стих, раек – нет четкого размера, парная рифма, веселое разговорное звучание.
«Сказка о попе и работнике его Балде» Пушкина.

Рифма

Мужская – ударение на последний слог; делает стих более жестким, чеканным, строгим;

Женская – с ударением на предпоследний слог;

Дактилическая – ударение на третьем с конца слоге;

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Гипердактилическая – ударение на четвертом от конца слоге; Опаловая – прикалывая.

Парная - ААББ, охватная (кольцевая) - АББА, перекрестная - АБАБ;

Клаузула – окончание стиха после последнего ударения в строке, часто сопровождается рифмой.

Богатая рифма – тип рифмы с совпадающими предударными согласными.

Острожник – подорожник.

Бедная рифма – где предударные согласные не совпадают. Много – тревога.

Точная рифма – клаузула совпадает полностью.

Неточная – согласные в клаузуле не совпадают: балаганчик – мальчик, хороший - пороша.

Приблизительная рифма – не совпадают гласные в клаузуле: холодной – бесплодный.

Составная рифма – рифмуется более одного слова в одной из зарифмованных строк:

Спишь ли – вышли;

Белый стих – ритмические стихи без рифмы.

Все говорят: нет правды на земле.

Но правды нет - и выше. Для меня

Так это ясно, как простая гамма.

А. Пушкин «Моцарт и Сальери»

Верлибр – свободный стих: нет рифмы, размера, равносложности, равноударности. Есть графика, система межстиховых пауз, художественные средства. Употребляется для философских тем. Соединяет много стиховых ритмов, но ни одно не становится законом.

Давид Самойлов

Деревья должны
Дорасти до особой высоты,
Чтобы стать лесом.
Мысли должны дорасти
До особой высоты,
Чтобы стать Словом.
Больше ничего не надо,
Даже ухищрений стиха.

Задание по теме:

- Прочитайте стихотворение А. Пушкина «Рифма».
- Как вы думаете, что перед вами – стихотворное изложение древнегреческого мифа, перевод из древнегреческого поэта или оригинальное произведение? Докажите свою точку зрения.

Александр Пушкин

РИФМА

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеней.
 Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.
 Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
 Меж говорливых наяд, мучась, она родила
 Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.
 Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
 Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
 Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

1830

- Что такое рифма? Какие особенности рифмы отразились в истории Рифмы – дочери нимфы Эхо и Феба (Аполлона, бога искусства и вдохновения), рожденной рядом с наядами (нимфами – хранительницами вод), выросшей среди муз (или аонид) – богинь поэзии, искусств и наук, дочерей богини памяти Мнемозины?

Виды строф

Строфа – сочетание нескольких стихов, объединенных общей мыслью и чередованием рифм. Строфа играет исключительную роль в выразительности стиха и помогает раскрыть внутреннее содержание стихотворения.

Терцет – трехстишие. Некоторые терцеты имеют специальные названия. Например, терцина не существует как отдельная строфа, так как связана рифмой с другими: средний стих первой рифмуется с крайними стихами следующей строфы. Так написана «Божественная комедия» Данте.

«Я увожу к отверженным селеньям,
 Я увожу сквозь вековечный стон,
 Я увожу к погибшим поколениям.

Был правдою мой зодчий вдохновлен:
 Я высшей силой, полнотой всезнанья
 И первую любовью сотворен.

Древней меня лишь вечные созданья,
 И с вечностью пребуду наравне.
 Входящие, оставьте упованья».

(Надпись на вратах Ада)

Катрен – вид строфы, четверостишие.

Секстина – шестистишие. А. Пушкин «Песнь о вещем Олеге», «Кавказ».

Кавказ

Кавказ предо мною. Один в вышине
 Стою над снегами у края стремнины;
 Орел, с отдаленной поднявшись вершины,

Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу полетов рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Септима – семистишие. М. Лермонтов «Бородино».

Октава – восьмистишие. Итальянского происхождения. Рифма абабабсс. Стихотворный размер – обычно 5-6-стопный ямб. В русскую литературу октаву ввел Жуковский («Опять ты здесь, мой благодатный гений»).

Александр Пушкин
Осень

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила. Читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

Александровский стих – система двустуший: 6-стопный ямб со смежными рифмами; цезура после 3 стопы, чередование парных женских и мужских рифм.

Александр Пушкин.

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? Утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? И можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?..

Муза

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила;
Она внимала мне с улыбкой; и слегка
По звонким скважинам пустого тростника
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов...

Одическая строфа – для русской классической оды характерна особая форма: 4-стопный ямб, десятистрочие с подразделением на три части – в первой 4 строки, во второй и третьей – по три строки, система рифмовки абаб ссд еед

М. Ломоносов

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от недр чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,

Г. Державин

Богородица царевна,
Киргиз-Кайсацкия Орды!
Которой мудрость несравненна
Открыта верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокую гору,
Где роза без шипов растет,

Что может собственных Платонов
И быстрых разумов Невтонов
Российская земля рождать.

Где добродетель обитает, -
Она мой дух и ум пленяет,
Поддай найти ее совет!

Онегинская строфа – 14-строчная строфа (первое четверостишие – перекрестная рифма; второе – парная рифма; третье – кольцевая и заключительное двустишие, с парной рифмовкой), названная так потому, что впервые применена Пушкиным в «Евгении Онегине». Кроме того, так написана «Тамбовская казначейша» Лермонтова.

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконоом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.
«Евгений Онегин»

Стансы – небольшое стихотворение одического, элегического или иного характера, 4-стопный ямб с перекрестными рифмами; каждый станс – замкнутая строфа, заключающая в себе ясно выраженную, законченную мысль. Общий тон – спокойное течение стиха, полного мысли.

М.Ю. Лермонтов Стансы

Я не крушуся о былом,
Оно меня не усладило.
Мне нечего запомнить в нем,
Чего б тоской не отравило!

Я к одиночеству привык,
Я б не умел ужиться с другом;
Я б с ним препровожденный миг
Почел потерянным досугом.

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою.
И если о любви пою –
Она была моей мечтою.

На светлый запад удалюсь,
Вид моря грусть мою рассеет.
Ни с кем в отчизне не прощусь –
Никто о мне не пожалеет!..

Акростих – стихотворение, начальные буквы каждой строки, читаемые сверху вниз, составляют имя, слово, рассчитан на зрительное восприятие.

Кому посвящен акростих **Н. Гумилева**?

Ангел лег у края небосклона.
Наклоняясь, удивлялся безднам.
Новый мир был темным и беззвездным.
Ад молчал. Не слышалось ни стона.

Алой крови робкое биенье,
Хрупких рук испуг и содроганье,
Миру снов досталось в обладанье

Ангела святое отраженье.

Тесно в мире! Пусть живет, мечтая
О любви, о грусти и о тени,
В сумраке предвечном открывая
Азбуку своих же откровений.

Элегический дистих – античное двустишие, соединение гекзаметра и пентаметра. Элегическим его называют потому, что, как правило, содержит в себе глубокую житейско-философскую мысль.

Гекзаметр – 6-стопный дактиль без рифмы с цезурой после 3 стопы.

Пентаметр. /-/-/ /-/-/

Феогнит. (6 век до н.э.) Эпиграммы

Сделать низкого добрым труднее, чем доброго низким.
Можешь меня не учить. Я не мальчишка тебе.

Платон. (4 век до н.э.) Гномы – философские эпиграммы

Золото некто нашел, обронив при этом веревку;
Тот, кто его потерял, смог себе петлю связать.

Вспомните: *Жанр эпиграммы в античности первоначально имел другое значение, чем сейчас. Это были короткие поучительные стихотворения, чаще двустишия. Писались они элегическим дистихом.*

Сапфическая строфа (по имени Са(п)фо, греческой поэтессы) – катрен на любовную тему, логоэд (точное повторение ритма в каждой строке), четвертый стих короче первых трех.

Ты любила там пировать, Киприда,
В золотые кубки рукою нежной
Разливая нектар – богов напитков
Благоуханный.

Сафо

Хокку – особая форма трехстрочной лирической миниатюры в японской (восточной) поэзии.

Басё

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

Ива склонилась и спит.
И кажется мне, соловей на ветке –
Это ее душа.

Танка – стихотворение из пяти строк в японской (восточной) поэзии.

Камо Мабути

В пору цветенья
Вишни сродни облакам –
Не потому ли
Стала просторной душа,
Словно весеннее небо...

Радость какая!
Запел долгожданный сверчок.
Ах, если б вечно
Длилась прозрачная ночь,
Не заходила луна...

Газель – стихотворная форма лирической любовной поэзии у народов Востока; состоит из бейтов (двустуший); начало рифмовки – в первом бейте, в дальнейшем – однозвучная рифма идет через строку: аа ва са да... В последнем бейте звучит поэтическое имя (псевдоним) автора: например, Хафиз, Саади. Кто автор этой газели?

Тяжесть печали сердце мне томит,
Пламя разлуки в сердце моем кипит.

Розы и гиацинта мне не забыть,
В памяти вечно смоль твоих кос блестит.

Яда мне горше стал без тебя шербет,
Дух мой надежда встречи с тобой живит.

На изголовье слезы я лью в ночи,
Днем – ожиданье в сердце моем горит.

Сотнею кубков пусть упоят меня,
В чаши отравы разлука их превратит.

Предан печалям, как палачам, Саади!
Не измени мне, иль пусть я буду убит!

Лимерик (веселая чепуха; название произошло от ирландского города Лимерик) – шуточное пятистишие английской народной поэзии. Рифма ААББА. Размер трехсложный. 1 строчка – Кто? Откуда? 2 строчка – Какой? 3-4 – Что произошло? 5 – чем кончилось?

Эдвард Лир

Жил мальчик вблизи Фермопил,
Который так громко вопил,
Что глохли все тетки,
И дохли селедки,
И сыпалась пыль со стропил.

Жил один джентльмен в Девоншире.
Он распахивал окна пошире
И кричал: «Господа!
Трум-баду, трум-бада!»,
Ободряя людей в Девоншире

Задание к теме:

- Найдите самостоятельно по одному примеру на каждый случай.
- Сочините газель, лимерик, хокку.

Контрольная работа по стихосложению. Определить систему, размер:

1. Не любити тяжело,
И любити тяжело,
А тяжелее всего,
Любя, любовь не достать.
А. Кантемир

11. Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.
А. Блок

2. Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.
В. Маяковский

12. В декабре на заре было счастье,
Длилось – миг.
Настоящее первое счастье.
Не из книг.
М. Цветаева

3. Я не знаю, зачем, и кому это нужно,
Кто послал этих мальчиков недрожащей
рукой,
Только так бесполезно, Так зло и ненужно

13. Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

- Опустили их в вечный покой.
А. Вертинский
4. Начну на флейте стихи печальные,
Зря на Россию чрез страны дальны...
В. Тредиаковский
5. Тщетную мудрость мира вы оставьте,
Злы богоборцы, обратив кормило,
Корабль свой к берегу истины направьте,
Теченье выше досель блудно было.
А. Кантемир
6. Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.
К. Бальмонт
7. Сегодня, я вижу, особенно грустен твой
взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв...
Н. Гумилев
8. И медленно пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
А. Блок
9. Они любили друг друга,
Но каждый упорно молчал,
Смотрели врагами, но каждый
В томленьи любви изнывал.
А. Фет
10. Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я б хотел
Давным-давно приняться за октаву.
А в самом деле: я бы совладел
С тройным созвучием! Пушусь на славу!
Ведь рифмы запросто со мной живут;
Две придут сами, третью приведут.
А. Пушкин
- А. Блок
14. Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.
А. Ахматова
15. Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит...
А. Пушкин
16. Ешь ананасы, рябчиков жуй!
День твой последний приходит,
буржуй!
В. Маяковский
17. Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я тоже была, прохожий,
Прохожий, остановись.
М. Цветаева
18. Не каждый может петь,
Не каждому дано яблоком
падать к чужим ногам.
Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедается хулиган.
С. Есенин
19. Если я чего написал,
Если чего сказал,
Всему виной глаза-небеса,
Любимой моей глаза.
В. Маяковский
20. Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может, пьют вино,
Может, так сидят,
Или просто – рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.
М. Цветаева

Особенности выражения лирического «Я».

- Если два поэта написали стихотворения одного жанра, будут ли они похожи? Чем будут различаться?
- Лирическое «Я». Лирический герой – (не обязательно тождественный лирическому «я» художника) образ, создаваемый поэтом в соответствии с его духовными устремлениями, «носитель переживания в лирическом произведении» (А.Б. Есин).
- Единство и многообразие поэтического «я» в разных жанрах лирики: элегия – грустный, эпиграмма – насмешливый... - продолжите.
- Сравните стихотворения:

Александр Пушкин
Телега жизни

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везёт, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошёл!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

1823

Евгений Баратынский
Дорога жизни

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Даёт известный нам запас.

Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми роковыми
Прогоны жизни платим мы.

1825

Александр Пушкин
Элегия

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, - печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.
1830

Я вас любил, любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем,
Но пусть она вам больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренне, так нежно.
Как дай вам бог любимой быть другим.
1829

Друзьям

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.

Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуса я.
1816

Михаил Лермонтов

Я жить хочу! Хочу печали
Любви и счастью назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.

Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?

Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.
1832

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди своей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И, новым преданный страстям,
Я разлюбил его не мог:
Как храм оставленный – все храм,
Кумир поверженный – все бог!
1837

Стансы (отрывок)

Я к одиночеству привык,
Я б не умел ужиться с другом;
Я б с ним препровожденный миг
Почел потерянным досугом.

Мне кручно в день, мне скучно в ночь.
Надежды нету в утешенье;
Она навек умчалась прочь,
Как жизни каждое мгновенье.
1830

- Самостоятельно: сравните стихотворения Пушкина и Лермонтова «Пророк», «Узник».

Условность языка литературы.

Тропы и фигуры

По определению дайте название тропа или фигуры, подберите 2-3 примера из произведений русской литературы:

1. Сочетание противоположных по смыслу слов (остроумно глупое).
2. Построение длинного речевого периода таким образом, что главное слово (чаще сказуемое) поставлено в начале, а в дальнейшем оно подразумевается.
3. Бессоюзиe. Придает речи особую стремительность.
4. Увеличение количества союзов. Выделяются отдельные слова, замедляется интонация.
5. Преуменьшение.
6. Неоправданное прибавление слов (излишек).
7. Повторение конца стиха в начале следующего (слоговая, лексическая, рифменная).
8. Перенос значения по смежности.
9. Сходство структуры предложений, частей, образов.
10. Иносказание, изображение отвлеченного понятия через конкретный образ.
11. Преувеличение.
12. Перенос значения по сходству.
13. Перенос значения по количеству: часть вместо целого, целое вместо части.
14. Изменение обычного порядка слов с целью выделить какое-то слово, придать фразе особую выразительность.
15. Перенос значения по противоположности.
16. Одинаковый конец стиха, фразы.
17. Пропуск какого-либо члена предложения (чаще глагола), придающий речи динамизм, сжатость.
18. Детализация значения; замена слова или словосочетания описательным оборотом речи.
19. Использование писателем формы известного литературного произведения, чаще с сатирическим содержанием.
20. Совмещение инверсии с обычным порядком слов.
21. Сопоставление двух предметов, понятий или состояний, имеющих общий признак.
22. Единоначатие.
23. Образное определение, метафорическое прилагательное.
24. Соединение анафоры и эпифоры или одинаковая середина при разных начале и конце фразы.

Определите художественный прием (возможно, не один):

- 1) ...Нина мраморной красою

Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была. (А. Пушкин)

2) Дул север. Плакала трава
И ветви о недавнем зное,
И роз, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое. (А. Фет)

3) Ослы! Сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома... (А. Грибоедов)

4) Не тростник высок колыхается,
Не дубравушки шумят,
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат. (Н. Некрасов)

5) ...чтоб мог родней отныне стать
отец, по крайней мере, миром,
землей, по крайней мере, мать. (В. Маяковский)

6) А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья... (А. Пушкин)

7) «...Господин был встречен трактирным слугою, живым и вертлявым до такой степени, что даже
нельзя рассмотреть, какое у него было лицо». (Н. Гоголь «Мертвые души»)

8) Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня! (А. Блок)

9) «Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое ее выливается
большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе
способность любви». (Л. Толстой «После бала»)

10) Вся изба храпела.

11) Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера. (К. Симонов)

12) Все флаги в гости будут к нам.

13) Только слышно – на улице где-то одинокая бродит гармонь.

14) Швед, русский колет, рубит, режет.

15) Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,

О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны. (В. Луговской)

16) Мне и рубля не накопили строчки. (В. Маяковский)

17) Люблю я пышное природы увяданье... (А. Пушкин)

18) Откуда, умная, бредешь ты, голова?

19) Пьяные уланы
Спят перед столом,
Мягкие диваны
Залиты вином.
Лишь не спит влюбленный,
Погружен в мечты,
Подожди немного,
Захрапишь и ты! (А. Апухтин)

20) Лицо ее не больше пуговики.

21) Стоит лодырь у ворот, широко разинув рот.
А народ не разберет, где ворота, а где рот.

Мифологемы и архетипы

Мифологема – сюжет, повторяющийся в разных мифах. Имеет широкое распространение в культурах разных народов и отражается в произведениях искусства.

Примеры типичных сюжетов: борьба со змеем; битва поколений (отца с сыном), чудесное рождение героя...

Вопросы к теме:

- Вспомните повторяющиеся сюжеты (мифологемы) в сказках и мифах о змееборцах.
- Что вы знаете об этих змеях: Пифон, Тифон, Апоп, Шушна, Лернейская гидра, Медуза Горгона, Чудо-Юдо, Змей Горыныч
- Кто боролся с ними?
- Какой сюжет изображен на гербе Москвы?

Архетип – изначальный коллективный бессознательный образ (Юнг). Не имеет однозначной трактовки, живет независимо от времени, передается по наследству как идеальное знание. Архетип служит для познания и гармонии одновременно.

Приведите примеры произведений, где реализуется данный архетип:

- мировое древо, гора – устройство мира, гармония;
- дитя – изначальное знание о сущности мира, младенец = старцу: беззуб, слаб, лыс, но мудр; явление изначальной мудрости;
- тень и двойник;
- близнецы – удвоение качества, богатство или борьба противоположностей, антагонизм;
- умирающий и воскресающий бог – обретение мудрости, воскрешение в новом качестве, образ увядающей и расцветающей природы;
- змей – мудрость и разрушение;
- снег – сон, смерть;
- культурный герой (создатель, учитель) и трикстер (плут);

Какие архетипы и мифологемы реализуются в знакомых вам произведениях:

А.Экзюпери «Маленький принц», Толкиен «Властелин колец», Н. Гоголь «Тарас Бульба», «Сказка о Кошее Бессмертном», «Маугли», «Мальчик с пальчик», Шекспир «Двенадцатая ночь», Марк Твен «Принц и нищий», А. Пушкин «Руслан и Людмила», Э. По «Ворон».

Архетип древа

Варианты архетипа дерева – крест, река, гора.

Многочисленные мифы повествуют о гигантском дереве – связующем звене между небом и землей. Китайское солнечное дерево, ясень кельтов Иггдрасиль. Яблоня мироздания на индусской горе Меру – ось мира, расположенная в центре райского сада.

Двенадцать золотых яблок в саду Гесперид.

Новогодняя елка. Ель – символ вечности; воплощение жизненной силы, благополучия.

Библия. Бытие. Глава 2

И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла... И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.

Библия. Евангелие от Иоанна. Глава 15

Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода... Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне... Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают.

Александр Пушкин

Подражание италиянскому

Как в древа сорвался предатель ученик,
Дьявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.
1836.

Николай Тряпкин

Горячая полночь! Зацветшая рожь!..
Купальской росой окропите мой нож.
Я филином ухну, стрижом прокричу,
О камень громовый тот нож наточу,
Семь раз перепрыгну чрез жаркий костер –
И к древнему дубу приду на сугор.

Приду, поклонюсь и скажу: «Исполать!»
И крепче в ладони сожму рукоять,
И снова поклон перед ним положу –
И маху весь ножик в него засажу.
И будет он там – глубоко, глубоко,
И брызнет оттуда, как гром, молоко.
Животное млеко, наполнив кувшин,
Польется на злаки окрестных долин,
Покатится к Волге, Десне и на Сож...
И вызреет в мире громовая рожь.
Поднимутся финн, костромич и помор
И к нашему дубу придут на сугор.
А я из кувшина, среди злаков густых,
Гремящею пеной плесну и на них.
Умножатся роды, прибавятся силы,
Засветятся камни у древних могил.
А я возле дуба, чтоб зря не скучать,
Зачну перепелкам на дудке играть.
1971.

Лев Толстой «Война и мир», том 2, часть 3

Весной 1809 года...

На краю дороги стоял дуб. Вероятно, в десять раз старше берез, составлявших лес. Он был в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными давно, видно, суками и с обломанной корой, заросшей старыми болячками. С огромными своими неуклюже, несимметрично растопыренными корявыми руками и пальцами, он старым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца.

«Весна, и любовь, и счастье! – как будто говорил этот дуб. – И как не надоест вам все один и тот же глупый, бессмысленный обман! Все одно и то же, и все обман! Нет ни весны, ни солнца, ни счастья...»

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб, проезжая по лесу, как будто он чего-то ждал от него. Цветы и трава были и под дубом, но он все так же, хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно, стоял посреди них.

«Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб, - думал князь Андрей, - пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем жизнь, - наша жизнь кончена!»

Уже было начало июня, когда князь Андрей, возвращаясь домой, въехал опять в ту березовую рощу, в которой этот старый, корявый дуб так странно и памятно поразил его... Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого горя и неверия – ничего не было видно. Сквозь столетнюю жесткую кору пробились без сучков сочные молодые листья, так что верить нельзя было, что этот старик произвел их. «Да это тот самый дуб», - подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления. Все лучшие минуты жизни вдруг в одно и то же время вспомнились ему...

«Нет, жизнь не кончена в тридцать один год», - вдруг окончательно, беспрерывно решил князь Андрей.

Толкиен Р.Р. «Властелин колец», книга 6, глава 5

Маг, никому ни сказав ни слова, вместе с Арагорном ночью ушел из города. Он привел короля к южному подножию Миндоллуина. Отсюда начиналась тропа, которая вела в заповедное ущелье, куда путь простым смертным заказан. Путники долго пробирались по крутизне, пока не вышли на высокогорное плато у самой кромки снегов...

Гендальф негромко произнес:

- Вот твое королевство. Оно станет сердцем Западного Мира. Третья эпоха кончается, на смену ей приходит новая. Твоя задача – положить ей начало и сохранить то, что удастся. Кончается сила Трех колец. Наступает время Людей, а Старшему Народу предстоит уйти.

- Но ведь и мне предстоит умереть, - сказал Арагорн. – Кому тогда передам я власть, если Дерево во дворе у фонтана все еще мертво? Увижу ли я знак перемены моей судьбы?

- Увидишь, если отворишь взор от зелени мира и обратишься к чистому холоду снегов! – торжественно произнес Гендальф.

Арагорн обернулся. Позади, выше того места, где они стояли, у самой кромки вечных снегов что-то зеленело на белом фоне. Арагорн быстро вскарабкался по склону и увидел ствол молодого деревца не выше трех футов. На нем уже распустились длинные изящные листья, темные сверху и серебристые снизу, а в небольшой кроне снежно белела единственная гроздь цветов.

- Я нашел его! – вскричал Арагорн. – Вот побег Древнейшего из Деревьев! Но как он оказался здесь? Ему не больше семи лет от роду.

- Мы с тобой стоим на месте древнего святилища. Прежде чем прервался род королей и дерево при дворе засохло, здесь, должно быть оставили плод. Жизненные силы могут долго спать внутри плода, и никому не предсказать миг их пробуждения. Помни это. Ибо если плод созреет, он должен быть посажен, иначе это дерево навсегда исчезнет из мира.

Арагорн осторожно взял росток. Потом выкопали засохшее Дерево, но не сожгли, а с почетом положили ствол отдыхать в тиши Рат Динен. И Арагорн посадил новое Дерево во дворе у фонтана. Оно быстро и радостно пошло в рост, а к началу июня уже покрылось цветами.

- Вот я и получил знак, - сказал тогда Арагорн, - близится мой день. – И он послал дозорных на стены Цитадели.

Арсений Тарковский Посредине мира

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост –
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое кляню, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое.
И – боже мой! – какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток.

1958

Вопросы к теме:

- Какую информацию несет в себе архетип древа?
- Какие еще деревья в мифах, сказках... вы вспомнили?
- Докажите, что гора, река, крест – варианты архетипа древа. Приведите примеры.

Архетип змея

Архетип змея как олицетворение разрушительных сил природы и ее животворного начала. Мудрость как следствие промежуточного положения среди стихий (медиатор – посредник), чудесные способности, раздвоение образа на помощника и противника.

Среда обитания:

- вода;
- земля и под землей;
- огонь – дракон, жало;
- воздух – дракон.

Внешний вид:

- обычная змея;
- с крыльями;
- несколько голов;
- полузмей-получеловек.

Вопросы к теме:

- Библейский змей в Раю – добро или зло?
- Что вы знаете о Медном Змее (Ветхий завет. Исход)?
- Какую роль играют змеи в «Маленьком принце», в «Маугли», в стихотворении Пушкина «Пророк»?
- Проанализируйте стихотворение:

Николай Гумилев **Змей**

Ах, иначе в былые года
Колдовала Земля с небесами,
Дива дивные зрелись тогда,
Чуда чудные деялись сами...
Позабыв Золотую Орду,
Пестрый грохот равнины китайской,
Змей крылатый в пустынном саду
Часто прятался полночью майской.
Только девушки видеть Луну
Выходили походкою статной –
Он подхватывал быстро одну,
И взмывал, и стремился обратно.
Как сверкал, как слепил и горел
Медный панцирь под хищной Луною,
Как серебряным звоном летел
Мерный клёкот над Русью лесною:
«Я красавиц таких, лебедей
С белизною такою молочной,
Не встречал никогда и нигде,
Ни в заморской стране, ни в восточной.
Но ещё ни одна не была
Во дворце моём пышном, в Лагоре:
Умирают в пути, и тела
Я бросаю в Каспийское море.
Спать на дне, средь чудовищ морских,
Почему им, безумным, дороже,
Чем в могучих объятых моих

На торжественном княжеском ложе?
И порой мне завидна судьба
Парня с белой пастушечьей дудкой
На лугу, где девичья гурьба
Так довольна его прибауткой».
Эти крики заслыша, Вольга
Выходил и поглядывал хмуро,
Надевал тетиву на рога
Беловежского старого тура.

Архетип дитяти

Дитя – спаситель мира, изначальное знание о сущности мира. *Архетип младенца* – явление мудрости без участия рода, общества. Надежда на неизбывную мудрость. Чаше появляется в период смуты, перелома мира. В эпоху Возрождения – амуры. Образ Христа – младенец и проповедующий – в двух ипостасях.

Младенец – судья мира.

Вопросы к теме:

- почему у главного героя рассказа Достоевского «Мальчик у Христа на елке» нет имени? Почему главный герой рассказа – ребенок?
- Что ищет Маленький принц из сказки Экзюпери? Эта сказка для детей или для взрослых? Архетип путешествия равен взрослению, постижению смысла жизни.
- Почему из жизнеописания Иисуса Христа пропущены годы взросления? Почему Рождество – любимый церковный праздник? Проанализируйте стихотворение:

Иосиф Бродский

Рождественская звезда

В холодную пору, в местности, привычной скорее к жаре,
Чем к холоду, к плоской поверхности более, чем к горе,
Младенец родился в пещере, чтоб мир спасти;
Мело, как только в пустыне может зимой мести.
Ему все казалось огромным: грудь матери, желтый пар
Из воловьих ноздрей, волхвы – Балтазар, Гаспар,
Мельхиор, их подарки, втащенные сюда.
Он был всего лишь точкой. И точкой была звезда.
Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
На лежащего в яслях ребенка издалека,
Из глубины вселенной, с другого ее конца,
Звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд отца.
1987 г

- Почему в эпосе Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец» Кольцо Всевластья может уничтожить только хоббит?

Предсказание:

*Сломанный Меч в Имладрисе искать отныне вам суждено.
Срок наступает – Совет созвать сильнее Моргульских чар.
Там будет явлен зловеющий знак – проклятье пробуждено,
И полурослик уйдет во мрак, приняв на себя удар.*

10 класс

Изображенный мир.

Изображенный мир – условно подобная реальному миру картина действительности, которую рисует писатель: люди, вещи, природа, поступки, переживания... Эта модель в произведениях каждого писателя своеобразна. Разная степень реальности, но всегда не тождество.

Составляющие изображенного мира:

- форма существования изображенного мира – *хронотоп*.
- свойства изображенного мира – *жизнеподобие и фантастика*;
- *художественная деталь*,
- *портрет*;
- *пейзаж*;
- *мир вещей*;
- *психологизм*;

Хронотоп

Хронотоп – художественное время и пространство, параметры художественного мира.

Образ времени:

- историческое время (эпоха);
- биографическое время (детство, юность, старость...);
- Календарное время, его символическое значение (например, действие в романе Гончарова «Обломов» начинается весной, а заканчивается зимой);
- Праздничное время (например, Рождество);
- Время суток (символисты – рассвет, романтизм – ночь, Пушкин – «дневной», Тютчев – «ночной»...);
- Абсолютное, космическое время – «всегда», «бесконечность» и время конкретное;
- цикличность времени;

Образ пространства.

- реальное и воображаемое (сказка и летопись);
 - конкретное и абстрактное;
 - чужое, экзотическое, и свое, родное;
 - бытовое и фантастическое;
 - внешнее и внутреннее пространство (душа человека, его внутреннее «я»);
 - Как движется взгляд поэта: вертикаль – горизонталь, земля – небо.
 - Линия – плоскость, близкое – далекое, замкнутое, открытое.
 - Неподвижное (статичное) – динамичное. Если изменяется, то как: сужается – расширяется, цвет, свет, звук.
- Пространственные образы (образ воды, сада, поля...).

Произведения для анализа:

Иван Бунин

Холодная осень («Темные аллеи»)

В июне того года он гостил у нас в имении – всегда считался у нас своим человеком: покойный отец его был другом и соседом моего отца. Пятнадцатого июня убили в Сараеве Фердинанда.

Утром шестнадцатого привезли с почты газеты. Отец вышел из кабинета с московской вечерней газетой в руках в столовую, где он, я и мама всё ещё сидели за чайным столом, и сказал:

– Ну, друзья мои, война! В Сараеве убит австрийский кронпринц. Это война!

На Петров день к нам съехалось много народу, – были именины отца, – и за обедом он был объявлен моим женихом. Но девятнадцатого июля Германия объявила России войну...

В сентябре он приехал к нам всего на сутки – проститься перед отъездом на фронт (все тогда думали, что война кончится скоро, и свадьба наша была отложена до весны). И вот настал наш прощальный вечер. После ужина подали, по обыкновению, самовар, и, посмотрев на запотевшие от его пара окна, отец сказал:

– Удивительно ранняя и холодная осень!

Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тайные мысли и чувства. С притворной простотой сказал отец и про осень. Я подошла к балконной двери и протерла стекло платком: в саду, на черном небе, ярко и остро сверкали чистые ледяные звезды. Отец курил, откинувшись в кресло, рассеяно глядя на висевшую над столом жаркую лампу, мама, в очках, старательно зашивала под её светом маленький шёлковый мешочек, – мы знали какой, и это было трогательно и жутко. Отец спросил:

– Так ты всё-таки хочешь ехать утром, а не после завтрака?

– Да, если позволите, утром, – ответил он. – Очень грустно, но я ещё не совсем распорядился по дому.

Отец легонько вздохнул:

– Ну, как хочешь, душа моя. Только в этом случае нам с мамой пора спать, мы непременно хотим проводить тебя завтра...

Мама встала и перекрестила своего будущего сына, он склонился к её руке, потом к руке отца. Оставшись одни, мы ещё немного побыли в столовой, – я вздумала раскладывать пасьянс, – он молча ходил из угла в угол, потом спросил:

– Хочешь пройдемся немного?

На душе у меня делалось всё тяжелее, я безразлично отозвалась:

– Хорошо...

Одеваясь в прихожей, он продолжал что-то думать, с милой усмешкой вспомнил стихи Фета:

Какая холодная осень!

Надень свою шаль и капот...

– Капота нет, – сказала я. – А как дальше?

– Не помню. Кажется так:

Смотри – меж чернеющих сосен

Как будто пожар восстаёт...

– Какой пожар?

– Восход луны, конечно. Есть какая-то деревенская осенняя прелесть в этих стихах. «На день свою шаль и капот...» Времена наших дедушек и бабушек... Ах, боже мой, боже мой!

– Что ты?

– Ничего, милый друг. Всё-таки грустно. Грустно и хорошо. Я очень, очень люблю тебя...

Одевшись, мы прошли через столовую на балкон, сошли в сад. Сперва было так темно, что я держалась за его рукав.

Потом стали обозначаться в светлеющем небе черные сучья, осыпанные минерально блестящими звездами. Он, приостановясь, обернулся к дому:

– Посмотри, как совсем особенно, по-осеннему, светят окна дома. Буду жив, вечно буду помнить этот вечер...

Я посмотрела, и он обнял меня в моей швейцарской накидке. Я отвела от лица пуховой платок, слегка отклонила голову, чтобы он поцеловал меня. Поцеловав, он посмотрел мне в лицо:

– Как блестят глаза, – сказал он. – Тебе не холодно? Воздух совсем зимний. Если меня убьют, ты всё-таки не сразу забудешь меня?

Я подумала: «А вдруг правда убьют? И не ужели я всё-таки забуду его в какой-то срок – ведь всё в конце концов забывается?» И поспешно ответила, испугавшись своей мысли:

– Не говори так! Я не переживу твоей смерти!

Он, помолчав, медленно выговорил:

– Ну что ж, если убьют, я буду ждать тебя там. Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне.

Я горько заплакала...

Утром он уехал. Мама надела ему на шею тот розовый мешочек, что зашивала вчера вечером, – в нём был золотой образок, который носили на войне её отец и дед, – и мы все перекрестили его с каким-то порывистым отчаянием. Глядя ему вслед, постояли на крыльце в том оцепении, которое всегда бывает, когда проводишь кого-нибудь на долгую разлуку, чувствуя только удивительную несовместность между нами и окружающим нас радостным, солнечным, сверкающим изморозью на траве утром. Постояв, вошли в опустевший дом. Я пошла по комнатам, заложив руки за спину, не зная, что теперь делать с собой и зарыдать ли мне или запеть во весь голос...

Убили его – какое странное слово! – через месяц, в Галиции. И вот прошло с тех пор целых тридцать лет. И многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, перебираешь в памяти всё то волшебное, непонятное, непостижимое ни умом, ни сердцем, что называется прошлым. Весной восемнадцатого года, когда ни отца, ни матери уже не было в живых, я жила в Москве, в подвале у торговли на Смоленском рынке, которая всё издевалась надо мной: «Ну, ваше сиятельство, как ваши обстоятельства?». Я тоже занималась торговлей, продавала, как многие продавали тогда, солдатам в папахах и расстёгнутых шинелях кое-что из оставшегося у меня, – то какое-нибудь колечко, то крестик, то меховой воротник, побитый молью, и вот тут, торгуя на углу Арбата и рынка, встретила человека редкой, прекрасной души, пожилого военного в отставке, за которого вскоре вышла замуж и с которым уехала в апреле в Екатеринодар. Ехали мы туда с ним и его племянником, мальчиком лет семнадцати, тоже пробиравшемся к добровольцам, чуть не две недели, – я бабой, в лаптях, он в истертом казачьем зипуне, с отпущенной черной с проседью бородой, – и пробыли на Дону и на Кубани больше двух лет. Зимой, в ураган, отплыли с толпой прочих беженцев из Новороссийска в Турцию, и на пути, в море, муж мой умер в тифу. Близких у меня осталось после того на всем свете только трое: племянник мужа, его молоденькая жена и их девочка, ребёнок семи месяцев. Но племянник с женой уплыли через некоторое время в Крым, к Врангелю, оставив ребёнка на моих руках. Там они пропали без вести. А я ещё долго жила в Константинополе, зарабатывая на себя и на девочку очень тяжелым черным трудом. Потом, как многие, где только не скиталась я с ней! Болгария, Сербия, Чехия, Бельгия, Париж, Ницца... Девочка давно выросла, осталась в Париже, стала совсем французенкой, очень миленькой и совершенно равнодушной ко мне, служила в шоколадном магазине возле Мадлэн, холеными ручками с серебряными ноготками завёртывала коробки в атласную бумагу и завязывала их золотыми шнурочками; а я жила и всё ещё живу в Ницце чем бог пошлет... Была я в Ницце в первый раз в девятьсот двенадцатом году – и могла ли думать в те счастливые дни, чем некогда станет она для меня!

Так и пережила я его смерть, опрометчиво сказав когда-то, что я не переживу её. Но, вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же всё-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то? Все-таки был. И это всё, что было в моей жизни, – остальное не нужный сон.

И я верю, горячо верю: где-то там он ждет меня – с той же любовью и молодостью, как в тот вечер. «Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне...» Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду.

Иван Бунин

Часовня («Темные аллеи»)

Летний жаркий день, в поле за садом старой усадьбы, давно заброшенное кладбище, – бугры в высоких цветах и травах и одинокая, вся дико заросшая цветами и травами, крапивой и татарником, разрушающаяся кирпичная часовня. Дети из усадьбы, сидя под часовней на корточках, зоркими глазами заглядывают в узкое и длинное разбитое окно на уровне земли. Там ничего не видно, оттуда только холодно дует. Везде светло и жарко, а там темно и холодно: там, в железных ящиках, лежат какие-то дедушки и бабушки и еще какой-то дядя, который сам себя застрелил. Все это очень интересно и удивительно: у нас тут солнце, цветы, травы, травы, мухи, шмели, бабочки, мы можем играть, бегать, нам жутко, но и весело сидеть на корточках, а они всегда лежат там в

темноте, как ночью, в толстых и холодных железных ящиках; дедушки и бабушки все старые, а дядя еще молодой...

- А зачем он себя застрелил?

- Он был очень влюблен, а когда очень влюблен, всегда стреляют себя...

В синем море неба островами стоят кое-где белые прекрасные облака, теплый ветер с поля несет сладкий запах цветущей ржи... И чем жарче и радостней печет солнце, тем холоднее дует из тьмы, из окна.

2 июля 1944

Владимир Набоков

Катастрофа

В зеркальную мглу улицы убежал последний трамвай, и над ним, по проволоке, с треском и трепетом стремилась вдаль бенгальская искра, лазурная звезда.

- Что ж, поплетемся пешком, хотя ты очень пьян, Марк, очень пьян...

Искра потухла. Крыши под луной лоснились: серебряные углы, косые провалы мрака.

Сквозь темный блеск шел он домой, - Марк Штандфусс, приказчик, полубог, светловолосый Марк, счастливцев в высоком крахмальном воротнике. Над белой полоской, сзади, волосы кончались смешным неподстриженным хвостиком, как у мальчика. За этот хвостик Клара и полюбила его, - да, клялась, что любит, что забыла стройного, нищего иностранца, снимавшего в прошлом году комнату у госпожи Гайзе, ее матери.

- И все-таки, Марк, ты пьян...

Сегодня друзья чествовали пивом и песнями Марка и рыжую, бледную Клару, - а через неделю будет их свадьба, и потом до конца жизни - счастье и тишина, и ночью рыжий пожар, рассыпанный по подушке, а утром - опять тихий смех, зеленое платье, прохлада оголенных рук.

Посреди площади - черный вигвам, красный огонек: починяют рельсы. Он вспоминал, как сегодня целовал ее под короткий рукав, в тот трогательный след, что остался от прививки оспы. И теперь шел домой, пошатываясь от счастья и хмеля, размахивая тонкой тростью, и в темных домах по той стороне пустынной улицы хлопало ночное эхо в такт его шагов, а потом смолкло, когда он повернул за угол, где у решетки стоял все тот же человек в переднике и картузе, продавец горячих сосисок, и высвистывал по-птичьи, нежно и грустно: вюрстхен... вюрстхен...

Марку стало сладостно жаль сосисок, луны, голубой искры, пробежавшей по проволоке, - и, прислонясь к забору, он весь сжался, напрягся и вдруг, помирая со смеху, выдул в круглую щелку: «Клара... Клара... о, Клара, моя милая...»

А за черным забором, в провале между домов, был квадратный пустырь: там, что громадные гроба, стояли мебельные фургоны. Их раздуло от груза. Бог весть, что было навалено в них. Дубовые баулы, верно, да люстры, как железные пауки, да тяжкие костяки двуспальной кровати. Луна обдавала их крепким блеском. А слева, на задней голой стене дома, распластались гигантские черные сердца, - увеличенная во много раз тень липы, стоявшей близ фонаря на краю тротуара.

Марк все еще посмеивался, когда всходил по темной лестнице на пятый этаж. Вступив на последнюю ступеньку, он ошибся, поднял еще раз ногу - и опустил ее неловко, с грохотом. Пока он шарил в потемках по двери, отыскивая замочную скважину, бамбуковая тросточка выскочила из-под мышки и, легко постукивая, скользнула вниз, по ступенькам. Марк затаил дыхание. Думал, - трость повернет, там, где поворачивает лестница, и, постукивая, докатится до самого низу. Но тонкий деревянный звон внезапно замер. Остановилась, мол. Он облегченно усмехнулся и, держась за перила, - пиво глухо пело в голове - стал спускаться обратно, наклонился, чуть не упал, тяжело сел на ступень, шаря вокруг себя ладонями.

Наверху дверь на площадку открылась; госпожа Штандфусс, - керосиновая лампа в руке, сама полуодетая, глаза мигающие, дым волос из-под чепца - вышла, позвала: ты, Марк?

Желтый свет клина захватил перила, ступени, трость, - и Марк, тяжело и радостно дыша, поднялся на площадку, а по стене поднялась за ним его черная, горбатая тень.

Потом, в полутемной комнате, перегородженной красной ширмой, был такой разговор:

- Ты слишком много пил, Марк...

- Ах нет, мама... Такое счастье...
- Ты перепачкался, Марк. У тебя ладонь черная...
- ... такое счастье... А, хорошо... - холодная. Полей на макушку... Еще... Меня все поздравляли, - да и есть с чем... Еще полей...
- Но, говорят, она так недавно любила другого... иностранца, проходимца какого-то. Пяти марок не доплатил госпоже Гайзе...
- Оставь... Ты ничего не понимаешь... Мы сегодня так много пели. Пуговица оторвалась, смотри... я думаю, мне удвоят жалование, когда женюсь...
- Ложись, ложись... Весь грязный... новые штаны...

В эту ночь Марку приснился неприятный сон. Он увидел покойного отца. Отец подошел, со странной улыбкой на бледном, потном лице, и, схватив Марка за руки, стал молча сильно щекотать его, - не отпускал.

Только уже придя в магазин, вспомнил он этот сон, вспомнил оттого, что приятель, веселый Адольф, пальцем ткнул его в ребра. На миг в душе распахнулось что-то, удивленно застыло и захлопнулось опять. Опять стало легко и ясно, и галстуки, которые он предлагал, ярко улыбались, сочувствовали его счастью. Он знал, что вечером увидит Клару, - вот только забежит домой поужинать, а потом сразу к ней... На днях, когда он рассказывал ей о том, как они уютно и нежно будут жить, она неожиданно расплакалась. Конечно, Марк понял, что это слезы счастья, - так она и объяснила ему, - а потом закружилась по комнате, - юбка – зеленый парус, - и быстро-быстро стала приглаживать перед зеркалом яркие волосы свои, цвета абрикосового варенья. И лицо было растерянное, бледное – тоже от счастья. Это ведь так понятно...

- В полоску? Извольте...

Он завязывал на руке галстук, поворачивал руку туда-сюда, соблазняя покупателя. Быстро открывал плоские картонные коробки...

А в это время у матери его сидела гостя, госпожа Гайзе. Она пришла ненароком, и лицо было заплаканное. Осторожно, словно боясь разбиться, опустилась на табурет в крохотной, чистенькой кухне, где госпожа Штандфусс мыла тарелки. На стене висела плоская деревянная свинья, и спичечная коробка с одной обгорелой спичкой валялась на плите.

- Я пришла к вам с дурной вестью, госпожа Штандфусс.

Та замерла, прижав к груди тарелку.

- Это насчет Клары. Вот. Она сегодня, как безумная. Вернулся тот жилец, - помните, рассказывала. И Клара потеряла голову. Да, сегодня утром... Она не хочет больше видеть никогда вашего сына... вы ей подарили материю на платье, будет возвращено. И вот – письмо для Марка. Клара с ума сошла. Я не знаю...

А Марк, кончив службу, уже шел восвояси, и ежом стриженный Адольф проводил его до самого дома. Оба остановились, пожали друг другу руки, и Марк плечом толкнул дверь в прохладную пустоту.

- Куда ты? Плюнь... вместе закусим где-нибудь.

Адольф лениво оперлся на трость, как на хвост.

- Плюнь, Марк...

Тот нерешительно потер щеку, потом засмеялся...

- Хорошо... Но платить буду я.

Когда полчаса спустя он вышел из пивной и распрощался с приятелем, огненный закат млея в пролете канала, и влажный мост вдаль был окаймлен тонкой золотой чертой, по которой проходили черные фигуры.

Посмотрев на часы, он решил не заходить домой, а прямо ехать к невесте. От счастья, от вечерней прозрачности чуть кружилась голова. Оранжевая стрела проткнула лакированный башмак какого-то франта, выскочившего из автомобиля. Еще не высохшие лужи, окруженные темными подтеками, - живые глаза асфальта – отражали нежный вечерний пожар. Дома были серые, как всегда, но зато крыши, лепка над верхними этажами, золотые громоотводы, каменные купола, столбики, - которых днем не замечаешь, так как люди днем редко глядят вверх, - были теперь омыты ярким охряным блеском, воздушной теплотой вечерней зари, и оттого волшебными, неожиданными казались эти верхние выступы, балконы, карнизы, колонны, - резко отделяющиеся желтой яркостью своей от тусклых фасадов внизу.

«О, как я счастлив, - думал Марк, - как все чувствует мое счастье».

Сидя в трамвае, он мягко, с любовью, разглядывал своих спутников. Лицо у него было такое молодое, с розовыми прыщиками на подбородке, счастливые, светлые глаза, неподстриженный хвостик в лунке затылка... Казалось, судьба могла бы его пощадить.

«Я сейчас увижу Клару, - думал он. – Она встретит меня у порога. Скажет, что весь день скучала без меня, едва дожидая до вечера».

Встрепенулся. Проехал остановку, где должен был слезть. По пути к площадке споткнулся о ноги толстого человека, читавшего медицинский журнал; хотел приподнять шляпу и чуть не упал, - трамвай с визгом поворачивал. Удержался за висячий ремень. Господин медленно втянул короткие ноги, сердито и жирно заурчал. Усы у него были седые, воинственно загнутые кверху. Марк виновато улыбнулся и вышел на площадку. Схватился обеими руками за железные поручни, подался вперед, рассчитывая прыжок. Внизу гладким, блестящим потоком стремился асфальт. Марк прыгнул. Обожгло подошвы, и ноги сами побежали, принужденно и звучно топая. Одновременно произошло несколько странных вещей... Кондуктор с площадки откатнувшегося трамвая яростно крикнул что-то, блестящий асфальт взмахнул, как доска качели, гремящая громада налетела сзади на Марка. Он почувствовал, словно толстая молния проткнула его с головы до пят, - а потом – ничего. Стоял один посреди лоснящегося асфальта. Огляделся. Увидел поодаль свою же фигуру, худую спину Марка Штандфусса, который, как ни в чем не бывало шел наискось через улицу. Дивясь, одним легким движением он догнал самого себя, и вот уже сам шел к панели, весь полный остывающего звона.

- Тоже... чуть не попал под омнибус...

Улица была широкая и веселая. Полнеба охватил закат. Верхние ярусы и крыши домов были дивно озарены. Там, в вышине, Марк различал сквозные портики, фризы и фрески, шпалеры оранжевых роз, крылатые статуи, поднимающиеся к небу золотые, нестерпимо горящие лиры. Волнуясь и блистая, празднично и воздушно уходила в небесную даль вся эта зодческая прелесть, и Марк не мог понять, как раньше не замечал он этих галерей, этих храмов, повисших в вышине.

Больно ударился коленом. Черный знакомый забор. Рассмеялся: ах, конечно, - фургоны... Стояли они, как громадные гроба. Что же скрыто в них? Сокровища, костяки великанов? Пыльные груды пышной мебели?

- Нет, надо посмотреть... А то Клара спросит, а я не буду знать...

Он быстро толкнул дверь фургона, вошел. Пусто. Только посередине косо стоит на трех ножках маленький соломенный стул, одинокий и смешной.

Марк пожал плечами и вышел с другой стороны. Снова хлынул в глаза жаркий вечерний блеск. И впереди знакомая чугунная калитка, и дальше окно Клары, пересеченное зеленой веткой. Клара сама открыла калитку, подняла оголенные локти, - и ждала, оправляя прическу. Рыжий пух сквозил в солнечных проймах коротких рукавов.

Марк, беззвучно смеясь, с разбегу обнял ее, прижался щекой к теплomu, зеленому шелку.

Ее ладони легли ему на голову.

- Я весь день так скучала, Марк. И вот теперь ты пришел.

Она отворила дверь, и Марк сразу очутился в столовой, показавшейся ему необыкновенно просторной и светлой.

- Мы так счастливы теперь, что мы можем обойтись без прихожей, - горячо зашептала Клара, и он почувствовал какой-то особый чудесный смысл в ее словах.

А в столовой, вокруг снежного овала скатерти, сидело множество людей, которых Марк никогда еще не встречал у своей невесты. Среди них был Адольф, смуглый, с квадратной головой; был и тот коротконогий, пузатый, все еще урчащий человек, читавший медицинский журнал в трамвае.

Застенчиво поклонившись всем, он сел рядом с Klarой, - и в тот же миг почувствовал, как давеча, удар неистовой боли, прокатившей по всему телу. Рванулся он, - и зеленое платье Клары поплыло, уменьшилось, превратилось в зеленый стеклянный колпак лампы. Лампа качалась на висячем шнуре. А сам Марк лежал под нею, - и такая грузная боль давила на грудь, такая боль – и ничего не видать, кроме зыбкой лампы, - и в сердце упираются ребра, мешают вздохнуть, - и кто-то, перегнув ему ногу, ломает ее, натужился, сейчас хрястнет. Он рванулся опять, - лампа расплылась зеленым сиянием, и Марк увидел себя самого, поодаль, сидящего рядом с Klarой – и не

успел увидеть, как уже сам касался коленом ее теплой шелковой юбки. И Клара смеялась, закинув голову.

Он захотел рассказать, что сейчас произошло, и, обращаясь ко всем присутствующим, к веселому Адольфу, к сердитому толстяку, с трудом проговорил:

- Иностранец на реке совершает вышеуказанные молитвы...

Ему показалось, что он все объяснил, и, видимо, все поняли... Клара, чуть надув губы, потрепала его по щеке:

- Мой бедный... Ничего...

Он почувствовал, что устал, хочет спать. Обнял Клару за шею, притянул, откинулся назад. И тогда опять хлынула боль, и все стало ясно.

Марк лежал забинтованный, исковерканный, лампа не качалась больше. Знакомый усатый толстяк, доктор в белом балахоне, растерянно урча, заглядывал ему в зрачки. И какая боль... Господи, сердце вот-вот наткнется на ребра и лопнет... Господи, сейчас... Это глупо. Почему нет Клары...

Доктор поморщился и щелкнул языком.

А Марк уже не дышал, Марк ушел, - в какие сны – неизвестно.

Вопросы к рассказу:

- Как передается в рассказе предчувствие катастрофы?
- Обратите внимание на цветовые символы. Почему зеленый и рыжий связаны с Кларой?
- Фамилия Марка переводится как «стоящий на ногах». Можно ли считать эту фамилию «говорящей»?
- Почему в кухне Марка на стене висит плоская деревянная свинья?
- Какую роль в рассказе играет маленький соломенный стул на трех ножках?
- Сравните рассказ Набокова и поэму М.Цветаевой «Крысолов».
- О какой катастрофе говорится в рассказе?

Владимир Набоков

Рождество

1

Вернувшись по вечеряющим снегам из села в свою мызу, Слепцов сел в угол, на низенький плюшевый стул, на котором он не сиживал никогда. Так бывает после больших несчастий. Не брат родной, а случайный неприметный знакомый, с которым в обычное время ты и двух слов не скажешь, именно он толково, ласково поддерживает тебя, подает оброненную шляпу, - когда все кончено, и ты, пошатываясь, стучишь зубами, ничего не видишь от слез. С мебелью – то же самое. Во всякой комнате, даже очень уютной и до смешного маленькой, есть нежилой угол. Именно в такой угол и сел Слепцов.

Флигель соединен был деревянной галереей – теперь загроможденной сугробом – с главным домом, где жили летом. Незачем было будить, согреть его, хозяин приехал из Петербурга всего на несколько дней и поселился в смежном флигеле, где белые изразцовые печки истопить – дело легкое.

В углу, на плюшевом стуле, хозяин сидел, словно в приемной у доктора. Комната плавала во тьме, в окно, сквозь стеклянные перья мороза, густо синел ранний вечер. Иван, тихий, тучный слуга, недавно сбритый себе усы, внес заправленную, керосиновым огнем налитую лампу, поставил на стол и беззвучно опустил на нее шелковую клетку: розовый абажур. На мгновение в наклоненном зеркале отразилось его освещенное ухо и седой еж. Потом он вышел, мягко скрипнув дверью.

Тогда Слепцов поднял руку с колена, медленно на нее посмотрел. Между пальцев к тонкой складке кожи прилипла застывшая капля воска. Он растопырил пальцы, белая чешуйка треснула.

Когда на следующее утро, после ночи, прошедшей в мелких нелепых снах, вовсе не относившихся к его горю, Слепцов вышел на холодную веранду, так весело выстрелила под ногой половица, и на беленую лавку легли райскими ромбами отраженья цветных стекол. Дверь поддалась не сразу, затем сладко хрястнула, и в лицо ударил блистательный мороз. Песком, будто рыжей корицей, усыпан был ледок, облепивший ступени крыльца, а с выступа крыши, острями вниз, свисали толстые сосули, сквозящие зеленоватой синевой. Сугробы подступали к самым окнам флигеля, плотно держали в морозных тисках оглушенное деревянное строение. Перед крыльцом, чуть вздувались над гладким снегом белые купола клумб, а дальше сиял высокий парк, где каждый черный сучок окаймлен был серебром, и елки поджимали зеленые лапы под пухлым и сверкающим грузом.

Слепцов, в высоких валенках, полушубке с каракулевым воротником, тихо зашагал по прямой, единственной расчищенной тропе в эту слепительную глубину. Он удивлялся, что еще жив, что может чувствовать, как блестит снег, как ноют от мороза передние зубы. Он заметил даже, что оснеженный куст похож на застывший фонтан и что на склоне сугроба – песьи следы, шафранные пятна, прожегшие наст. Немного дальше торчали столбы мостика, и тут Слепцов остановился. Горько, гневно столкнулся с перил толстый пушистый слой. Он сразу вспомнил, каким был этот мост летом. По склизким доскам, усеянным сережками, проходил его сын, ловким взмахом сачка срывал бабочку, севшую на перила. Вот он увидел отца. Неповторимым смехом играет лицо под загнутым краем потемневшей от солнца соломенной шляпы, рука тербит цепочку и кожаный кошелек на широком поясе, весело расставлены милые, гладкие, коричневые ноги в коротких саржевых штанах, промокших сандалиях. Совсем недавно, в Петербурге, - радостно, жадно поговорив в бреду о школе, о велосипеде, о какой-то индийской бабочке, - он умер, и вчера Слепцов перевез тяжелый, словно всю жизнь наполненный гроб, в деревню, в маленький белокаменный склеп близ сельской церкви.

Было тихо, как бывает тихо только в погожий, морозный день. Слепцов, высоко подняв ногу, свернул с тропы и, оставляя за собой в снегу синие ямы, пробрался между стволов удивительно светлых деревьев к тому месту, где парк обрывался к реке. Далеко внизу, на белой глади, у проруби, горели вырезанные льды, а на том берегу, над снежными крышами изб, поднимались тихо и прямо розоватые струи дыма. Слепцов снял каракулевый колпак, прислонился к стволу. Где-то очень далеко кололи дрова, - каждый удар звонко отпрыгивал в небо, - а над белыми крышами придавленных изб, за легким серебряным туманом деревьев, слепо сиял церковный крест.

После обеда он поехал туда, - в старых санях с высокой прямой спинкой. На морозе туго хлопала селезенка вороного мерина. Белые веера проплывали над самой шапкой, и спереди серебряной голубизной лоснились колеи. Приехав, он просидел около часу у могильной ограды, положив тяжелую руку в шерстяной перчатке на обжигающий сквозь шерсть чугунок, и вернулся домой с чувством легкого разочарования, словно там, на погосте, он был еще дальше от сына, чем здесь, где под снегом хранились летние неисчислимы следы его быстрых сандалий.

Вечером, сурово затосковав, он велел отпереть большой дом. Когда дверь с тяжелым рыданием раскрылась и пахло каким-то особенным, незимним холодком из гулких железных сеней, Слепцов взял из рук сторожа лампу с жестяным рефлектором и вошел в дом один. Паркетные полы тревожно затрещали под его шагами. Комната за комнатой заполнялись желтым светом; мебель в саванах казалась незнакомой; вместо люстры висел с потолка незвонкий мешок, - и громадная тень Слепцова, медленно вытягивая руку, проплывала по стене, по серым квадратам занавешенных картин.

Войдя в комнату, где летом жил его сын, он поставил лампу на подоконник и наполовину отвернул, ломая себе ногти, белые створчатые ставни, хотя все равно за окном была уже ночь. В темно-синем стекле загорелось желтое пламя – чуть коптящая лампа, - и скользнуло его большое бородатое лицо.

Он сел у голого письменного стола, строго, исподлобья, оглядел бледные в синеватых розах стены, узкий шкаф вроде конторского, с выдвигаемыми ящиками снизу доверху, диван и кресла в чехлах, - и вдруг, уронив голову на стол, страстно и шумно затрясся, прижимая то губы, то мокрую щеку к холодному пыльному дереву и цепляясь руками за крайние углы.

В столе он нашел тетради, расправилки, коробку из-под английских бисквитов с крупным индийским коконом, стоившим три рубля. О нем сын вспоминал, когда болел, жалел, что оставил, но утешал себя тем, что куколка в нем, вероятно, мертвая. Нашел он и порванный сачок – кисейный мешок на складном обруче, и от кисеи еще пахло летом, травяным зноем.

Потом, горбясь, всхлипывая всем корпусом, он принялся выдвигать один за другим стеклянные ящики шкафа. При тусклом свете лампы шелком отливали под стеклом ровные ряды бабочек. Тут, в этой комнате, вон на этом столе, сын расправлял свою поимку, пробивал мохнатую спинку черной булавкой, втыкал бабочку в пробковую щель меж раздвижных дощечек, распластывал, закреплял полосами бумаги еще свежие, мягкие крылья. Теперь они давно высохли – нежно поблескивают под стеклом хвостатые махаоны, небесно-лазурные мотыльки, рыжие крупные бабочки в черных крапинках, с перламутровым исподом. И сын произносил латынь их названий слегка картаво, с торжеством или пренебрежением.

4

Ночь была сизая, лунная; тонкие тучи, как совиные перья, рассыпались по небу, но не касались легкой, ледяной луны. Деревья – груды серого инея – отбрасывали черную тень на сугробы, загоравшиеся там и сям металлической искрой. Во флигеле, в жарко натопленной плюшевой гостиной, Иван поставил на стол аршинную елку в глиняном горшке и как раз подвизывал к ее крестообразной макушке свечу, - когда Слепцов, озябший, заплаканный, с пятнами темной пыли, приставшей к щеке, пришел из большого дома, неся деревянный ящик под мышкой. Увидя на столе елку, он спросил рассеянно, думая о своем:

- Зачем это?

Иван, освобождая его от ящика, низким круглым голосом ответил:

- Праздничек завтра.

- Не надо, - уברי... – поморщился Слепцов, а сам подумал: «Неужто сегодня Сочельник? Как это я забыл?»

Иван мягко настаивал:

- Зеленая. Пускай постоит...

- Пожалуйста, уברי, - повторил Слепцов и нагнулся над принесенным ящиком.

В нем он собрал вещи сына – сачок, бисквитную коробку с каменным коконом, расправилки, булавки в лаковой шкатулке, синюю тетрадь. Первый лист тетради был наполовину вырван, на торчавшем конце осталась часть французской диктовки. Дальше шла запись по дням, названия пойманных бабочек и другие заметы: «Ходил по болоту до Боровичей...», «Сегодня идет дождь, играл в шашки с папой, потом читал скучнейшую «Фрегат Палладу», «Чудный жаркий день. Вечером ездил на велосипеде. В глаз попала мошка. Проезжал, нарочно два раза, мимо ее дачи, но ее не видел...»

Слепцов поднял голову, проглотил что-то – горячее, огромное. О ком это сын пишет?

«Ездил, как всегда, на велосипеде», - стояло дальше. «Мы почти переглянулись. Моя прелесть, моя радость...».

- Это невысказано, - прошептал Слепцов, - я ведь никогда не узнаю...

Он опять наклонился, жадно разбирая детский почерк, поднимающийся, заворачивающийся на полях.

«Сегодня – первый экземпляр траурницы. Это значит – осень. Вечером шел дождь. Она, вероятно, уехала, а я с нею так и не познакомился. Прощай, моя радость. Я ужасно тоскую...»

«Он ничего не говорил мне...» – вспоминал Слепцов, потирая ладонью лоб.

А на последней странице был рисунок пером: слон – как видишь его сзади, - две толстые тумбы, углы ушей и хвостик.

Слепцов встал. Затряс головой, удерживая приступ страшных сухих рыданий.

- Я больше не могу... – простонал он, растягивая слова, и повторил еще протяжнее: - не – могу – больше...

«Завтра Рождество, - скороговоркой пронеслось у него в голове. – А я умру. Конечно. Это так просто. Сегодня же...»

Он вытащил платок, вытер глаза, бороду, щеки. На платке остались темные полосы.

- ...Смерть, - тихо сказал Слепцов, как бы кончая длинное предложение.

Тикали часы. На синем стекле окна теснились узоры мороза. Открытая тетрадь сияла на столе, рядом сквозила светом кисея сачка, блестел жестяной угол коробки. Слепцов зажмурился, и на мгновение ему показалось, что до конца понятна, до конца обнажена земная жизнь – горестная до ужаса, унижительно бесцельная, бесплодная, лишенная чудес...

И в то же время, и в то же мгновение щелкнуло что-то – тонкий звук – как будто лопнула натянутая резина. Слепцов открыл глаза и увидел: в бисквитной коробке торчит прорванный кокон, а по стене над столом, быстро ползет вверх черное сморщенное существо величиной с мышью. Оно остановилось, вцепившись шестью черными мохнатыми лапками в стену, и стало странно трепетать. Оно вылупилось оттого, что изнемогающий от горя человек перенес жестяную коробку к себе, в теплую комнату, оно вырвалось оттого, что сквозь тугой шелк кокона проникло тепло. Оно так долго ожидало этого, так напряженно набиралось сил, и вот теперь, вырвавшись, медленно и чудесно росло. Медленно разворачивались смятые лоскутки, бархатные бахромки, крепи, наливаясь воздухом, веерные жилы. Оно стало крылатым незаметно, как незаметно становится прекрасным мужающее лицо. И крылья – еще слабые, еще влажные – все продолжали расти, расправляться, вот развернулись до предела, положенного им Богом, - и на стене уже была – вместо комочка, вместо черной мыши, - громадная ночная бабочка, индийский шелкопряд, что летает, как птица, в сумраке, вокруг фонарей Бомбея.

И тогда простертые крылья, загнутые на концах, темно-бархатные, с четырьмя слюдяными оконцами, вздохнули в порыве нежного, восхитительного, почти человеческого счастья.

Вопросы к рассказу:

- Сравните начало и финал рассказа. Что произошло?
- Докажите, что главный композиционный прием рассказа – противопоставление.
- Определите роль пейзажа в рассказе.
- Можно ли считать фамилию главного героя говорящей?
- Почему рассказ о смерти называется «Рождество»?

Жизнеподобие и фантастика

Художественный мир условно подобен реальному. Однако степень этой условности может быть разной.

Жизнеподобие предполагает изображение жизни в формах самой жизни, то есть без нарушений известных нам физических, психических, причинно-следственных закономерностей.

Фантастика предполагает нарушение этих закономерностей, подчеркнутое неправдоподобие изображенного мира. Могут быть фантастические образы (Гаргантюа и Пантагрюэль), может быть фантастическим сюжет (Н.В. Гоголь «Нос»).

Функции фантастики:

- доводить то или иное явление до логического предела, заострить исследуемые черты.
- прогностическая (Е. Замятин «Мы»),
- разные виды комического (М. Булгаков «Мастер и Маргарита», Сервантес «Дон Кихот», Гоголь, Салтыков-Щедрин),
- развлекательная.

Приемы фантастического: собственно фантастическое (нечистая сила, три карты), гипербола-литота, аллегория, гротеск (соединение фантастического с приземленно-бытовым), алогизм

(нарушение причинно-следственных связей - «Нос»). Приемы комического могут сочетаться. «Нос» - алогизм и гротеск, сказки С.-Щ. – гротеск и иносказание...

Н.В. Гоголь «Нос». Фантасмагорическое сочетание иррационального с обыденным. Поэтика демонстративной условности: случайность завязки и развязки, «небрежности» в разработке сюжетных линий (судьба цирюльника Ивана Яковлевича), отчужденная реакция на событие в обществе и самоирония автора-повествователя.

Ф. Кафка «Стук в ворота». Фантастическая и гротескная трансформация действительности. Безысходность и почти полное отсутствие надежд. Хаос абсурдного и враждебного человеку мира.

Франц Кафка

Стук в ворота Новелла

Это случилось в знойный летний день. По дороге к дому мы с сестрой проходили мимо запертых ворот. Не знаю, из озорства ли или по рассеянности постучала моя сестра в ворота или не стучала вовсе, а только погрозила кулаком. Дорога сворачивала влево, и в ста шагах начиналась деревня. Для нас это была совсем незнакомая деревня, но едва мы поравнялись с первым домом, как изо всех дверей высыпали люди и стали кивать нам, не то приветствуя, не то предостерегая нас. Они и сами были напуганы. Они ежились от испуга и показывали пальцами на усадьбу, мимо которой мы прошли, и толковали про стук в ворота. Хозяева усадьбы подадут на вас жалобу, и сейчас же начнется следствие. Я был совершенно спокоен и всячески успокаивал сестру. Скорее всего, она вовсе и не стучала, а если бы и стукнула разок, так никто никоим способом не может это доказать. Я старался убедить в этом окружающих, они меня слушали, но мнение свое держали при себе. А потом заявили, что не только мою сестру, но и меня, как брата, привлекут к ответу. Я только кивал с улыбкой. Все мы смотрели в сторону усадьбы – так, видя вдалеке клубы дыма, ждешь, когда же пробьется пламя. И правда, вскоре в распахнувшиеся ворота въехали всадники. Облако пыли застилало все, только поблескивали острия длинных копий. Не успел отряд скрыться во дворе усадьбы, как, очевидно, тут же повернул назад и поскакал по направлению к нам. Я старался удалить сестру, чтобы самому уладить дело. Она противилась, не желая оставлять меня одного. Я стал уговаривать ее хотя бы переодеться, чтобы предстать пред важными господами в приличном платье.

Наконец она согласилась и отправилась домой, а до дому еще было далеко. Тут как раз подскакали всадники и, не сходя с седел, принялись требовать мою сестру. Ее сейчас нет, робко отвечали им, но она придет немного погодя.

Всадники отнеслись к этому довольно равнодушно – им, очевидно, важнее всего было застигнуть меня. Главную роль среди них играли двое – судья, напористый молодой господин, и его тихонький помощник, отзывавшийся на фамилию Асман. Мне предложили войти в крестьянскую горницу. Медленно, покачивая головой и теребя помочи, направился я туда под суровыми взглядами прибывших господ.

Я все еще рассчитывал, что меня, горожанина, с первых же слов выделят из крестьянской толпы и отпустят даже с почетом. Но судья вскочил в горницу раньше моего, и не успел я переступить порог, как он встретил меня словами: «Вот кого мне жаль». При этом он явно подразумевал не нынешнее мое положение, а то, что меня ожидает. Комната скорее походила на тюремную камеру, чем на крестьянскую горницу. Пол выложен каменными плитами, стены темные и сплошь голые, только кое-где вделаны железные кольца; посередине – нечто среднее между нарами и операционным столом.

Вдохну ли я когда-нибудь иной воздух, кроме тюремного?

Вот основной вопрос, который встает передо мной, вернее, встал бы, если бы у меня была малейшая надежда на освобождение.

Х. Кортасар. «Дальняя», «Захваченный дом». Пересечение нашей обыденной жизни и иного, скрытого мира почти всегда приводит к трагической развязке. Двойничество – тема, возникшая в творчестве Кортасара, возможно, под влиянием любимого им Достоевского, – становится одним из проявлений встречи разных реальностей. Иная реальность почти всегда одерживает верх над обычной жизнью. Зыбкость границ реального и фантастического.

Хулио Кортасар

Дальняя
Дневник Кору Оливе

12 января

Вчера вечером было опять то же самое, мне так надоели браслеты и лицедейство, pink champagne[1] и лицо Ренато Виньеса, о, какое лицо - бормочущий тюлень, портрет Дориана Грея перед самой развязкой. Легла в постель, а в ушах - "Буги-вуги Красной отмели", а во рту - привкус шоколадных конфет с мятным ликером, мамино поцелуя, зевотного, пепельно-серого (она после праздника всегда пепельно-серая и спит на ходу, огромная рыбина, такая сама на себя не похожая).

Нора говорит, она засыпает при свете, под гомон, под экстренные сообщения раздевающейся сестры. Вот счастливицы, а я гашу все огни вокруг себя и на себе - выключаю светильники, снимаю драгоценности, - раздеваюсь под разноголосицу всего, что мельтешило днем вокруг меня, пытаюсь уснуть - и вот я ужасающий полнящийся звоном колокол, я волна, я цепь, которой всю ночь громыкает наш Рекс в кустах бирючины. Now I lay me down to sleep...[2] Приходится вспоминать стихи, а то еще есть система - искать слова со звуком "а" внутри, потом с "з" и "е", с пятью гласными, с четырьмя. С двумя гласными и одной согласной (око, ива), с тремя согласными и одной гласной (горб, гроб) и снова стихи: "Луна в наряде жасминном зашла в цыганскую кузню, мальчик глядит на нее..."[3] С тремя гласными, чередующимися с тремя согласными: кабала, лагуна, аналог, радуга, Мелита, пелена.

И так часами: с четырьмя гласными, с тремя, с двумя; потом палиндромы [4]. Сначала попроще: бармен, нем раб; пил сок, кос лип; потом сложнее, очень красивые: тут хорош сыр к еде, крыс шорох тут; но, молод, летел, летел долон он. Или изысканные анаграммы: Salvador Dali, Avida Dollars [5], Кора Оливе - королева и... Красивая анаграмма, потому что она как бы открывает путь, потому что ничем не кончается. Потому что: королева и...

Нет, ужасная. Ужасная, потому что открывает путь той, которая не королева и которую я опять ненавижу ночь напролет. Ту, которая Кора Оливе, но не королева из анаграммы, она что-то жалкое, нищенка в Будапеште, профессионалка из публичного дома в Кочабамбе, официантка в Кетцальтенанго [6], она где-то далеко и не королева. Но она все же - Кора Оливе, и потому вчера вечером было опять то же самое: я ощущала ее присутствие – и ненавидела.

20 января

Иногда я знаю, что ей холодно, плохо, что ее бьют. Могу лишь ненавидеть - так остро, так неистово ненавидеть кулаки, сбивающие ее с ног, и ненавидеть ее самое, ее еще сильнее, потому что ее бьют, потому что я – это она, и ее бьют. Еще ничего, когда сплю или крою платье, или когда мама принимает и я наливаю чай сеньоре де Регулес либо отпрыску четы Ривасов, тогда я не прихожу в такое отчаяние. Тогда для меня это не так важно, это что-то сугубо мое, личное; и я чувствую, что она в силах совладать со своим злосчастьем: вдалеке, одинока, но в силах совладать с ним. Пусть мучится, пусть мерзнет; я здесь терплю и, думаю, тем немножко ей помогаю. То же самое, что щипать корпию для солдата, которого еще не ранило, приятное ощущение – словно заранее предусмотрительно облегчаешь чьи-то будущие страдания.

Пусть мучится. Я целую сеньору де Регулес, я наливаю чай отпрыску четы Ривасов и ухожу в себя, напрягая силы для внутреннего сопротивления. Твержу про себя: "Вот иду по обледеневшему мосту, вот снег забивается мне в дырявые туфли".

Не то чтобы я что-то ощущала, просто знаю, что это так, что где-то я иду по мосту в тот самый миг (хоть не знаю, в тот ли самый), когда отпрыск четы Ривасов принимает у меня из рук чашку чаю и старается придать своей порочной физиономии самое любезное выражение. И держусь стойко, потому что я одинока среди этих людей, которые ничего не чувствуют и не понимают, и я не прихожу в такое отчаяние. Вчера вечером Нора была ошарашена, сказала: "Да что с тобой происходит?" Происходило с нею - со мной, которая так далеко. И происходило, наверное, что-то ужасное, ее били или она заболела - и как раз в тот миг, когда Нора собиралась спеть романс Форе [7], а я сидела за роялем и смотрела на Луиса Марию, он был такой счастливый, стоял, облокотившись о крышку рояля, так что казалось, он выглядывает из рамы; и он смотрел на меня раздраженно, со щенячьим выражением, собирался внимать моим арпеджо, и мы были так близко друг от друга и так друг друга любили. Хуже всего, когда я узнаю о ней что-то еще, а сама в это время танцую с ним, целуюсь; или просто Луис Мария рядом со мною. Потому что я, дальняя - не любима. Это та моя ипостась, что не любима, и как мне не терзаться внутренне при ощущении, что меня бьют, что снег забивается мне в дырявые туфли, когда Луис Мария танцует со мною, и рука его по моей талии скользит вверх, словно жара в полдень, и во рту у меня привкус терпких апельсинов или надкушенных побегов бамбука, а ее бьют, и сопротивляться невозможно, и мне приходится говорить ему, что мне нехорошо, все из-за повышенной влажности, влажности снега, я не чувствую его, не чувствую, а снег забивается мне в туфли.

25 января

Нора, естественно, явилась ко мне и устроила сцену. "Кисонька, больше ты мне не аккомпанируешь, в последний раз просила. Мы сели в лужу". В лужу, не в лужу, мне-то что, я аккомпанировала, как могла, помню, пенье ее мне слышалось, словно издали. *Votre ame est un paysage choisi...*[8] но я видела, как мои пальцы снуют по клавишам, и мне казалось, они справляются недурно, честно аккомпанируют Норе. Луис Мария также глядел мне на руки, бедняжка, - думаю, потому, что не решался взглянуть в лицо. Наверное, я в такие минуты становлюсь очень странной.

Бедная Норита, пусть ищет себе другую аккомпаниаторшу. (Чем дальше, тем больше все это начинает походило на наказание, теперь я осознаю себя там лишь тогда, когда буду вот-вот счастлива, когда счастлива: Нора поет Форе, а я осознаю себя там, и у меня остается одна только ненависть.)

Ночью

А иногда нежность, внезапная и необходимая нежность к той, которая не королева и мыкается в тех краях. Вот бы отправить ей телеграмму, посылку, узнать, здоровы ли ее дети, а может быть, у нее нет детей - потому что мне думается, там у меня нет детей, - может быть, ей нужна поддержка, жалость, карамель. Вчера я уснула, обдумывая текст послания, место встречи. Буду четверг тчк жди мосту. Что за мост? Мне снова и снова думается: "мост", снова и снова думается: "Будапешт", я упрямо верю в нищенку из Будапешта, где столько мостов и ногам мокро от снега. И тут я села в постели, вся напряглась - и чуть не взвыла в голос, чуть не бросилась в мамину спальню, разбудить ее, укусить, чтобы проснулась. Только потому, что мне подумалось... Сказать - и то непросто. Только потому, что мне подумалось: я ведь хоть сейчас могу поехать в Будапешт, приди мне в голову такая блажь. Или в Кочабамбу, или в Кетцальтенанго (мне пришлось заглянуть назад, пролистать несколько страниц, чтобы найти эти названия). Нет, они не годятся, с тем же успехом я могла бы написать: "Трес-Арройос, Кобе, Флорида - четырехсотый километр. Остается только Будапешт, потому что там холод, там меня бьют и

оскорбляют. Там (это мне приснилось, всего лишь сон, но как к месту, как вписывается в мою бессонницу) есть некто по имени Род [9] -- или Эрод, или Родо, - и он бьет меня, и я люблю его, не знаю, люблю ли, но позволяю, чтобы он бил меня, и так изо дня в день, значит, наверняка люблю.

Позже

Все неправда. Род мне приснился, а может, придумался на основе какого-то сновидения, уже отыгранного и банального. Никакого Рода нет, меня там мучат, это да, но не знаю кто - мужчина, озлобленная мать, одиночество.

Отправиться на поиски себя самой. Сказать Луису Марии: "Давай поженимся, и ты отвезешь меня в Будапешт, мне нужно на мост, где снег и кто-то, кого знаю и не знаю". Но тут же думаю: а если я и вправду там? (Потому что когда об этом всего только думаешь, есть одно тайное преимущество - не хочется верить до конца. А если я и вправду там?) Что ж, если я там... Но только в помешательстве, только лишь... Хорош медовый месяц.

28 января

Мне пришла на ум любопытная вещь. Вот уже три дня, как мне нет вестей от дальней. Может быть, сейчас ее не бьют или ей удалось раздобыть пальто. Послать бы ей телеграмму, пару чулок... Мне пришла на ум любопытная вещь. Вот я приезжаю в этот ужасный город, дело к вечеру, небо зеленоватое, водянистое, небо к вечеру никогда таким не бывает, если не подкрасить его с помощью воображения. С той стороны, где Добрина Стана, на проспекте Скорда [10], кони в сосульках, каменнолицые полицейские, пышущие жаром ковриги хлеба, пряди ветра, от которых окна глядят как-то надменно. Фланировать по Добрине, как истая туристка, с планом Будапешта в кармане моего синего английского костюма (я в одном костюме, при таком-то холоде, шубку оставила в Бурглосе [11]), и вот площадь - у самой реки, она почти нависла над рекой, а на реке грохот от льдин и баркасов, иногда промелькнет зимородок, он по тамошнему называется збуная тхено [12], а то и хуже.

За площадью и будет тот мост, предположила я. Когда мне так подумалось, продолжать прогулку расхотелось. В тот вечер в Одеоне был концерт Эльзы Пьяджо де Тарелли; я оделась неохотно, подозревая, что меня ожидает бессонная ночь. Эти ночные мысли, такие ночные... Как знать, не загублю ли себя. Придумываешь слова в мысленных странствиях, в какой-то миг вспоминаешь: Добрина Стана, збуная тхено, Бурглос. Но как называется площадь, не знаю, чувство такое, будто я и впрямь оказалась на какой-то будапештской площади и заблудилась, потому что не знаю, как она называется: площадь всегда как-то называется.

Иду, мама. Успеем вовремя к твоему Баху и твоему Брамсу. Путь такой простой. Ни площади, ни Бурглоса. Здесь мы с тобою, там Эльза Пьяджо. Как грустно, что все оборвалось, я уже знала, что оказалась на площади (хотя еще как сказать, это ведь только в мыслях, всего ничего). А за площадью начинается тот мост.

Ночью

Начинается, тянется. В промежутке между окончанием концерта и первым номером на бис я нашла все названия и дорогу. Площадь Владас, Рыночный мост [13]. По площади Владас я дошла до начала моста, не очень спешила, временами мне хотелось задержаться возле какого-то дома, или возле витрины, или возле кого-нибудь из тепло укутанных детей, возле одного из фонтанов при статуях рослых героев в заиндевелых пелеринах, их зовут Тадео Аланко и Владислав Нерой [14], они любители токайского и цимбалисты. Я смотрела, как кланяется Эльза Пьяджо в промежутке

меж двумя шопеновскими опусами, бедняжка; и со своего кресла в партере перешагивала прямо на площадь, туда, где между толстенными колоннами берет начало мост. Но об этом я уже думала осторожно - такое же занятие, как придумывать

анаграмму: Кора Оливе - королева и... либо воображать, что мама сейчас в гостях у Суаресов, а не рядом со мною. Не впасть бы в безвкусицу: все это касается меня одной, всего лишь моя воля, моя королевская воля. Королевская, поскольку Кора Оливе - ну ладно. Только бы не началось другое, только бы чувствовать, что ей холодно, что ее мучат. Просто у меня такая прихоть, даю ей волю, потому что мне так нравится, потому что хочу выяснить, куда ведет мост, чтобы знать, если Луис Мария отвезет меня в Будапешт, если мы поженимся и я попрошу его повезти меня в Будапешт. Тогда мне проще будет отправиться на поиски этого моста, отправиться на поиски себя самой – и встретиться с собою, как вот сейчас, когда я уже дошла до середины моста под выкрики и аплодисменты, под Альбениса! – и снова аплодисменты, и "Полонез", словно все это имеет смысл, когда я иду сквозь метель, комки снега каменно-тверды, и ветер подгоняет меня сзади, руки, шершавые, словно махровое полотенце, обхватив мою талию, выталкивают меня на середину моста.

(В настоящем времени проще описывать. На самом деле это происходило в восемь, когда Эльза Пьяджо исполняла на бис уже третью вещь, не то Хулиана Агирре, не то Карлоса Густавино [15], что-то с пташками и лужайками). Но я научилась обходиться с понятием времени по-своему, без особой почтительности. Помню как-то раз мне подумалось: "Там меня бьют, там снег забивается мне в туфли, и я узнаю обо всем этом в тот миг, когда все это со мной случается, в то же самое время. Но почему в то же самое время? Может быть, узнаю с запозданием, может быть, ничего еще не случилось. Может быть, ее муки начнутся через четырнадцать лет, а может быть, от нее остались лишь крест да номер могилы на кладбище Святой Урсулы. И мне казалось, это прекрасно, это возможно - вот идиотка! Потому что, как ни крути, а в конце концов окажешься в том же самом времени. Если бы сейчас она и вправду ступила на мост, знаю, я почувствовала бы все отсюда и сию же минуту. Помню, я остановилась, стала глядеть на реку, вода была как скисший майонез, билась об устои невероятно яростно, грохочуще, с оттяжкой. (Так мне думалось.) И был смысл в том, чтобы свеситься над парапетом, слушать во все уши, как там, внизу, трещит лед. Был смысл в том, чтобы постоять на мосту - отчасти ради зрелища, отчасти из-за страха, подступавшего изнутри, а может, оцепенела от холода и незащитности: пошел снег, а мое пальто в гостинице. И подумать: я ведь скромница, девушка без претензий, но попробовали бы сказать мне о какой-нибудь, что с ней происходит то же самое, что она странствует по Венгрии, сидя в партере "Одеона". Кого угодно проберет холод, че [16], хоть здесь, хоть где хочешь.

Но мама тянула меня за рукав, в партере уже почти никого не осталось. О чем я думала потом, записывать не буду, неохота дальше вспоминать. Мне худо станет, если буду вспоминать дальше. Но все точно; любопытная мне на ум пришла вещь.

30 января

Бедный Луис Мария, вот идиот, что женится на мне. Не знает, что взваливает на себя. Или что сваливает под себя, как острит Нора, которая разыгрывает эмансипированную интеллектуалку.

31 января

Мы туда поедem. Он так охотно согласился, что я чуть не завопила. Испугалась, мне показалось, он слишком легко включается в эту игру. И ничего не знает, пешка, которая, сама не подозревая, решает исход игры. Королева, а при ней пешечка, Луис Мария. Королева и –

7 февраля

Надо лечиться. Не буду записывать окончания того, о чем думала на концерте. Вчера вечером почувствовала: опять ей плохо. Знаю, там снова меня избивают. Ничего не поделаешь – знаю; но хватит вести записи. Если бы я ограничилась

констатацией - просто удовольствия ради или чтобы излить душу... Куда хуже: мне хотелось перечитывать и перечитывать, чтобы добраться до сути, найти ключ к каждому слову, появлявшемуся на бумаге после этих ночей. Как тогда, когда я придумала площадь, ледоход на реке, грохот, а потом... Но об этом не напишу, никогда не напишу. Съездить туда и убедиться, что мне вредит затянувшееся

детство, все дело только в этом: двадцать семь лет – и не знать мужчины. Теперь при мне будет мой щенушка, мой глупыш, хватит думать, пора жить, жить наконец, и по-хорошему.

А все-таки, раз уж я покончу с этим дневником, ведь одно из двух: либо замуж идти, либо дневник вести, одно с другим не сочетается, теперь мне будет приятно отделаться от дневника лишь в том случае, если заявлю об этом с радостью, которая рождена надеждой, с надеждой, которая рождена радостью. Мы едем туда, но все будет не так, как мне придумалось в тот вечер, когда мы были на концерте. (Запишу это и хватит вести дневник - для моего же блага.) На мосту я найду ее, и мы посмотрим друг на дружку. В тот вечер на концерте в ушах у меня стоял треск крошившегося внизу льда. Это и будет торжество королевы над пагубным средством, над незаконной подспудной узурпацией. Она покорится, если я - действительно я, волеется в мою зону света, ту, что и красивей, и надежней; нужно только подойти к ней и опустить руку ей на плечо.

Кора Алина Оливе Рейес де Араос и ее супруг прибыли в Будапешт шестого апреля и остановились в отеле "Риц". Было это за два месяца до их развода. На следующий день после обеда Кора вышла поглядеть на город и на ледоход. Она любила бродить одна - была любопытна и проворна, - а потому раз двадцать меняла направление, словно бы искала что-то, но не слишком целеустремленно, предоставляя свободу выбора прихоти, по воле которой внезапно отрывалась от одной витрины ради другой либо перебежала улицу.

Она вышла на мост, тот самый, дошла до середины, теперь она брела с трудом - из-за снега, из-за ветра, который все усиливался, - он дует снизу, с Дуная, мучительный ветер, хлещущий, колючий. Кора чувствовала, как юбка липнет к ногам (слишком легко оделась), и вдруг ей захотелось повернуть обратно, возвратиться в знакомый город. Посреди пустынного моста ждала оборванная женщина с черными гладкими волосами, было что-то пристальное и жадное в искривленном ее лице, в чуть скрюченных пальцах рук, которые протягивались навстречу идущей. Кора подошла, чувствуя, что все ее движения и маршруты выверены, как после генеральной репетиции. Без страха, наконец-то обретя свободу, - при этой мысли ее пронизала жутковатая дрожь ликования и холода, - Кора подошла к женщине и тоже протянула руки, заставляя себя не думать, и женщина с моста прижалась к ее груди, и они обнялись на мосту, безмолвные и оцепеневшие, а ледяная каша внизу билась об устои.

Кора ощутила боль, оттого что замочек сумки при объятии вжался ей в грудь, но боль была мягкая, переносимая. Она обнимала женщину, та была невероятно худая. Кора чувствовала в своих объятиях всю ее во всей ее реальности, и ощущение блаженства нарастало, оно было как гимн, как взлет голубок, как певучий плеск реки. Кора закрыла глаза в полноте слияния, чуждаясь ощущений извне, сумеречного света; внезапно она почувствовала, что смертельно устала, но уверена в победе, хоть и не обрадовалась тому, что наконец ее одержала.

Ей показалось, что одна из них тихонько плачет. Наверное, она сама: она чувствовала, что щеки у нее влажные и одна скула болит, словно от удара. И шея болит, и внезапная боль в плечах, ссутулившихся от бесчисленных мук. Открыв глаза (может быть, она уже кричала), она увидела, что рассталась с тою. Тут она и впрямь закричала. От холода, оттого что снег забивался ей в дырявые туфли, оттого что шла по мосту к площади, все удаляясь, Кора Оливе, такая красивая в сером английском костюме, ее волосы немного растрепало ветром, и она шла, не оборачиваясь и все удаляясь.

2 "Теперь я ложусь спать..." (*англ.*) – первая строка детской молитвы из старинного пуританского молитвенника. Послужила заглавием для одного из рассказов Хемингуэя (в русском переводе - "На сон грядущий").

3 Гарсия Лорка Ф. "Романс о луне, луне" (пер. В.Парнаха).

4 Палиндром (перевертень) - слово или фраза, одинаково читающиеся слева направо и справа налево.

5 Анаграмма (слово или словосочетание, составленные из букв другого слова или словосочетания) испанского художника Сальвадора Дали, придуманная французским поэтом Андре Бретоном и означающая "жадная на доллары".

6 Кочабамба - город в Боливии. Кетцальтенанго - город в Гватемале.

7 Форе Габриэль (1845 - 1924) - французский композитор, автор романсов на стихи Поля Верлена.

8 "Твоя душа - та избранная даль..." (*франц.*) - первая строка стихотворения Поля Верлена "Лунный свет" (пер. Ф.Сологуба.).

9 Снова ироническое обыгрывание интеллектуальности героини: Эдуард Род (1857- 1910) - швейцарский романист, Хосе Энрике Родо (1872- 1917) - уругвайский эссеист и философ.

10 – 14. Названия вымышлены.

15 Хулиан Агирре (1869- 1924) - аргентинский композитор и пианист, наиболее известны его "Сельские серенады", "Креольские мелодии", "Национальные аргентинские мелодии". Карлос Густавино (р.1914) - аргентинский композитор, автор песен и "Аргентинской симфонии".

16 Че - характерное аргентинское словечко - междометие и обращение к собеседнику.

Хулио Кортасар

Захваченный дом

Дом нравился нам. Он был и просторен и стар (а это встретишь не часто теперь, когда старые дома разбирают выгоды ради), но главное -- он хранил память о наших предках, о дедушке с отцовской стороны, о матери, об отце и о нашем детстве.

Мы с Ирене привыкли жить одни, и это было глупо, конечно, - ведь места в нашем доме хватило бы на восьмерых. Вставали мы в семь, прибирали, а часам к одиннадцати я уходил к плите, оставляя на сестру последние две-три комнаты. Ровно в полдень мы завтракали, и больше у нас дел не было, разве что помыть тарелки. Нам нравилось думать за столом о большом тихом доме и том, как мы сами, без помощи, хорошо его ведем. Иногда нам казалось, что из-за дома мы остались одинокими. Ирене отказала без всякого повода двум женихам, а моя Мария Эстер умерла до помолвки. Мы приближались к сорока и верили, каждый про себя, что тихим, простым содружеством брата и сестры должен завершиться род, поселившийся в этом доме. Когда-нибудь, думалось нам, мы тут умрем; неприветливые родичи завладеют домом, разрушат его, чтоб использовать камни и землю, - а может, мы сами его прикончим, пока не поздно. Ирене отроду не побеспокоила ни одного человека. После утренней уборки она садилась на тахту и до ночи вязала у себя в спальне. Не знаю, зачем она столько вязала. Мне кажется, женщины вяжут, чтоб ничего не делать под этим предлогом. Женщины - но не Ирене; она вязала все нужные вещи, что-то зимнее, носки для меня, кофты - для себя самой. Если ей что-нибудь не нравилось, она выпускала только что связанный свитер, и я любил смотреть, как шерсть в корзине сохраняет часами прежнюю форму. По субботам я ходил в центр, за шерстью; сестра доверяла мне, я хорошо подбирал цвета, и нам не пришлось менять ни клубочка. Пользуясь этими вылазками, я заходил в библиотеку и спрашивал - всегда безуспешно, - нет ли чего нового из Франции. С 1939 года ничего стоящего к нам в Аргентину не приходило.

Но я хотел поговорить о доме, о доме и о сестре, потому что сам я ничем не интересен. Не знаю, что было бы с Ирене без вязания. Можно перечитывать книги, но перевязать пуловер – это уже происшествие. Как-то я нашел в нижнем ящике комода, где хранились зимние вещи, массу белых, зеленых, сиреневых косынок, пересыпанных нафталином и сложенных стопками, как в лавке. Я так и не решился спросить, зачем их столько. В деньгах мы не нуждались, они каждый месяц приходили из деревни, и состояние наше росло. По-видимому, сестре просто нравилось вязанье, и вязала она удивительно – я мог часами глядеть на ее руки, подобные серебряным ежам, на проворное мельканье спиц и шевеленье клубков на полу, в корзинках. Красивое было зрелище.

Никогда не забуду расположения комнат. Столовая, зал с гобеленами, библиотека и три большие спальни были в другой части дома, и окна их выходили на Родригес Пенья; туда вел коридор, отделенный от нас дубовой дверью, а тут, у нас, была кухня, ванная, наши комнаты и гостиная, из которой можно было попасть и к нам, и в коридор, и – через маленький тамбур – в украшенную майоликой переднюю. Войдешь в эту переднюю, откроешь дверь и попадаешь в холл, а уж оттуда – и к себе и, если пойдешь коридором, в дальнюю часть дома, отделенную от нас другой дверью, дубовой. Если же перед этой дверью свернешь налево, в узкий проходик, попадешь на кухню и в ванную. Когда дубовая дверь стояла открытой, видно было, что дом очень велик; когда ее закрывали, казалось, что вы – в нынешней тесной квартирке. Мы с Ирене жили здесь, до двери, и туда ходили только убирать – прямо диву даешься, как липнет к мебели пыль! Буэнос-Айрес – город чистый, но благодарить за это надо горожан. Воздух полон пыли – земля сухая, и, стоит подуть ветру, она садится на мрамор консолей и узорную ткань скатертей. Никак с ней не сладишь, она повсюду; смахнешь метелочкой – а она снова окутает и кресла и рояль.

Я всегда буду помнить это, потому что все было очень просто. Ирене вязала у себя, пробило восемь, и мне захотелось выпить мате. Я дошел по коридору до приоткрытой двери и, сворачивая к кухне, услышал шум в библиотеке или в столовой. Шум был глухой, неясный, словно там шла беседа или падали кресла на ковер. И тут же или чуть позже зашумело в той, другой части коридора. Я поскорей толкнул дверь, захлопнул, припер собой. К счастью, ключ был с этой стороны; а еще, для верности, я задвинул засов.

Потом я пошел в кухню, сварил мате, принес сестре и сказал:

- Пришлось дверь закрыть. Те комнаты заняли.

Она опустила вязанье и подняла на меня серьезный, усталый взор.

- Ты уверен?

Я кивнул.

- Что ж, – сказала она, вновь принимаясь за работу, – будем жить тут.

Я осторожно потягивал мате. Ирене чуть замешкалась, прежде чем взяться за вязанье. Помню, вязала она серый жилет; он мне очень нравился.

Первые дни было трудно – за дверью осталось много любимых вещей. Мои французские книги стояли в библиотеке. Сестре недоставало салфеток и теплых домашних туфель. Я скучал по можжевеловой трубке, а сестра, быть может, хотела достать бутылку старого вина. Мы то и дело задвигали какой-нибудь ящик и, не доискавшись еще одной нужной вещи, говорили, грустно переглядываясь:

- Нет, не здесь.

Правда, кое-что мы выгадали. Легче стало убирать: теперь, вставши поздно, в десятом часу, мы управлялись к одиннадцати. Ирене ходила со мной на кухню. Мы подумали и решили, что, пока я стряпаю полдник, она будет готовить на ужин что-нибудь холодное. Всегда ведь лень под вечер выползть к плите! А теперь мы просто ставили закуски на Иренин столик.

У сестры, к большой радости, оставалось больше времени на работу. Я радовался чуть меньше, из-за книг; но чтоб не расстраивать ее, стал приводить в порядок отцовскую коллекцию марок и кое-как убивал время. Мы жили хорошо, оба не скучали. Сидели мы больше у сестры, там было уютней, и она говорила иногда:

- Смотри, какая петля! Прямо трилистник.

А я показывал ей бумажный квадратик, и она любовалась заморской маркой. Нам было хорошо, но мало-помалу мы отвыкали от мыслей. Можно жить и без них.

Писать было бы не о чем, если б не конец. Как-то вечером, перед сном, мне захотелось пить, и я сказал, что пойду попить на кухню. Переступая порог, я услышал шум то ли в кухне, то ли в ванной (коридорчик шел вбок, и различить было трудно). Сестра - она вязала - заметила, что я остановился, и вышла ко мне. Мы стали слушать вместе. Шумело, без сомненья, не за дверью, а тут - в коридоре, в кухне или в ванной.

Мы не глядели друг на друга. Я схватил сестру за руку и, не оглядываясь, потащил к передней. Глухие звуки за нашей спиной становились все громче. Я захлопнул дверь. В передней было тихо.

- И эту часть захватили, - сказала сестра. Шерсть волочилась по полу, уходила под дверь. Увидев, что клубки - там, за дверью, Ирине равнодушно выронила вязанье.

- Ты ничего не унесла? - глупо спросил я.

- Ничего.

Мы ушли, в чем стояли. Я вспомнил, что у меня в шкафу пятнадцать тысяч песо. Но брать их было поздно. Часы были тут, на руке, и я увидел, что уже одиннадцать. Я обнял сестру (кажется, она плакала), и мы вышли из дома. Мне стало грустно; я запер покрепче дверь и бросил ключ в водосток. Вряд ли, подумал я, какому-нибудь бедняге вздумается воровать в такой час; да и дом ведь занят.

Художественная деталь

Картина изображенного мира складывается из художественных деталей.

Деталь – малейшая изобразительная или выразительная художественная подробность: элемент пейзажа или портрета, отдельная вещь, поступок и т.д. Часть целого.

- внешние и психологические детали;
- деталь-подробность и символ.

Луи Арагон: **«Деталь – это торчащий кончик носа действительности, который художник не может не задеть».**

Вопросы к теме:

- Какую роль играет шинель и палец Хрюкина в рассказе А. Чехова «Хамелеон»?
- Укажите детали-символы и детали-подробности в поэме Гоголя «Мертвые души» и романе Гончарова «Обломов».
- Почему на кухне у Марка (рассказ В. Набокова «Катастрофа») висела плоская деревянная свинья?

Портрет

Портрет – описание внешности, манер, одежды, жестов.

Типы портретов: портрет - описание, сравнение, впечатление.

Психологический портрет (черты внешности, свидетельствующие о свойствах характера и внутреннего мира героя).

Прием «расщепленного портрета» - портрет складывается постепенно.

Викторина «Узнай героя (исторического деятеля) по портрету», определи тип портрета:

- 1) Минуту спустя вошёл в сопровождении целой свиты величественного роста, довольно плотный человек в гетманском мундире, в жёлтых сапожках. Волосы на нём были растрёпаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величавость, во всех движениях видна была привычка повелевать.
- 2) *... Чем сердце в нём хитрей и ложней,
Тем с виду он неосторожней
И в обхождении простей.*

*Как он умеет самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужие тайны разрешать!
С какой доверчивостью лживой,
Как добродушно на пирах
Со старцами старик болтливый,
Жалеет он о прошлых днях...*

- 3) *Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий стан
Вперил он страшны очи;
Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем...*
- 4) <...> лет сорока, с большим открытым лбом и необычайной, странной белизной продолговатого лица. На вошедшем был синий фрак, крест на шее и звезда на левой стороне груди. <...> не перебегал глазами с одного лица на другое, как это невольно делается при входе в большое общество, и не торопился говорить. Он говорил тихо, с уверенностью, что будут слушать его, и смотрел только на то лицо, с которым говорил.
- 5) Он был высок, строен и широкоплеч. Длинная парчовая одежда его, испещрённая узорами, была окаймлена вдоль разреза и вокруг подола жемчугом и дорогими камнями. Драгоценное перстяное ожерелье украшалось финифтевыми изображениями Спасителя, Богородицы, апостолов и пророков. Большой узорный крест висел у него на шее на золотой цепи <...> Правильное лицо всё ещё было прекрасно; но черты обозначились резче, орлиный нос стал как-то круче, глаза горели мрачным огнём, и на челе явились морщины, которых не было прежде.
- б) *И только что землю
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнём.
На берег большими шагами
Он смело и прямо идёт,
Соратников громко он кличет
И маршалов громко зовёт.*
- 7) Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и душегрейке. Ей казалось лет 40. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую.
- 8) Небольшого роста женщина, несколько даже дородная, напудренная, с голубыми глазами, и вместе с тем величественно улыбающимся видом.
- 9) Рост его был выше других людей, голос его – как трубы в народе, лицо его – как у Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью силы Соломона.
- 10) ... еще потолстел, обрюзг и заплыл жиром. Но знакомые ему белый глаз, и рана, и выражение усталости в его лице и фигуре были те же.
- 11) Не сияет на небе солнце красное, не любуются им тучки синие: То за трапезой сидит во златом венце, сидит грозный царь...
- 12) Он человек, им властвует мгновенье,
Он раб молвы, сомнений и страстей.
Простим ему неправогоненье.
Он взял Париж. Он основал лицей.

- 13) Он был в синем мундире, раскрытом над белым жилетом, спускавшимся на круглый живот, в белых лосинах, обтягивающих жирные ляжки коротких ног... Короткие волосы его, очевидно, только что были причесаны, но одна прядь спускалась книзу над серединой широкого лба. Белая пухлая шея... От него резко пахло одеколоном.
- 14) В углу человек высокого роста, в зеленом кафтане, с глиняной трубкой во рту, облокотясь на стол, читал гамбургские газеты.
- 15) Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, Нечаянно
пригретый славой, над нами царствовал тогда.
- 16) Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.
- 17) Бледно было его лицо, губы – точно яркая алая лента; волнистые волосы черны иссиня, в них – украшение мудрости – блестела седина, подобно серебряным нитям горных ручьев...
- 18) ... как будто даже заспанный,
шагал, остановился и глаз, сощуря,
вонзал, заложивши руки за спину.
В какого-то парня в обмотках, лохматого,
уоставил без промаха бьющий глаз,
как будто сердце с-под слов выматывал,
как будто душу тащил из-под фраз.

Иван Бунин

Красавица («Темные аллеи»)

Чиновник казенной палаты, вдовец, пожилой, женился на молоденькой, на красавице, дочери воинского начальника.

Он был молчалив и скромн, а она знала себе цену. Он был худой, высокий, чахоточного сложения, носил очки цвета йода, говорил несколько сипло и, если хотел сказать что-нибудь громче, срывался в фистулу. А она была невелика, отлично и крепко сложена, всегда хорошо одета, очень внимательна и хозяйственна по дому, взгляд имела зоркий. Он казался столь же неинтересен во всех отношениях, как множество губернских чиновников, но и первым браком был женат на красавице – и все только руками разводили: за что и почему шли за него такие?

И вот вторая красавица спокойно возненавидела его семилетнего мальчика от первой, сделала вид, что совершенно не замечает его. Тогда и отец, от страха перед ней, тоже притворился, будто у него нет и никогда не было сына.

И мальчик, от природы живой, ласковый, стал в их присутствии бояться слово сказать, а там и совсем затаился, сделался как бы несуществующим в доме.

Тотчас после свадьбы его перевели спать из отцовской спальни на диванчик в гостиную, небольшую комнату возле столовой, убранную синей бархатной мебелью. Но сон у него был беспокойный, он каждую ночь сбивал простыню и одеяло на пол. И вскоре красавица сказала горничной:

- Это безобразие, он весь бархат на диване изотрет. Стелите ему, Настя, на полу, на том тюфячке, который я велела вам спрятать в большой сундук покойной барыни в коридоре.

И мальчик, в своем круглом одиночестве на всем свете, зажил совершенно самостоятельной, совершенно обособленной от всего дома жизнью, – неслышной, незаметной, одинаковой изо дня в день: смиренно сидит себе в уголку гостиной, и рисует на грифельной доске домики или шепотом читает по складам все одну и ту же книжечку с картинками, купленную еще при покойной маме, смотрит в окна... Спит он на полу между диваном и кадкой с пальмой. Он сам стелет себе

постельку вечером и сам прилежно убирает, свертывает ее утром и уносит в коридор в мамин сундук. Там спрятано и все остальное доброшко его.

28 сентября 1940 год

Вопросы к рассказу:

- Что вы ждали от рассказа с таким названием? В чем не оправдались ваши надежды? Почему рассказ называется «Красавица»?
- Почему в описании красавицы преобладает психологический портрет?
- Важный композиционный прием – контраст. Что чему противопоставляется?
- Красавица имеет номер – «вторая красавица». А что вы можете сказать о первой? Проследите по рассказу все упоминания о матери мальчика (композиционный прием – подтекст).

Психологическая деталь и психологизм как изображение внутреннего мира

Психологизм – освоение и изображение средствами художественной литературы внутреннего мира героя: его мыслей, переживаний, желаний, эмоциональных состояний, причем изображение, отличающееся подробностью и глубиной.

- изображение характера изнутри (внутренняя речь, память и воображение, сны);
- «извне» (интерпретация писателем особенностей речи, поведения, мимики);
- называние.

Приемы психологизма: анализ и самоанализ, умолчание, внутренний монолог, поток сознания, сон, создание психологической атмосферы путем повтора определенных деталей: цвета, описаний...

Вопросы к теме:

- Какие сны снятся героям русской литературы? С какой целью вводят эти сны писатели?
- Объясните сон, который снился Марку (В. Набоков «Катастрофа»).
- Психологический портрет Печорина, Раскольникова, Пьера Безухова.

Пейзаж и его функция

Пейзаж – изображение в произведении живой и неживой («городской пейзаж») природы. Эстетическую самостоятельность пейзаж получает у сентименталистов.

Пейзажные зарисовки встречаются не везде и выполняют *существенные функции*:

- обозначить место и время действия (Кавказ в романтических произведениях; Украина в повести «Тарас Бульба»...); Татьяна в романе «Евгений Онегин» формируется благодаря общению с природой.
- Обозначить характер или мировоззрение персонажа. Разное отношение к природе автора и Онегина, Аркадия и Базарова. В «Герое нашего времени» природу описывают только автор и Печорин.
- Психологическая функция (проекция душевного состояния) – например, у романтиков. Психологический параллелизм: «То не ветер ветку клонит...». «Бедная Лиза».
- Символическая функция. Дуб в «Войне и мире» (см. тему «Архетип»).

Какую роль играет пейзаж в стихотворении?

Михаил Лермонтов
Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю – за что, не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841

Узнай по пейзажу автора и произведение, приведи 5 своих примеров:

1. Кругом меня цвел Божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
2. Но однажды гроза грянула над лесом, зашептались деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нем собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился.
3. Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.
4. Всё пестрое пространство ее охватывалось холодным ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень пробежала по ней, и она становилась темно-зеленою;

испаренья подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрагивался до щек.

5. Крепость находилась в сорока верстах от города. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзала, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи.
6. Небо там, кажется, напротив, ближе жметя к земле, но не с тем, чтобы метать сильнее стрелы, а разве только, чтобы обнять ее крепче, с любовью... Солнце там ярко и жарко светит около полугода и потом удаляется оттуда не вдруг, точно нехотя... Горы там как будто только модели тех страшных где-то воздвигнутых гор, которые ужасают воображение. Это ряд отлогих холмов, с которых приятно кататься, резвясь, на спине или, сидя на них, смотреть в раздумье на заходящее солнце.
7. Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Еще прозрачные леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.
8. Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий.

Городской пейзаж. Что это за город?

1. Маленький заштатный городок, которого, по выражению местного тюремного смотрителя, на географической карте даже под телескопом не увидишь, освещен полуденным солнцем. Тишина и спокойствие. По направлению от думы к торговым рядам медленно продвигается санитарная комиссия...
2. Пишу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз.
3. Кое-где просто на улице стояли столы с орехами, мылом и пряниками, похожими на мыло; где харчевня с нарисованною толстой рыбой и воткнутою в нее вилкой. Чаше же всего замет-

но было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: «Питейный дом».

4. Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла избочась другая лачужка, менее и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен ее, и внизу с непрерывным рокотом плескались темно-синие волны.
5. Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валятся с мостов, фореиторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде.

Мир вещей

Чем дальше, тем больше человек живет не в окружении природы, а в окружении рукотворных, созданных человеком предметов, совокупность которых иногда называют второй природой. Это интерьер, мир вещей.

Вопросы к теме:

- как характеризует Онегина описание двух его кабинетов (1 и 7 глава)?
 - Что вы можете узнать о дяде Онегина из описания кабинета дяди (2 глава)?
 - **Чьи это вещи** и как они характеризуют хозяев (найдите самостоятельно 3 примера):
- 1) Обоз обычный, три кибитки / Везут домашние пожитки, / Кастрюльки, стулья, сундуки, / Варенья в банках, тюфяки, / Перины, клетки с петухами, / Горшки, тазы et cetera, / Ну, много всякого добра.
 - 2) Хотя халат этот и утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный, естественный лоск другим, благоприобретенным, но все еще сохранял яркость восточной краски и прочность ткани. Халат имел ... тьму неопределимых достоинств: он мягок, гибок; тело не чувствует его на себе; он, как послушный раб, покоряется малейшему движению тела.
 - 3) Он подумал наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели. Рассмотрев ее хорошенько у себя дома, он открыл, что в двух-трех местах, именно на спине и на плечах, она сделалась точно серпанка; сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползлась.
- «Отцы и дети». Почему у Павла Петровича, живущего за границей, на столе стояла пепельница в виде серебряного лаптя?
 - Как раскрывают характеры помещиков («Мертвые души») описания их дома?
 - Проанализируйте рассказ Тэффи «Жизнь и воротник».

Тэффи

Жизнь и воротник

Человек только воображает, что беспредельно властвует над вещами. Иногда самая невзрачная вещица вотрется в жизнь, закрутит ее и перевернет всю судьбу не в ту сторону, куда бы ей надлежало идти.

Олечка Розова три года была честной женой честного человека. Характер имела тихий, застенчивый, на глаза не лезла, любила мужа преданно, довольствовалась скромной жизнью.

Но вот как-то пошла она в Гостиный Двор и, разглядывая витрину мануфактурного магазина, увидела крахмальный дамский воротник с продернутой в него желтой ленточкой.

Как женщина честная, она сначала подумала: «Еще чего выдумали!» Затем зашла и купила.

Примерила дома перед зеркалом. Оказалось, что если желтую ленточку завязывать не спереди, а сбоку, что получится нечто такое, необъяснимое, что, однако, скорее хорошо, чем дурно.

Но воротничок потребовал новую кофточку. Из старых ни одна к нему не подходила.

Олечка мучилась всю ночь, а утром пошла в Гостиный Двор и купила кофточку из хозяйственных денег.

Примерила все вместе. Было хорошо, но юбка портила весь стиль. Воротник ясно и определенно требовал круглую юбку с глубокими складками.

Свободных денег больше не было. Но не останавливаться же на полпути?

Олечка заложила серебро и браслетку.

На душе у нее было беспокойно и жутко, и когда башмачок потребовал новых башмаков, она легла в постель и проплакала весь вечер.

На другой день она ходила без часов, но в тех башмаках, которые заказал воротничок.

Вечером, бледная и смущенная, она, заикаясь, говорила своей бабушке:

- Я забежала только на минутку. Муж очень болен. Ему доктор велен каждый день натираться коньяком, а это так дорого.

Бабушка была добрая, и на следующее же утро Олечка смогла купить себе шляпу, пояс и перчатки, подходящие к характеру воротничка.

Следующие дни были еще тяжелее.

Она бегала по всем родным и знакомым, лгала и выклянчивала деньги, а потом купила безобразный полосатый диван, от которого тошнило и ее, и честного мужа, и старую вороватую кухарку, но которого уже несколько дней настойчиво требовал воротничок.

Она стала вести странную жизнь. Не свою. Воротничковую жизнь. А воротник был какого-то неясного, путаного стиля, и Олечка, угождая ему, совсем сбилась с толку.

- Если ты английская и требуешь, чтоб я ела сою, то зачем же на тебе желтый бант? Зачем это распутство, которого я не могу понять и которое толкает меня по наклонной плоскости?

Как существо слабое и бесхарактерное, она скоро опустила руки и поплыла по течению, которым ловко управлял подлый воротник.

Она обстригла волосы, стала курить и громко хохотала, если слышала какую-нибудь двусмысленность.

Где-то в глубине души еще теплилось в ней сознание всего ужаса ее положения, и иногда по ночам или даже днем, когда воротничок стирался, – она рыдала и молилась, но не находила выхода.

Раз даже она решилась открыть все мужу, но честный малый подумал, что она просто глупо пошутила, и, желая польстить, долго хохотал.

Так дело шло все хуже и хуже.

Вы спросите – почему не догадалась она просто вышвырнуть за окно крахмальную дрянь?

Она не могла. Это не странно. Все психиатры знают, что для нервных и слабосильных людей некоторых страдания, несмотря на всю мучительность их, становятся необходимыми. И не променяют они эту сладкую муку на здоровое спокойствие – ни за что на свете.

Итак, Олечка слабела все больше и больше в этой борьбе, а воротник укреплялся и властвовал.

Однажды ее пригласили на вечер.

Прежде она нигде не бывала, но теперь воротник натянулся на ее шею и поехал в гости. Там он вел себя развязно до неприличия и вертел ее головой направо и налево.

За ужином студент, Олечкин сосед, пожал ей под столом ногу.

Олечка вся вспыхнула от негодования, но воротник за нее ответил:

- Только-то?

Олечка со стыдом и ужасом слушала и думала: «Господи! Куда я попала?!»

После ужина господин студент вызвался проводить ее домой. Воротник поблагодарил и радостно согласился, прежде чем Олечка успела сообразить, в чем дело.

Едва сели на извозчика, как студент зашептал страстно:

- Моя дорогая!

А воротник пошло захихикал в ответ.

Тогда студент обнял Олечку и поцеловал прямо в губы. Усы у него были мокрые, и весь поцелуй дышал маринованной корюшкой, которую подавали за ужином.

Олечка чуть не заплакала от стыда и обиды, а воротник ухарски повернул ее голову и снова хихикнул:

- Только-то?

Потом студент с воротником поехали в ресторан слушать румынов. Пошли в кабинет.

- Да ведь здесь нет никакой музыки! – возмущалась Олечка.

Но студент с воротником не обращали на нее никакого внимания. Они пили ликер, говорили пошлости и целовались.

Вернулась Олечка домой уже утром. Двери ей открыл сам честный муж.

Он был бледен и держал в руках ломбардные квитанции, вытащенные из Олечкиного стола.

- Где ты была? Я не спал всю ночь! Где ты была?

Вся душа у нее дрожала, но воротник ловко вел свою линию.

- Где была? Со студентом болталась!

Честный муж пошатнулся.

- Оля! Олечка! Что с тобой! Скажи, зачем ты закладывала вещи? Зачем занимала у Сатовых и у Яниных? Куда ты девала деньги?

- Деньги? Профукала!

И, заложив руки в карманы, она громко свистнула, чего прежде никогда не умела. Да и знали она это дурацкое слово – «профукала»? Она ли это сказала?

Честный муж бросил ее и переехал в другой город.

Но что горше всего, так это то, что на другой же день после его отъезда воротник потерялся в стирке.

Кроткая Олечка служит в банке.

Она так скромна, что краснеет даже при слове «омнибус», потому что оно похоже на «обнимусь».

- А где воротник? – спросите вы.

- А я-то почему знаю, – отвечу я. – Он был отдан прачке, с нее и спрашивайте.

Эх, жизнь!

Композиция

Сюжет и композиция.

Композиция – более широкое понятие. Сюжет вписывается в общую композицию. Но существует внутренняя композиция сюжета:

- прямая, или фабульная последовательность;
- умолчание (о каком-то событии узнаем в конце);
- ретроспекция (отступления в прошлое);
- свободная композиция.

Внесюжетные элементы – все то, что не двигает действие вперед.

- описание (портрет, пейзаж, интерьер, мир вещей);
- авторские отступления (высказывания философские, лирические, автобиографические, которые не характеризуют героев и их отношения).
- Вставные эпизоды – относительно законченные фрагменты, напрямую не связанные с основным действием (например, «Повесть о капитане Копейкине» в «Мертвых душах»).

Композиция – это состав и определенное расположение частей, элементов и образов произведения.

Элементы внешней композиции: посвящение, предисловие, пролог, эпилог, эпиграф и т.д.

Посвящение. Почему «Борис Годунов» посвящен Н.М. Карамзину, а «Отцы и дети» - В.Г. Белинскому?

Эпиграф:

- для раскрытия главной мысли («Капитанская дочка»);
- обозначить основную проблему произведения («Мастер и Маргарита»);

К какому произведению дан этот эпиграф?

Раскройте его значение (2-3 по выбору)

- 1) Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй. «Тилемахида» Тредиаковский.
- 2) Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю. 1-я Книга Царств.
- 3) Г-жа Простакова. *То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.* Скотинин. *Митрофан по мне.* «Недоросль». Фонвизин
- 4) Кони мчатся по буграм, Топчут снег глубокий... Вот в сторонке божий храм Виден одинокий... Жуковский «Светлана».
- 5) О, не знай сих страшных снов Ты, моя Светлана! Жуковский «Светлана».
- 6) На зеркало неча пенять, коли рожа крива. Пословица.
- 7) Береги честь смолоду. Пословица.
- 8) Во всех ты, Душенька, нарядах хороша. Богданович
- 9) ... так кто ж ты, наконец? – Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо. Гете «Фауст»

Основные композиционные приемы - Типы композиционных связей:

- Сопоставление – противопоставление. Без него не может быть произведения. Противопоставление – антитеза контрастных образов.
- Усиление. Если требуется усилить впечатление путем подбора однородных образов и деталей. Например, описание дома Собакевича.
- Ритмическая организация. Повтор. Ритм – закономерная периодическая повторяемость подобных явлений, сменяющих друг друга во времени. Ритм присутствует и в прозе, что свидетельствует о цельности произведения. Ритм может быть внешний (повтор слов, звуков; ритм первой строки – настрой на восприятие) и внутренний (повтор событий, значимых содержательных фраз). Например, ритм рассказа Толстого «После бала». Рассказ в рассказе, две части:

	Бал	После бала
Звук	Милый, умиление... -мил-	Помилосердствуйте ... -мил-
Свет	Свет зала – яркий	Туман
Цвет	Белое платье, белые перчатки, белые туфельки	Черные солдаты, черные мундиры
Музыка	Мазурка, в душе пело.	Барабан и флейта, неприятная, визгливая мелодия
Осознание	Своей любовью я хотел объять весь мир	Мне хотелось объять весь мир своим пониманием
Настроение	Я был слишком счастлив	На сердце была почти физическая тошнота
	Пьян любовью без вина	Напился пьян

Осознание истинной милости, милосердия; события для всех, при ярком свете – и в сумраке; При этом фигура полковника не меняется. Ритмичность первой части – много длинных слов, плавность. Во второй части – много коротких слов, чаще ударение, жесткий слог.

Ритм в пьесе А. Чехова «Три сестры» - «В Москву, в Москву...»

Частный случай повтора – кольцевая композиция – замкнутый круг жизни, невозможность изменить что-то или, напротив, цельность, гармоничность жизни.

Рефрен – часто повторяющиеся строки.

Лейтмотив – часто повторяющиеся деталь или образ.

- Зеркальная композиция – объединение приемов повтора и противопоставления (начальные и конечные образы повторяются с точностью до наоборот).
- Монтаж – целенаправленное соположение элементов произведения, когда они неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого сопоставления как новое качество. В фабульном рассказе – линейная логика. При монтажной связи линейная логика отсутствует. Время дискретное, оно существует одновременно в нескольких пространствах, рассредоточенное. Соединение элементов вызывает новое, индивидуальное представление. Монтажная связь – с начала XX века, связана с модернизмом. Цель – не изображение реального мира, а оценка мира, фиксация человеческого духа. ИЛИ: Монтаж – два образа, находящиеся рядом, рожают новый смысл («Ионыч» - описание салона – звуки музыки и запахи из кухни не сочетаются между собой и рожают новое – атмосферу пошлости).
- Подтекст (близко к ритму) – принцип «айсберга» - это глубина текста, подспудная, не выходящая наружу сюжетная линия, которая дает знать о себе косвенным образом в наиболее значимые моменты.
- Сверхтекст – отсутствие текста: многоточия, пробелы между частями, паузы в диалоге, потерянные главы, неразборчиво написанные главы. Текста нет – смысл есть.

Вопросы к теме:

- Докажите, что в романах «Евгений Онегин» и «Мастер и Маргарита» зеркальная композиция.
- Докажите, что в поэме «Мертвые души» - композиционные приемы усиления и умолчания.
- В романах «Герой нашего времени» и «Война и мир» кольцевая композиция. Одинаковую ли функцию она выполняет? Почему для Толстого так важна идея круга?
- Какой композиционный прием использовал И.Бунин в рассказе «Красавица»? Тэффи в рассказе «Жизнь и воротник»?
- Проанализируйте стихотворение в прозе И. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...»(сентябрь, 1879).

Иван Тургенев

«Как хороши, Как свежи были розы...»

Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочёл одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти:

Как хороши, как свежи были розы...

Теперь зима; мороз запушил стекла окон; в тёмной комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол; а в голове всё звенит и звенит:

Как хороши, как свежи были розы...

И вижу я себя перед низким окном загородного русского дома. Летний вечер тихо тает и переходит в ночь, в теплом воздухе пахнет резедой и липой; а на окне, опершись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка – и безмолвно и пристально смотрит на небо, как бы выжидая появление первых звёзд. Как простодушно-вдохновенны задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит ещё не вполне расцветшая, ещё ничем не взволнованная грудь, как чист и нежен облик юного лица! Я не дерзаю заговорить с нею – но как она мне дорога, как бьётся моё сердце!

Как хороши, как свежи были розы...

А в комнате всё темней да темней... Нагоревшая свеча трещит, беглые тени колеблются на низком потолке, мороз скрипит и злится за стеною – и чудится скучный, старческий шёпот...

Как хороши, как свежи были розы...

Встают передо мной другие образы... Слышится весёлый шум семейной деревенской жизни. Две русые головки, прислонясь к друг дружке, бойко смотрят на меня своими светлыми глазками, алые щёки трепещут сдержанным смехом, руки ласково сплелись, вперебивку звучат молодые, добрые голоса; а немного подалее, в глубине уютной комнаты, другие, тоже молодые руки бегают, путаясь пальцами, по клавишам старенького пианино – и ланнеровский вальс не может заглушить воркотню патриархального самовара...

Как хороши, как свежи были розы...

Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так хрипло и так глухо? Свернувшись в калачик, жметесь и вздрагивает у ног моих старый пёс, мой единственный товарищ... Мне холодно... Я зябну... И все они умерли... умерли...

Как хороши, как свежи были розы...

11 класс

Условность литературного направления

1. Повторение

Вопросы к теме:

- С какими литературными направлениями вы уже знакомы. В каком порядке они меняли друг друга?
- Сможете ли вы отличить произведения, написанные в период сентиментализма, романтизма и реализма? По каким признакам?.. Значит, принадлежность художника к какому-либо направлению влияет на форму и содержание произведения, более всего на содержание.
- Что входит в содержание художественного произведения? - Тематика – проблематика – идейный мир.

Тема – объект отражения реальности (темы вечные и конкретно-исторические: лишний человек, крепостные отношения...).

Проблематика – осмысление темы, постановка вопроса (философская «Иуда Искариот», мифологическая «Властелин колец», национально-историческая «Слово о полку Игореве», «Очарованный странник», экзистенциальная, историософская...).

Идейный мир – художественное решение проблемы, авторское отношение к миру, его позиция. В идейный мир входят:

- авторские оценки;
- авторский идеал или антиидеал («История одного города»);
- художественная идея (иногда высказана в тексте: Ты всегда в ответе за тех, кого приручил – Сень Экзюпери; Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой - Гете);
- пафос – ведущий эмоциональный тон (эпико-драматический, героический, романтический, сентиментальный, трагизм, юмора и сатиры, инвективы – отрицание без смеха: «Прощай, немытая Россия»);
- Определите тему, проблематику и идейный мир следующих произведений: «Бедная Лиза», «Мцыри», «Голстый и тонкий». К каким направлениям они относятся? Чем отличается проблематика каждого направления?

2. Особенность направлений XX века: одновременность существования многих направлений, их быстрая смена. На рубеже веков три кита: кино, психология, теория относительности. Направления:

Реализм		Модернизм (от импрессионизма до театра абсурда)		
Текст = реальность		Текст \neq реальность, первичность вымысла: искусство творит жизнь (Иванов на смерть Скрябина)		
Критический реализм	Социалистический реализм	Символизм	Акмеизм	экспрессионизм

- Докажите, что данное стихотворение посвящено композитору модернизма:

Вячеслав Иванов – на смерть Скрябина

Он был из тех певцов (таков же был Новалис),
 Что видят в снах себя наследниками лир,
 Которым на заре веков повиновались
 Дух, камень, древо, зверь, вода, огонь, эфир.

Направления рубежа веков

Символизм

Истоки русского символизма – во Франции. Главное поэтическое открытие – двуплановый образ. Поль Верлен – один из самых музыкальных поэтов в европейской литературе. В поэзии – образ Творца, отвергающего мир и потому отвергнутого им. Сонет «Томление» стал манифестом декаданса:

Я – римский мир периода упадка,
 Когда, встречая варваров рои,
 Акrostихи слагают в забвенье
 Уже, как вечер, сдавшего порядка.

Поль Верлен

Искусство поэзии

За музыкою только дело.
 Итак, не размеряй пути.
 Почти бесплотность предпочти
 Всему, что слишком плоть и тело.

Не церемонься с языком
 И торной не ходи дорожкой.
 Всех лучше песни, где немножко
 И точность точно под хмельком.

Так смотрят из-за покрывала,
 Так зыблет полдни южный зной.
 Так осень небосвод ночной
 Вызвезживает как попало.

Всего милее полутон.
 Не полный тон, но лишь полтона.
 Лишь он венчает по закону
 Мечту с мечтою, альт, басон.

Нет ничего острот коварней
И смеха ради шутовства:
Слезами плачет синева
От чесноку такой поварни.

Хребет риторике сверни.
О, если б в бунте против правил
Ты рифмам совести прибавил!
Не ты, - куда зайдут они?

Кто смерит вред от их подрыва?
Какой глухой или дикарь
Всучил нам побрякушек ларь
И весь их пустозвон фальшивый?

Так музыки же вновь и вновь!
Пускай в твоём стихе с разгону
Блеснут в дали преображённой
Другое небо и любовь.

Пускай он выболтает сдуру
Всё, что впотьмах, чудотворя,
Наворочит ему заря...
Всё прочее – литература.

Мой давний сон

Я свыкся с этим сном, волнующим и странным,
В котором я люблю и знаю, что любим,
Но облик женщины порой неуловим –
И тот же и не тот, он словно за туманом.

И сердце смутное и чуткое к обманам
Во сне становится прозрачным и простым, -
Но для неё одной! – и стелется, как дым,
Прохлада слёз её над тягостным дурманом.

Темноволоса ли, светла она? Бог весть.
Не помню имени, но отзвуки в нём есть
Оплаканных имен на памятных могилах,

И взглядом статуи глядят её глаза,
А в тихом голосе, в его оттенках милых,
Грустят умолкшие, родные голоса.

Шарль Бодлер

Печать одиночества с детства.

1857 год – сборник стихов «Цветы зла». Суд над книгой за оскорбление нравственности. Штраф. В книге – 100 стихов, как в Божественной комедии Данте. «Цветы зла» - мятеж религиозного человека против Творца.

«Соответствия»

Символическая связь всего сущего, но только предметов, но и их свойств. Миру реальному соответствует мир идеальный. Мир, созданный Бодлером, - это лес символов, храм с живыми колоннами. Преклонение перед тайной мира.

Шарль Бодлер Соответствия

Природа – некий храм, Где от живых колонн
Обрывки смутных фраз исходят временами.
Как в чаще символов, мы бродим в этом храме,
И взглядом родственным глядит на смертных он.

Подобно голосам на дальнем расстоянии,
Когда их стройный хор един, как тень и свет,
Перекликаются звук, запах, форма, цвет,
Глубокий, темный смысл обретшие в слиянье.

Есть запах чистоты. Он зелен, точно сад,
Как плоть ребёнка, свеж, как зов свирели, нежен.
Другие – царственны, в них роскошь и разврат,

Для них границы нет, их зыбкий мир безбрежен, -
Так мускус и бензой, так нарцисс и фициам
Восторг ума и чувств дают изведать нам.

Артюрь Рембо Морской пейзаж (верлибр)

Колесницы из меди и серебра,
Корабли из серебра и стали
Пену колотят,
Вырывают корни кустов.
Потоки песчаных равнин
И глубокие колеи отлива
Бегут кругообразно к востоку –
Туда, где колонны леса,
Туда, где стволы дамбы,
Чей угол исхлестан вихрями света.

Андрей Белый «Петербург» - самый символистский роман.

А. Белый: «Нигде в мире я не был так несчастен, как в Петербурге... Сколько было приездов с предчувствием неминуемой гибели, сколько ужасающих, постыдных отъездов-бегств. Я всегда тянулся к Петербургу и отталкивался от него. Я и свой лучший роман назвал «Петербург» по совету Вяч. Иванова... А ведь это лучшее, что я создал. Запись бреда. Такого ведь до меня нигде не было, даже у Достоевского. Когда я писал, все время жил в кошмаре. Ужас! Ужас! Кошмар днем и ночью! Наяву и во сне бред».

А. Белый: Мой Петербург – призрак, вампир, материализовавшийся из желтых, гнилых лихорадочных туманов, приведенный мною в систему квадратов, параллелепипедов, кубов и трапеций. Это не только Петру, но и мне Евгений крикнул: «Добро строитель чудотворный! Ужо тебе!» Я населил свой П-б автоматами, живыми мертвецами.

Вопросы к роману:

- Как связаны в романе математика и литература? Почему такое переплетение оказалось возможным (познакомьтесь с биографией Белого).
- Почему эпиграфы к главам взяты из Пушкина? Какую роль в романе играет Медный всадник?
- Найдите фрагменты ритмизованной прозы, определите размер.
- Найдите примеры звуковой игры.
- Какие фразы часто повторяются? Какое настроение они создают?
- В романе обилие зеленого и красного цветов. Символами чего они являются?
- Почему революция в России изображается как трагедия одной семьи?
- Как связан роман с идеей панмонголизма В. Соловьева?

Викторина: Поэты Серебряного века о поэтах.

Кто о ком пишет?

1. Кого ж это так – точно воры вора
Пристреленного – выносили?
Изменника? Нет. С проходного двора –
Умнейшего мужа России.
2. ...И не жалость – мало жил,
И не горечь – мало дал, -
Много жил – кто в наши жил
Дни, всё дал – кто песню дал.
3. *О муза плача, прекраснейшая из муз!*
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы
4. Вы при жизни...
Тоже бушевали.
Африканец!
5. Блондинистый, почти белесый,
С годами ставший, как туман,
О,, ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.
6. Рас-стояние. Версты. Мили.
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели,
По двум разным концам земли.
7. Зверю – берлога,
Страннику – дорога,
Мертвому – дроги.
Каждому свое.
Женщине – лукавить,
Царю – править,
Мне славить

Имя твое.

8. Он прав – опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит...
9. Юный отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шорох шагов.
10. Вечно вольный, вечно юный,
Ты как ветер, как волна,
Речь твоя поет, как струны,
Входит в души, как весна.
11. А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
12. Имя твое, - ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
И именем твоим – сон глубок.
13. Не отстать тебе. Я – острожник.
Ты – конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожной
Подорожная нам дана.
14. Он тем хорош, что он совсем не то,
Что думает о нем толпа пустая,
Стихов принципиально не читая,
Раз нет в них ананасов и авто.
15. Певец площадных чудес –
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем – тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.
16. У народа, у языкотворца,
Умер звонкий забулдыга подмастерье
17. Он, сам себя сравнивший с конским
глазом,
Косится, смотрит, видит, узнает,
И вот уже расплавленным алмазом
Сияют лужи, изнывает лед.
18. С тобою мне сладко и знойно,
Ты близок, как сердце в груди,

Дай руки мне, слушай спокойно,
Тебя заклинаю: уйди.
И пусть не узнаю я, где ты,
О Муза, его не зови,
Да будет живым, невоспетым
Моей не узнавший любви.

19. Послушница обители любви
Молитвенно перебирает четки.
Осенней ясностью в ней чувства четки.
Удел – до святости непоправим.
20. Красив, как Демон Врубеля для женщин,
Он лебедем казался, чье перо
Белей, чем облако и серебро,
Чей стан дружил, как то ни странно, с френчем.
21. Ее лорнет надменно беспощаден,
Пронзительно-блестящ ее лорнет.
В ее устах равно проклятью «нет»
И «да» благословляюще, как складень.
22. Талант смеялся... Бирюзовый штиль,
Сияющий прозрачностью зеркальной,
Смеялся в нем вспененностью сверкальной,
Морской травой и солью пахнул стиль.
23. Он в жизнь вбегал рязанским простаком,
Голубоглазым, кудреватым, русым,
С задорным носом и веселым вкусом,
К усладам жизни солнышком влеком.
24. Блондинка с папироскою в зеленом,
Беспочвенных безбожников божок,
Гремит в стихах про волжский бережок,
В персиянку Разине влюбленном.
25. Ты проходишь на Запад Солнца.
И метель замечает след.

Направления рубежа веков

Экспрессионизм

Экспрессионизм (от латинского *expresso* - выражение), в отличие от импрессионизма (впечатление) – разновидность авангардизма, особый акцент на укрупненных выразительных деталях и психологическом перенапряжении.

Направление европейского модернизма, возникшее в 1905 году в немецком искусстве как отклик на социальные потрясения рубежа веков. Искусство крика. Эдвард Мунк «Крик».

Объект изображения – не характер, а некое состояние. Основное настроение: ужас, боль, растущее нервное напряжение.

Франц Кафка «Превращение». В окружающем мире все непрочно, ни на что нельзя опереться. В созданном Кафкой мире действует иная логика, абсурд как бесчеловечность. Фантастическое в рассказе. Символ яблока. Время пробуждения от сна.

- О чем это произведение?
- Почему начинается утром?
- Все содержание рассказа – в первом предложении: проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что превратился в страшное насекомое. О чем же тогда весь остальной рассказ?
- Почему отец кидает в него яблоками?
- Интонация – не трагическая, обыденная, трагизм жизни, страх перед жизнью превращает человека в насекомое.
- Что раскрывается герою, когда он получает возможность наблюдать за жизнью из угла?

*Нет нужды выходить из дому.
Оставайся за своим столом и прислушивайся.
Даже не прислушивайся, жди.
Даже не жди, будь неподвижен и одинок.
И мир разоблачит тебя перед собой, он не сможет поступить иначе.*
Франц Кафка

Леонид Андреев. Между «Стеной» и «Бездной».

Кто я? Для благороднорожденных декадентов – презренный реалист; для наследственных реалистов – подозрительный символист.
Л. Андреев.

Бездна, населенная чудовищами насилия и разврата, давит на человека изнутри; стена абсурда – снаружи. Трагедия одинокой личности, которую утрата веры в Бога поставила перед лицом абсурда.

Направления рубежа веков

Реализм

Реализм как узнаваемое жизнеподобие и как идея правды жизни. Отличие от натурализма.

Ромен Роллан «Кола Брюньон». Реализм как гедонизм (наслаждение, довольство, принятие жизни).

У нас в Бургундии не знают мерлихлюндии

Ромен Роллан (1866 - 1944). Французский писатель. Известные произведения – «Жан-Кристоф». Переписывался с Л. Толстым, дружил с М. Горьким.

Написана повесть ритмической прозой, иногда в рифму, пересыпана пословицами и поговорками. Эта повесть была признана настоящим шедевром. Написана в 1914 году, но из-за войны напечатана только в 1918. «Кола Брюньон» («Николка Персик» – так назывался первый перевод, сделанный за границей Владимиром Набоковым). Перевод М. Лозинского. Рисунки Евгения Кибрика одобрены самим Ролланом.

Веселая «галльская повесть» о мастере из Кламси. В образе главного героя – черты отца и деда Роллана (пользовался дневниками деда и фольклорными сборниками). Действие происходит в 1616 году (год смерти Шекспира и Сервантеса). Основа историческая – война, осада города, чу-

ма, народный бунт, столкновение горожан с феодалами, содержание на постое солдат... Однако автора больше занимает сам Кола – «старый воробей бургундских кровей».

Вопросы к повести:

- Найдите в тексте повести пословицы и поговорки, фрагменты ритмической прозы. Какое настроение придают они тексту?
- Первоначально Ромен Роллан хотел назвать повесть «Король пьет», или «Жив курилка». Дайте толкование этому названию.
- Почему действие повести укладывается в один год?
- На главного героя обрушиваются разные испытания: он теряет жену, здоровье, дом. Что дает ему силы все пережить?
- Сыновья Колы Брюньона исповедуют разную веру. Каков аллегорический смысл последней главы повести, где отец мирит сыновей?

Б.Шоу «Пигмалион». Судьба Золушки в интеллектуальной драме.

А. Конан Дойль. Композиция детективных рассказов. Роль узнаваемого в детективных жанрах.

Артур Игнатиус Конан Дойл (1859 - 1930). Из Ирландии. По профессии – врач. Один из создателей детективного жанра. Первое произведение о Шерлоке Холмсе – повесть «Этюд в багровых тонах» (1886). Не имела успеха. С 1890 – серия рассказов с одним героем – цикл. Всего – 56 рассказов и 4 повести. В 1893 году решил покончить с ним, и Холмс погиб в схватке с Мориарти у Рейхенбахского водопада. Читатели, обозвав автора убийцей, требовали вернуть мистера Холмса. Восемь лет Конан Дойл держался. Но в 1901 году он написал «Собаку Баскервилей», оговорившись, что это произошло до гибели... В 1903 году – «Возвращение Шерлока Холмса». Конан Дойл – автор фантастических романов: «Затерянный мир», «Отравленный пояс», исторических повестей, но его упорно считают автором Шерлока Холмса.

Вопросы к теме:

- Это детские или взрослые рассказы? Какой ваш любимый рассказ? У автора: «Пестрая лента», «Союз рыжих», «Пляшущие человечки», «Последнее дело Холмса», «Скандал в Богемии», «Пустой дом», «Пять зернышек апельсина», «Второе пятно», «Дьяволова нога».
 - Что вы знаете о его героях? Какова их роль в сюжете рассказа?
 - Что такое «метод дедукции»?
 - Большинство рассказов построено по одной схеме. Почему их все же интересно читать?
- Композиция рассказов о Шерлоке Холмсе. Что есть во всех рассказах?

О.Генри «Огни большого города». Комическое как реальность жизни (оценка содержания существования).

О.Генри – псевдоним Ульяма Синди Портера (1862 – 1910). Американец. Фармацевт. Банкир. Арест по обвинению в растрате. Писать начал в тюрьме. Он сумел внести сказку в самые обычные, будничные ситуации. Герои его рассказов – клерки и продавцы, ковбои и мелкие авантюристы, фермеры и биржевые маклеры.

Жанр новеллы: захватывающая интрига в сочетании с мастерски выстроенной композицией. Неожиданная, но, как правило, счастливая развязка. О. Генри тщательно работал над завершением своих рассказов; в них обычно в них не одна, а две концовки: первая оказывается ложной, не настоящей, вторая же все расставляет по местам («Пока ждет автомобиль», «Дары волхвов»).

Автор же, однако, стремится не только рассмешить читателя. В его историях мудрая улыбка много пережившего человека обещает счастливый исход для того, кто не теряет надежды и ценит

самое важное: дружбу, любовь. **«Что больше – восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ».** Правильный ответ дает вам автор рассказов – восемь долларов в неделю, радость в этой жизни, а не в будущей, маленькие радости, естественные человеческие чувства. Автор не скрывает грустных реалий бедной жизни, он умеет говорить о ней с юмором («не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность») и видеть за ней кое-что еще...

Вопросы к рассказам:

- Какие рассказы понравились больше?
- Почему помирились враги в рассказе «Квадратура круга»? Математическая философия рассказа.
- Финал рассказа «Пока ждет автомобиль». Почему девушка читала книгу «Новые сказки Шахерезады»?
- Сравнительная характеристика рассказов «Предвестник весны» и «Дары волхвов». Почему три собутыльника сравниваются с тремя мушкетерами, а мистер Питерс – с Д.Артаньяном? Смысл названия рассказа «Предвестник весны»?
- Анализ рассказа «Дары волхвов». Жанр рождественского рассказа соблюдается?

Антиутопия

как философский жанр прогностического мышления (реальные перспективы иллюзий).

Д. Оруэлл «1984». Написано в 1949 году.

Человечество всегда выбирает между свободой и счастьем.

Оруэлл

Вопросы к теме:

- Что такое *утопия* и *антиутопия*?
- Расскажите о структуре мира и устройстве общества в «1984». Что в современном Оруэлл мире послужило основой для произведения?
- Каковы отношения между людьми в семье, на службе?
- Зачем водится новояз? Что означают слова плюсплюсхорошо, двоемыслие, чернобелый, преступстоп?
- Чем занимаются четыре Министерства (Правды, Любви, Мира и Изобилия)?
- Что обозначают девизы Партии:
Война – это мир.
Незнание – это сила.
Свобода – это рабство.
- Сравните с антиутопией Е. Замятина «Мы».

Психологический реализм XX века

Тема потерянного поколения в послевоенных произведениях, после первой мировой войны, морально и физически искалеченного войной. Герои, не окрепшие нравственно, попадают в горнило первой мировой войны, а затем возвращаются домой, отрешенные от деятельности, стремлений, прогресса. Писатели передают свойственное многим людям его времени ощущение неустойчивости, душевное смятение, внутреннюю опустошенность и разорванность сознания. Жизнь утратила свою ценность, «распалась связь времен».

Эрих Мария Ремарк «Триумфальная арка»

...две души, затерявшиеся в ноябре

Вопросы к роману:

- Время действия в романе?
- Почему роман называется «Триумфальная арка»? Это символ или место действия? Почему герои все время кружат вокруг нее? Триумфальная арка сравнивается с гигантскими воротами Аида. Почему?
- «В наши дни самого Христа, окажись он без паспорта, упрятали бы в тюрьму». «Без документов мы нигде не имеем права жить...» Как характеризует эта фраза французское государство?

Ремарк – писатель-философ?

** Утешает только самое простое. Вода, дыхание, вечерний дождь. Только тот, кто одинок, понимает это...*

** Жить – значит жить для других. Все мы питаемся друг от друга. Пусть хоть иногда теплится огонек доброты...*

** Жизнь нечто большее, чем свод сентиментальных заповедей ...*

** Ночь... Час, когда все женщины красивы...*

** Один из двоих всегда бросает другого, весь вопрос в том, кто кого опередит. Жизнь слишком серьезная вещь, чтобы кончиться прежде, чем мы перестанем дышать"*

Эрнест Хемингуэй «Фиеста», «Старик и море».

1954 – Нобелевская премия.

Счастье – любить, помимо собственных детей, «три континента, несколько самолетов и кораблей, океаны, своих сестер, своих жен, жизнь и смерть, утро, полдень, вечер и ночь, честь, постель, бокс, плавание, бейсбол, стрельбу, рыбную ловлю», а также «читать и писать».

Потребность находиться в самых горячих точках планеты, чтобы писать правду, что всякая война – гадость, и внести свой посильный вклад в борьбу за справедливость.

Творчество великих писателей-реалистов стало для Хемингуэя тем образцом, к которому он стремился. Высокий уровень реализма – вот что привлекало и Хемингуэя. Принцип айсберга: Подтекст и внешняя простота изложения (узнаваемо оформлены диалоги: сказал – сказал - сказал).

Первый роман – «**И восходит солнце**» («**Фиеста**»), 1926 год. **Человек обречен на поражение.**

Единственное, что ему остается – быть мужественным.

- Почему у романа два эпиграфа: один о потерянном поколении, другой из Экклезиаста о земле, которая пребывает вовеки?

Последняя повесть – «**Старик и море**», 1952. «*Похоже, что я в конце концов добился того, над чем работал всю мою жизнь*».

Жанр – повесть-притча (философская тематика). Море = жизнь. Бороздить жизненное море от рождения до смерти, в муках и радостях – удел каждого человека. Борьба с рыбой – символ человеческого труда, человеческого существования вообще.

«Человек не для того создан, чтобы терпеть поражение. Человека можно уничтожить, но его нельзя победить».

- Почему старику снились львы?
- Зачем в сюжет введен образ мальчика?

Экзистенциализм. Философское мышление в художественной форме

Экзистенциализм – философия существования. В центре – человек. Сил его хватает только на то, чтобы справиться с бременем своей судьбы. Жанр – притча, параболa (глубже притчи, символичнее: оттолкнувшись от исходного текста, уходит как угодно далеко, обогащаясь смыслами).

Ж. Сартр «Мухи». «Мухи» - первая пьеса философа-драматурга (1940). Человек свободен. Свобода – это освобождение от иллюзии бессмертия. Созидание себя через поступок.

Условность использования библейских и мифологических сюжетов в художественном произведении.

- Для чего Сартр использует мифологический сюжет об Орфее и Электре? Что он изменил в нем, зачем?
- Для чего использует библейский сюжет А. Ахматова? Вспомните о гибели Содома и Гоморры; обратите внимание на дату написания стихотворения.

Анна Ахматова

Лотова жена

*Жена же Лотова оглянулась позади его
и стала соляным столпом.*

Книга Бытия

И праведник шел за посланником бога,
Огромный и светлый, по черной горе.
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.

Взглянула – и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью.
И быстрые ноги к земле приросли.

Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

1922-1924

А. Камю «Посторонний» (1942)

Альбер Камю сообщал о намерении написать о своем современнике, «излечившемся от терзаний долгим созерцанием природы». У раннего Камю господствует языческое переживание красоты мира, радость от соприкосновения с ним, с морем и солнцем Алжира, от «телесного» бытия. Сюжет «Постороннего» - столкновение «простого человека» с обществом, которое принудительно «каталогизирует» каждого, помещает в рамки «правил», установленных норм, общепринятых взглядов.

- Зачем в романе две части, если во второй рассказывается о тех же событиях, что и в первой? Чем они различаются?
- За что судят Мерсо? Внешний и внутренний конфликт романа.
- Смысл названия и последней фразы.

Постмодернизм

Постмодернизм (после нового) – направление современной философии и искусства. Постмодернизм определился как реакция на духовные потрясения века катастроф и крушения надежд на торжество разумной и гуманной воли человека. Представление о мире как о хаосе, об истории как о цепи случайностей, недоверие к традиционным ценностям, трагизм, сопровождаемый иронией и самоиронией. Постмодернистская игра. Отчуждение от социальной проблематики как главного источника духовных потрясений потребовало поиска сферы свободы и стабильности – художественное сознание замкнулось на себе, сосредоточилось на переживании и интерпретации формы. Действительность как единый текст, вне которого ничего не существует. Принцип «свободной игры активной интерпретации». Интертекст. Отказ от истины как принцип. Амбивалентность (истина и ложь одновременно) постмодернистского сознания (как бы). В тексте постмодернизма заложены все возможные смыслы, и каждый может найти свой. Текст существует независимо от автора. Невозможно приблизиться к постижению бытия. Борхес как основатель постмодернизма.

Хорхе Луис Борхес – латиноамериканский писатель. 1899 – 1986. Культура всего мира. Образ библиотеки, часто бесконечной, встречается во многих произведениях. Слепота – наследственная болезнь – настигла его на пятом десятке. Он продолжал работать. Писателя привлекла бесконечная, непрекращающаяся игра жизни. Любимая игра Борхеса – сочетание и взаимодействие различных реальностей. Зеркала, лабиринты – все, что порождает бесконечность. Мистификация, использование старых текстов.

«Сад расходящихся тропок» (1941)

Герой, китаец, находящийся во время первой мировой войны на службе у германской разведки, изобретает хитроумный способ передать нужную информацию своему командованию. Он обнаруживает в адресной книге англичанина с фамилией Альбер – это название города, которое шпион должен сообщить в Германию. Убийство Альбера – единственный способ для Ю Цуна перед собственной гибелью связаться с центром. Однако шпионский сюжет – мистификация писателя. Важен не он. Главное место – диалог Ю Цуна и Альбера. Что же такое «Сад расходящихся тропок»? О чем написал роман прадед Ю Цуна Цюй Пэн?

Хорхе Луис Борхес

Сад расходящихся тропок

Виктории Окампо

На двадцать второй странице "Истории мировой войны" Лиддел Гарта сообщается, что предполагавшееся на участке Сер-Монтобан 24 июля 1916 года наступление тринадцати британских дивизий (при поддержке тысячи четырехсот орудий) пришлось отложить до утра двадцать девятого. По мнению капитана Лиддел Гарта, эта сама по себе незначительная отсрочка была вызвана сильными дождями. Нижеследующее заявление, продиктованное, прочитанное и подписанное доктором Ю Цуном, бывшим преподавателем английского языка в Hoch Schule* города Циндао, проливает на случившееся неожиданный свет. В начале текста недостает двух страниц.

"...я повесил трубку. И тут же узнал голос, ответивший мне по-немецки. Это был голос капитана Ричарда Мэддена. Мэдден - на квартире у Виктора Рунеберга! Значит, конец всем нашим трудам, а вместе с ними - но это казалось или *должно было казаться* мне второстепенным - и нам самим. Значит, Рунеберг арестован или убит**. Солнце не зайдет, как та же участь постигнет и меня. Мэдден не знает снисхождения. А точнее вынужден не знать. Ирландец на службе у англичан, человек, которого обвиняли в недостатке рвения, а то и в измене, - мог ли он упустить такой случай и не возблагодарить судьбу за эту сверхъестественную милость: раскрытие, поимку, даже, вероятно, ликвидацию двух агентов Германской империи? Я поднялся к себе зачем-то запер дверь на ключ и вытянулся на узкой железной койке. За окном были всегдашние крыши и тусклое солнце шести часов вечера. Казалось невероятным, что этот ничем не примечательный и ничего не предвещавший день станет днем моей неотвратимой смерти. Я, оставшийся без отца, я, игравший ребенком в симметричном хайфынском садике, вот сейчас умру. Но тут я подумал, что ведь и все на свете к чему-то приводит сейчас, именно сейчас. Века проходят за веками, но лишь в настоящем что-то действительно совершается: столько людей в воздухе, на суше и на море, но единственное, что происходит на самом деле, - это происходящее со мной. Жуткое воспоминание о лошадином лице Мэддена развеяло мои умствования. С чувством ненависти и страха (что мне стоит признаться теперь в своем страхе: теперь, когда я перехитрил Ричарда Мэддена и жду, чтобы меня скорей повесили) я подумал: а ведь этот грубый и, должно быть, упивающийся счастьем солдафон и не подозревает, что я знаю Тайну -- точное название места в долине Анкра, где расположен новый парк британской артиллерии. По серому небу черкнула птица и представилась мне самолетом, роем самолетов над Францией, громящих своими бомбами артиллерийский парк. О, если бы раньше, чем рот мне разнесет пулей, я смог выкрикнуть это известие так, чтобы его расслышали в Германии... Мой человеческий голос был слишком слаб. Как сделать, чтобы он дошел до слуха шефа? До слуха этого слабогрудого, ненавистного человечка, который только и знает обо мне и Рунеберге, что мы в Стаффордшире, и понапрасну ждет от нас известий в своем унылом берлинском кабинете, день за днем изучая газеты... "Бежать", - подумал я вслух. Я бесшумно поднялся, стараясь двигаться так тихо, словно Мэдден уже подстерегал меня. Что-то - наверно, простое желание убедиться в ничтожности своих ресурсов - подтолкнуло меня осмотреть карманы. Там нашлось только то, что я и думал найти. Американские часы, никелевая цепочка с квадратной монетой, связка уличающих и уже бесполезных ключей от квартиры Рунеберга, записная книжка, письмо, которое я собирался тут же уничтожить, но так и не уничтожил, крона, два шиллинга и несколько пенсов, красно-синий карандаш, платок, револьвер с одной пулей. Я зачем-то сжал его и, придавая себе решимости, взвесил в руке. Тут у меня мелькнула смутная мысль, что выстрел услышат издалека. Через десять минут план был готов. По телефонному справочнику я разыскал имя единственного человека, способного передать мое известие: он жил в предместье Фэнтонна, с полчаса езды по железной дороге.

Я не из храброго десятка. Могу сознаться в этом сейчас - сейчас, когда довел до конца замысел, который вряд ли сочтут смелым. Но я-то знаю: его осуществление было ужасно. И сделал я это не ради Германии, вовсе нет. Я ничуть не дорожу этой варварской страной, принудившей меня унизиться до шпионажа. И потом, я знал в Англии одного человека, простого человека, который значит для меня не меньше Гете. Я с ним и часа не проговорил, но в тот час он был равен самому Гете... Так вот, я исполнил своей замысел потому, что чувствовал: шеф презирает людей моей крови - тех бесчисленных предков, которые слиты во мне. Я хотел доказать ему, что желтолицый может спасти германскую армию. И наконец, мне надо было бежать от капитана. Его голос и кулачища могли вот-вот загреметь за дверь. Я бесшумно оделся, на прощанье кивнул зеркалу, спустился, оглядел улочку и вышел. Станция была неподалеку, но я предпочел воспользоваться кебом. Убедил себя, будто так меньше рискую быть узнанным на пустынной улице: мне казалось, что я отовсюду заметен и абсолютно не защищен. Помню, я велел кебмену остановиться, не доезжая до центрального входа в вокзал, и сошел с нарочитой, мучительной неторопливостью. Ехал я до местечка под названием Эшгроув, но билет взял до более дальней станции. Поезд отправлялся через несколько минут, в восемь

пятьдесят. Я ускорил шаг: следующий отходил только в половине десятого. Перрон был почти пуст. Я прошел по вагонам: помню нескольких фермеров, женщину в трауре, юношу, углубившегося в Тацитовы "Анналы", забинтованного и довольного солдата. Вагоны наконец дернулись. Человек, которого я не мог не узнать, слишком поздно добежал до конца перрона. Это был капитан Ричард Мэдден. Уничтоженный, дрожащий, я скорчился на краю сиденья, подальше от страшного окна.

Но сознание собственного ничтожества скоро перешло в какую-то утробную радость. Я сказал себе, что поединок завязался и я выиграл первую схватку, пусть лишь на сорок минут, пусть милостью случая опередив нападающего противника. Я уверил себя, что эта маленькая победа предвещает окончательную. Уверил себя, что она не так уж мала: не подари мне расписание поездов бесценного разрыва во времени, я был бы теперь за решеткой, а то и мертв. Подобными же софизмами я внушил себе, что моя удачливость труса доказывает, будто я способен довести предприятие до благополучного конца. В этой слабости я почерпнул силы, не покинувшие меня позднее. Я предвижу время, когда людей принудят исполнять день за днем и более чудовищные замыслы; скоро на свете останутся одни вояки и головорезы. Мой им совет: *исполнитель самого чудовищного замысла должен вообразить, что уже осуществил его, должен сделать свое будущее непреложным, как прошлое.* Так я и поступил, а в моих глазах - глазах мертвеца - тем временем отражалось течение, возможно, последнего в моей жизни дня и медленное смещение его с ночью.

Поезд мягко бежал мимо ясеней, потом остановился, казалось - прямо в поле. Названия станции никто не объявил. "Это Эшгроув?" - спросил я у мальчишек на перроне. "Эшгроув", - отозвались они. Я сошел.

Платформу освещал фонарь, но лица ребят оставались в темноте. Один из них спросил: "Вам к дому доктора Стивена Альбера?" Другой сказал, не дожидаясь ответа: "До дома недалеко, но вы не заблудитесь: ступайте вот этой дорогой налево и сворачивайте влево на каждой развилке". Я бросил им последнюю монету, спустился по каменным ступенькам и вышел на безлюдную дорогу. Она полого вела вниз. Колея была грунтовая, над головой сплетались ветки, низкая полная луна словно провожала меня.

На миг мне показалось, будто Ричард Мэдден как-то догадался о моем отчаянном плане. Но я тут же успокоил себя, что это невозможно. Указание сворачивать всякий раз налево напомнило мне, что таков общепринятый способ отыскивать центральную площадку в некоторых лабиринтах. В лабиринтах я кое-что понимаю: не зря же я правнук того Цюй Пэна, что был правителем Юньнани и отрекся от брэнного могущества, чтобы написать роман, который превзошел бы многолюдьем "Сон в красном тереме", и создать лабиринт, где заблудился бы каждый. Тринадцать лет посвятил он двум этим трудам, пока не погиб от руки чужеземца, однако роман его остался сущей бессмыслицей, а лабиринта так и не нашли. Под купами английских деревьев я замечтался об этом утраченном лабиринте: нетронутый и безупречный, он представился мне стоящим на потаенной горной вершине, затерявшимся среди рисовых полей или в глубинах вод, беспредельным - не просто с восьмигранными киосками и дорожками, ведущими по кругу, но с целыми реками, провинциями, государствами. Я подумал о лабиринте лабиринтов, о петляющем и растущем лабиринте, который охватывал бы прошедшее и грядущее и каким-то чудом вмещал всю Вселенную. Поглощенный призрачными образами, я забыл свою участь беглеца и, потеряв ощущение времени, почувствовал себя самым сознанием мира. Я попросту воспринимал это смутное, живущее своей жизнью поле, луну, последние отсветы заката и мягкий спуск, отгонявший даже мысль об усталости. Вечер стоял задумчивый, бескрайний. Дорога сбегала и ветвилась по уже затуманившимся лугам. Высокие, будто скандируемые ноты то вдруг наплывали, то вновь отдалялись с колыханием ветра, скраденные листвой и расстоянием. Я подумал, что врагами человека могут быть только люди, люди той или иной земли, но не сама земля с ее светляками, звуками ее языка, садами, водами, закатами. Тем временем я вышел к высоким поржавелым воротам. За прутьями угадывалась аллея и нечто вроде павильона. И тут я понял: музыка доносилась отсюда, но что самое невероятное - она была китайская. Поэтому я и воспринимал ее не задумываясь, безотчетно. Не помню, был ли у ворот колокольчик, звонок или я просто постукал. Мелодия все переливалась.

Но из дома за оградой показался фонарь, в луче которого стволы то выступали из тьмы, то снова отшатывались, бумажный фонарь цвета луны и в форме литавр. Нес его рослый мужчина. Лица я не разглядел, поскольку свет бил мне в глаза. Он приоткрыл ворота и медленно произнес на моем родном языке:

- Я вижу, благочестивый Си Пэн почел своим долгом скрасить мое уединение. Наверное, вы хотите посмотреть сад?

Он назвал меня именем одного из наших посланников, и я в замешательстве повторил за ним:

- Сад?

- Ну да, сад расходящихся тропок.

Что-то всколыхнулось у меня в памяти и с необъяснимой уверенностью я сказал:

- Это сад моего прадеда Цюй Пэна.

- Вашего прадеда? Так вы потомок этого прославленного человека? Прошу.

Сырая дорожка вилась, как тогда, в саду моего детства. Мы вошли в библиотеку с книгами на восточных и европейских языках. Я узнал несколько переплетенных в желтый шелк рукописных томов Утраченной Энциклопедии, изданием которой ведал Третий Император Лучезарной Династии и которую так и не отпечатали. Граммофон с крутящейся пластинкой стоял возле бронзового феникса. Помню еще вазон розового фарфора и другой много древнее, того лазурного тона, который наши мастера переняли у персидских горшечников...

Стивен Альбер с улыбкой наблюдал за мной. Был он, как я уже говорил, очень рослый, с тонким лицом, серыми глазами и поседевшей бородой. Чудилось в нем что-то от пастора и в то же время от моряка; уже потом он рассказал мне, что был миссионером в Тенчуне, "пока не увлекся китаистикой".

Мы сели: я - на длинную приземистую кушетку, а он - устроившись между окном и высокими круглыми часами. Я высчитал, что по крайней мере в ближайший час мой преследователь Ричард Мэдден сюда не явится. С непреложным решением можно было повременить.

- Да, судьба Цюй Пэна воистину поразительна, - начал Стивен Альбер. - Губернатор своей родной провинции, знаток астрономии и астрологии, неустанный толкователь канонических книг, блистательный игрок в шахматы, прославленный поэт и каллиграф, он бросил все, чтобы создать книгу и лабиринт. Он отрекся от радостей деспота и законодателя, от бесчисленных наложниц, пиров и даже от всех своих познаний и на тринадцать лет затворился в Павильоне Неомраченного Уединения. После его смерти наследники не обнаружили там ничего, кроме груды черновиков. Семья, как вам, конечно же, известно, намеревалась предать их огню, но его душеприказчик-монах - то ли даос, то ли буддист - настоял на публикации.

- Мы, потомки Цюй Пэна, - вставил я, - до сих пор проклинаяем этого монаха. Он опубликовал сущую бессмыслицу. Эта книга попросту невразумительный ворох разноречивых набросков. Как-то я проглядывал ее: в третьей главе герой умирает, в четвертой - он снова жив. А что до другого замысла Цюй Пэна, его лабиринта...

- Этот лабиринт - здесь, - уронил Альбер, кивнув на высокую лаковую конторку.

- Игрушка из слоновой кости! - воскликнул я. - Лабиринт в миниатюре...

- Лабиринт символов, - поправил он. - Незримый лабиринт времени. Мне, варвару англичанину, удалось разгадать эту нехитрую тайну. Через сто с лишним лет подробностей уже не восстановишь, но можно предположить, что произошло. Видимо, однажды Цюй Пэн сказал: "Я ухожу, чтобы написать книгу", а в другой раз: "Я ухожу, чтобы построить лабиринт". Всем представлялись две разные вещи; никому не пришло в голову, что книга и лабиринт - одно и то же. Павильон неомраченного Уединения стоял в центре сада, скорее всего запущенного; должно быть, это и внушило мысль, что лабиринт материален. Цюй Пэн умер; никто в его обширных владениях на лабиринт не натолкнулся; сумбурность романа навела меня на мысль, что это и есть лабиринт. Верное решение задачи мне подсказали два обстоятельства: первое - любопытное предание, будто Цюй Пэн задумал поистине бесконечный лабиринт, а второе - отрывок из письма, которое я обнаружил.

Альбер поднялся. На миг он стал ко мне спиной и выдвинул ящик черной с золотом конторки. Потом он обернулся, держа листок бумаги, когда-то алой, а теперь уже розовой, истончившейся и потертой на сгибах. Слава Цюй Пэна - каллиграфа была заслуженной. С недоумением и дрожью вчитался я в эти слова, которые тончайшей кисточкой вывел некогда человек моей крови: *"Оставляю разным (но не всем) будущим временам мой сад расходящихся тропок"*. Я молча вернул листок. Альбер продолжал:

- Еще не докопавшись до этого письма, я спрашивал себя, как может книга быть бесконечной. В голову не приходило ничего, кроме циклического, идущего по кругу тома, тома, в котором последняя страница повторяет первую, что и позволяет ему продолжаться сколько угодно. Вспомнил я и ту ночь на середине "Тысячи и одной ночи", когда царица Шахразада, по чудесной оплошности переписчика, принимается дословно пересказывать историю "Тысячи и одной ночи", рискуя вновь добраться до той ночи, когда она ее пересказывает, и так до бесконечности. Еще мне представилось произведение в духе платоновских "идей" - его замысел передавался бы по наследству, переходя из поколения в поколение, так что каждый новый наследник добавлял бы к нему свою положенную главу или со смиренной заботливостью правил страницу, написанную предшественниками. Эти выдумки тешили меня, но ни одна из них, очевидно, не имела даже отдаленного касательства к разноречивым главам Цюй Пэна. Теряясь в догадках, я получил из Оксфорда письмо, которое вы видели.

Естественно, я задумался над фразой: *"Оставляю разным (но не всем) будущим временам мой сад расходящихся тропок"*. И тут я понял, что бессвязный роман и был "садом расходящихся тропок", а слова "разным (но не всем) будущим временам" натолкнули меня на мысль о развилках во времени, а не в пространстве. Бегло перечитав роман, я утвердился в этой мысли. Стоит герою любого романа очутиться перед несколькими возможностями, как он выбирает одну из них, отмечая остальные; в неразрешимом романе Цюй Пэна он выбирает все разом. Тем самым он творит различные будущие времена, которые в свою очередь множатся и ветвятся.

Отсюда и противоречия в романе. Скажем, Фан владеет тайной; к нему стучится неизвестный; Фан решает его убить. Есть, видимо, несколько вероятных исходов: Фан может убить незваного гостя; гость может убить Фана; оба могут уцелеть; оба могут погибнуть, и так далее. Так вот, в книге Цюй Пэна реализуются все эти исходы, и каждый из них дает начало новым развилкам. Иногда тропки этого лабиринта пересекаются: вы, например, явились ко мне, но в каком-то из возможных вариантов прошлого вы - мой враг, а в ином - друг. Если вы извините мое неисправимое произношение, мы могли бы прочесть несколько страниц.

При ярком свете лампы лицо его было совсем старческим, но проступало в нем и что-то несокрушимое, даже вечное. Медленно и внятно он прочитал два варианта одной эпической главы. В первом из них воины идут в бой по пустынному нагорью. Под страхом обвала, среди ночного мрака жизнь немногочисленного отряда стоит, они не думают о себе и без труда одерживают победу. Во втором те же воины проходят по дворцу, где в разгаре праздник; огни боя кажутся им продолжением праздника, и они снова одерживают победу.

Я с надлежащей почтительностью слушал эти древние истории. Но пожалуй, куда удивительнее их самих было то, что они придуманы когда-то моим предком, а воскрешены для меня теперь, во время моей отчаянной авантюры, на острове в другом конце света, человеком из далекой империи. Помню заключительные слова, повторявшиеся в обоих вариантах как тайная заповедь: *"Так. С ярыми клинками и спокойствием в несравненных сердцах, сражались герои, готовые убить и умереть"*.

Тут я почувствовал вокруг себя и в самом себе какое-то незримое бесплотное роение. Не роение расходящихся, марширующих параллельно и в конце концов сливающихся войск, но более неуловимое, более потаенное движение, чьим смутным прообразом были они сами. Стивен Альбер продолжал:

- Не думаю, чтобы ваш прославленный предок попросту забавлялся на досуге подобными вариациями. Посвятить тринадцать лет бесконечному риторическому эксперименту - это выглядит маловероятно. Роман в вашей стране - жанр невысокого пошиба, а в те времена и вовсе презираемый. Конечно, Цюй Пэн - замечательный романист, но сверх того он был литератором, который навряд ли считал себя обыкновенным романистом. Свидетельства современников - а они подтверждаются всей его жизнью - говорят

о метафизических, мистических устремлениях Цюй Пэна. Философские контroversы занимают немалое место и в его романе. Я знаю, что ни одна из проблем не волновала и не мучила его так, как неисчерпаемая проблема времени. И что же? Это единственная проблема, не упомянутая им на страницах "Сада". Он даже ни разу не употребляет слова "время". Как вы объясните это упорное замалчивание?

Я предложил несколько гипотез - все до одной неубедительные. Мы взялись обсуждать их; наконец Стивен Альбер спросил:

- Какое единственное слово недопустимо в шараде с ключевым словом "шахматы"?

Я секунду подумал и сказал:

- Слово "шахматы".

- Именно, - подхватил Альбер. - "Сад расходящихся тропок" и есть грандиозная шарада, притча, ключ к которой - время; эта скрытая причина и запрещает о нем упоминать. А постоянно чураться какого-то слова, прибегая к неуклюжим метафорам и нарочитым перифразам, - это и есть, вероятно, самый разительный способ его подчеркнуть. Такой окольный путь и предпочел уклончивый Цюй Пэн на каждом повороте своего нескончаемого романа. Я сличил сотни рукописей, выправил

ошибки, занесенные в текст нерадивыми переписчиками, вроде бы упорядочил этот хаос, придал - надеюсь, что придал, - ему задуманный вид, перевел книгу целиком - и убедился: слово "время" не встречается в ней ни разу. Отгадка очевидна: "Сад расходящихся тропок" - это недоконченный, но и не искаженный образ мира, каким его видел Цюй Пэн. В отличие от Ньютона и Шопенгауэра ваш предок не верил в единое, абсолютное время. Он верил в бесчисленность временных рядов, в растущую, головокружительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен. И эта канва времен, которые сближаются, ветвятся, перекрещиваются или век за веком так и не соприкасаются, заключает в себе все мыслимые возможности. В большинстве этих времен мы с вами не существуем; в каких-то существуете вы, а я

- нет; в других есть я, но нет вас; в иных существуем мы оба. В одном из них, когда счастливый случай выпал мне, вы явились в мой дом; в другом - вы, проходя по саду, нашли меня мертвым; в третьем - я произношу эти же слова, но сам я - мираж, призрак.

- В любом времени, - выговорил я не без дрожи, - я благодарен и признателен вам за воскрешение сада Цюй Пэна.

- Не в любом, - с улыбкой пробормотал он. - Вечно разветвляясь, время ведет к неисчислимым вариантам будущего. В одном из них я - ваш враг.

Я снова ощутил то роение, о котором уже говорил. Мне почудилось, будто мокрый сад вокруг дома полон бесчисленных призрачных людей. Это были Альбер и я, только незнакомые, умноженные и преображенные другими временными измерениями. Я поднял глаза, бесплотный кошмар рассеялся. В изжелта-черном саду я увидел лишь одного человека, но этот человек казался несокрушимым, как статуя, и приближался к нам по дорожке, и был капитаном Ричардом Мэдденом.

- Будущее уже на пороге, - возразил я, - и все же я - ваш друг. Позвольте мне еще раз взглянуть на письмо.

Альбер поднялся во весь рост. Он выдвинул ящик высокой конторки и на миг стал ко мне спиной. Мой револьвер был давно наготове. Я выстрелил, целясь как можно тщательней. Альбер упал тут же, без единого стога, Клянусь, его смерть была мгновенной, как вспышка.

Остальное уже нереально и не имеет значения. Ворвался Мэдден, я был арестован. Меня приговорили к повешению. Как ни ужасно, я победил: передал в Берлин название города, где нужно было нанести удар. Вчера его разбомбили: я прочитал об этом в газетах, известивших Англию о загадочном убийстве признанного китаиста Стивена Альбера, которое совершил некий Ю Цун. Шеф справился с этой загадкой. Теперь он знает, что вопрос для меня был в том, как сообщить ему о городе под названием Альбер, и что мне, среди грохота войны, оставалось одно - убить человека, носящего это имя. Он только не знает - и никому не узнать, - как неизбывны моя боль и усталость".

Примечания

* Высшая школа (нем.)

** Нелепый и сумасбродный домысел. Прусский агент Ганс Рабенер, он же Виктор Рунеберг, бросился с пистолетом на капитана Ричарда Мэддена, явившегося к нему с ордером на арест. При самозащите капитан ранил Рунеберга, что и повлекло за собой смерть последнего. - Примеч. издателя.

Хорхе Луис Борхес

Дом Астерия.

Марии Москера Истмен

И царица произвела на свет сына, которого назвали Астерием.

Аполлодор. Библиотека, III. 1

Знаю, меня обвиняют в высокомерии, и, возможно, в ненависти к людям, и, возможно, в безумии. Эти обвинения (за которые я в свое время рассчитаюсь) смехотворны. Правда, что я не выхожу из дома, но правда и то, что его двери (число которых бесконечно) открыты днем и ночью для людей и для зверей. Пусть входит кто хочет. Здесь не найти ни изнеживающей роскоши, ни пышного великолепия дворцов, но лишь покой и одиночество. И дом, равного которому нет на всей земле. (Лгут те, кто утверждает, что похожий дом есть в Египте.) Даже мои хулители должны признать, что в доме нет никакой мебели. Другая нелепость - будто я, Астерий, узник. Повторить, что здесь нет ни одной закрытой двери, ни одного запора? Кроме того, однажды, когда смеркалось, я вышел на улицу; и если вернулся еще до наступления ночи, то потому, что меня испугали лица простонародья - бесцветные и плоские, как ладонь. Солнце уже зашло, но безутешный плач ребенка и молящие вопли толпы означали, что я был узник. Люди молились, убегали, падали на колени, некоторые карабкались к подножию храма Двойной секиры, другие хватали камни. Кто-то, кажется, кинулся в море. Недаром моя мать была царицей, я не могу смешаться с чернью, даже если бы по скромности хотел этого.

Дело в том, что я неповторим. Мне не интересно, что один человек может сообщить другим; как философ, я полагаю, что с помощью письма ничто не может быть передано. Эти раздражающие и пошлые мелочи претят моему духу, который предназначен для великого; я никогда не мог удержать в памяти отличий одной буквы от другой. Некое благородное нетерпение мешает мне выучиться читать. Иногда я жалею об этом - дни и ночи такие долгие.

Разумеется, развлечений у меня достаточно. Как баран, готовый биться, я ношусь по каменным галереям, пока не упаду без сил на землю. Я прячусь в тени у водоема или за поворотом коридора и делаю вид, что меня ищут. С некоторых крыш я прыгал и разбивался в кровь. Иногда я прикидываюсь спящим, лежа с закрытыми глазами и глубоко дыша (порой я и в самом деле засыпаю, а когда открою глаза, то вижу, как изменился цвет дня). Но больше всех игр мне нравится игра в другого Астерия. Я делаю вид, что он пришел ко мне в гости, а я показываю ему дом. Чрезвычайно почтительно я говорю ему: "Давай вернемся к тому углу", или: "Теперь пойдем в другой двор", или: "Я так и думал, что тебе понравится этот карниз", или: "Вот это чан, наполненный песком", или: "Сейчас увидишь, как подземный ход раздваивается". Временами я ошибаюсь, и тогда мы оба с радостью смеемся.

Я не только придумываю эти игры, я еще размышляю о доме. Все части дома повторяются много раз, одна часть совсем как другая. Нет одного водоема, двора, водопоя, кормушки, а есть четырнадцать (бесконечное число) кормушек, водопоев, дворов, водоемов. Дом подобен миру, вернее сказать, он и есть мир. Однако, когда надоедают дворы с водоемом и пыльные галереи из серого камня, я выхожу на улицу и смотрю на храм Двойной секиры и на море. Я не мог этого понять, пока однажды ночью мне не привиделось, что существует четырнадцать (бесконечное число) морей и храмов. Все повторяется много раз, четырнадцать раз, но две вещи в мире неповторимы:

наверху - непонятное солнце; внизу - я, Астерий. Возможно, звезды, и солнце, и этот огромный дом созданы мной, но я не уверен в этом.

Каждые девять лет в доме появляются девять человек, чтобы я избавил их от зла. Я слышу их шаги или голоса в глубине каменных галерей и с радостью бегу навстречу. Вся процедура занимает лишь несколько минут. Они падают один за другим, и я даже не успеваю запачкаться кровью. Где они падают, там и остаются, и их тела помогают мне отличить эту галерею от других. Мне неизвестно, кто они, но один из них в свой смертный час предсказал мне, что когда-нибудь придет и мой освободитель. С тех пор меня не тяготит одиночество, я знаю, что мой избавитель существует и в конце концов он ступит на пыльный пол. Если бы моего слуха достигали все звуки на свете, я различил бы его шаги. Хорошо бы он отвел меня куда-нибудь, где меньше галерей и меньше дверей. Каков будет мой избавитель? - спрашиваю я себя. Будет ли он быком или человеком? А может, быком с головой человека? Или таким, как я?

Утреннее солнце играло на бронзовом мече. На нем уже не осталось крови.

- Проверишь ли, Ариадна? - сказал Тесей. - Минотавр почти не сопротивлялся.

Хулио Кортасар (1914 - 1984) – аргентинский писатель. Любимец интеллектуальной элиты 60-х годов.

Вселенная Кортасара не вполне соответствует нашей. Игра с несколькими параллельными – и иногда пересекающимися, что ведет к катастрофе, – реальностями. «Дальняя» 1951 год. Кора Оливье (анаграмма: королева и...), богатая латиноамериканка, ощущает себя нищенкой из Будапешта и отправляется на поиски самой себя.

Двойничество. «**Ночью на спине, лицом кверху**».

Иная реальность почти всегда одерживает верх.

Хулио Кортасар

Ночью на спине, лицом кверху

И наступало время, когда выходили они выслеживать врагов; это называлось у них священной войной.

Дойдя до середины гостиничного холла, он подумал, что, должно быть, уже поздно, торопливо вышел на улицу и вывел мотоцикл из укромного уголка, куда портье из соседнего дома позволил его поставить. Часы на ювелирном магазине на углу показывали без десяти девять; времени, чтобы добраться до места, у него было с избытком. Солнце просачивалось между высокими зданиями городского центра, и он - ведь, думая, *он* не называл себя по имени - оседлал машину, предвкушая прогулку. Мотоцикл под ним взревел, и края брюк вздулись от свежего ветра.

Проехав по Центральной улице, он миновал здания министерств (розовое и белое) и несколько магазинов со сверкающими витринами. Теперь начиналась самая приятная часть пути, настоящая аллея: длинная улица, обсаженная деревьями, движения почти никакого, просторные виллы по обеим сторонам в окружении садов, подступающих к самым тротуарам и едва отделенных от них низкими изгородями. Он ехал, как и полагалось, по правой стороне, но, возможно, был слегка рассеян и позволил себе залюбоваться сверканием, легким трепетом занимающегося дня. Вероятно, невольная расслабленность помешала ему избежать катастрофы. Он уви-

дел, как на углу остановилась женщина и вдруг кинулась ему наперерез, несмотря на красный свет, но было уже поздно что-либо предпринять. Он нажал на ручной тормоз, стал тормозить ногой, вывернул налево; и вслед за тем услышал крик женщины, почувствовал удар и тут же лишился зрения. Будто внезапно уснул.

Очнулся он сразу. Четверо или пятеро молодых мужчин вытаскивали его из-под мотоцикла. На губах был соленый вкус крови, ныло колено; когда его подняли, он закричал - не мог вынести давящей тяжести в правой руке. До него донеслись голоса - шутки, слова ободрения, - но голоса эти словно не имели ничего общего со склонившимися над ним лицами. Его обрадовало лишь замечание, что, заворачивая за угол, он держался правой стороны. Стараясь подавить приступ тошноты, которая подкатила к горлу, он спросил о женщине. По дороге к ближайшей аптеке, куда его понесли в той же позе, в какой подняли - на спине, лицом кверху, он узнал, что виновница катастрофы отделалась царапинами на ногах. "Вы ее только слегка задели, но от удара машина опрокинулась..." Споры очевидцев, описание подробностей, тихо, тихо, разверните в дверях, вот так, хорошо, и кто-то в халате дает ему питье, от которого он чувствует себя бодрее в полутьме маленькой аптеки.

Полицейская скорая помощь прибыла через пять минут, и его переложили на матерчатые носилки, где можно было устроиться поудобнее. Четко и ясно, однако сознавая, что находится в состоянии сильного шока, он назвал сопровождавшему его полицейскому свой адрес. Рука почти не болела; из рассеченной брови сочилась и растекалась по всему лицу кровь. Раз или два он слизнул ее с губ. Он чувствовал себя сносно, что ж - несчастный случай, не повезло; неделя-другая в постели - и все. Полицейский сказал, что мотоцикл, кажется, не слишком пострадал. "Еще бы, - заметил он, - я его прикрыл собою..." Оба засмеялись, полицейский протянул ему руку на прощание, когда они прибыли в больницу, и пожелал ему удачи. Тошнота понемногу возвращалась; когда его на каталке везли в корпус в глубь двора мимо деревьев с птицами на ветвях, он закрыл глаза, и ему захотелось уснуть или получить наркоз. Но его долго продержали в какой-то комнате, где пахло больницей, - заполняли карточки, сняли одежду и надели жесткое сероватое белье. С рукой обращались бережно, и ему не было больно. Сестры все время шутили, и, если бы не спазмы в желудке, он чувствовал бы себя очень хорошо, был бы почти доволен.

Его отвезли в рентгеновский кабинет, минут через двадцать, словно черную плиту, положили на грудь еще мокрую пленку и перевезли в операционную. К каталке подошел высокий сухощавый человек, весь в белом, и принялся разглядывать снимок. Женские руки поправили ему голову, он почувствовал, его переключают на другую каталку. Снова подошел человек в белом - улыбаясь и держа в руке что-то блестящее. Он похлопал его по щеке и сделал знак кому-то позади себя.

Это был странный сон, весь наполненный запахами, а ему никогда не снились запахи. Сначала пахло болотом, так как слева от дороги сразу начиналась трясина, топь, из которой никому не удавалось выбраться. Но запах болота исчез, и вместо него потянуло чем-то густым и темным, как ночь, в которую он уходил от преследования ацтеков. И все было так просто, понятно, он должен был бежать от ацтеков, которые вышли на охоту, - то была охота на человека, и укрыться, спастись он мог только в дебрях первобытного леса, если не потеряет узкую тропу, известную только им, мотекам.

Более всего его донимал запах, словно в абсолютном приятии сна что-то еще восставало против того непривычного, что до сих пор не участвовало в игре. "Пахнет войной", - подумал он, инстинктивно хватаясь за каменный кинжал, засунутый за тканый шерстяной пояс. Внезапный звук заставил его пригнуться и дрожа замереть на месте. В самом этом страхе не было ничего удивительного, сны его всегда были наполнены страхом. Он затаился, укрытый ветвистыми кустами и беззвездной ночью. Вдалеке, может на противоположном берегу большого озера, горели, должно быть, огни бивака, красноватым светом светилось в той стороне небо. Звук не повторился. Наверное, хрустнула сломанная ветка. Или животное бежало, как и он, от запаха войны. Он медленно выпрямился, оглядываясь по сторонам. Ничего не было слышно, но ни страх, ни тот запах - приторное благовоние священной войны - не оставляли его. Нужно было двигаться дальше, добраться до самого сердца сельвы в обход трясины. Наугад, то и дело приседая, чтобы нащупать

утоптанную землю тропы, он сделал несколько шагов. Ему хотелось броситься бегом, но рядом дышала трясина. На

тропе впотьмах он пытался определить направление. И вдруг почувствовал, как на него нахлынули волны запаха, которого он боялся больше всего, и в отчаянии прыгнул вперед.

- Упадете с койки, - сказал сосед по палате. - Не вскидывайтесь так, приятель.

Он открыл глаза - день кончался, и солнце стояло низко, едва заглядывая в окна большой палаты. Пытаясь улыбнуться соседу, он почти физически стряхнул с себя последние видения сна. Рука, скованная гипсом, была подвешена в воздухе с помощью разных блоков и грузов. Он ощутил жажду, словно пробежал не один километр, но ему не хотели давать много воды, решили только смочить губы и сделать один глоток. Жар понемногу охватывал его, и он мог бы уснуть снова, но смаковал удовольствие бодрствовать, ворочать глазами, прислушиваться к разговору соседей, иногда отвечать на вопросы. Он увидел, как к его койке подвезли белую тележку, светловолосая сестра протерла ему спиртом бедро и ввела толстую иглу, соединенную трубкой с сосудом, наполненным желтоватой жидкостью. Пришел молоденький врач, принес аппарат из кожи и металла, приладил его к здоровой руке и стал что-то измерять. Надвигалась ночь, и жар постепенно, исподволь приводил его в то состояние, в котором все вещи видятся, словно в театральный бинокль, они подлинны и приятны и в то же время слегка внушают отвращение; так бывает, когда смотришь скучный фильм: подумаешь, что на улице еще хуже, и останешься.

Принесли чашку чудесного золотистого бульона, пахнувшего луком, чесноком, петрушкой. Кусочек хлеба, более желанный, чем целый праздничный стол, понемножку растаял. Рука не болела совсем, и только из зашитой брови иногда вытекала горячая и быстрая струйка. Когда окна напротив его койки засветились глубокой синевой, он подумал, что заснуть будет нетрудно? Несколько неловко, на спине, но проведя языком по пересохшим горячим губам, он ощутил вкус бульона и, забываясь, вздохнул счастливо.

Вначале был хаос, в котором все ощущения, на миг притупившиеся или спутанные, вновь вернулись к нему. Он понимал, что бежит в кромешной тьме, хотя небо наверху, исчерченное ветвями деревьев, было чуть светлее общей черноты. "Тропа, - подумал он, - я сбился с тропы". Ноги его погружались в толстый ковер листьев и грязи, теперь он не мог и шагу ступить, чтобы ветви не секли его по ногам и по телу. Тяжело дыша, чувствуя, что загнан, хотя кругом было темно и тихо, он присел и прислушался. Может быть, тропа проходит совсем рядом, и на заре он ее снова увидит. Сейчас же ее не отыскать. Рука, бессознательно сжимавшая рукоятку ножа, как болотный скорпион прокралась к шее, где висел спасительный амулет. Еле шевеля губами, он пробормотал молитву о маисе, которая приносит счастливые луны, и мольбу верховной богине, ведающей у мотеков добром и злом. Но вместе с тем он чувствовал, что ноги уже по щиколотку погрузились в грязь и погружаются все глубже, и это выжидание во тьме незнакомо-го леса делалось невыносимым. Священная война началась в новолуние и длилась уже три ночи и три дня. Если бы ему удалось укрыться в чаше, взяв в сторону от дороги и миновав трясину, может быть, воины и не напали бы на его след. Он подумал, как много, наверное, у них уже пленных. Однако не в числе суть, важно уложиться в священные сроки, назначенные богами для войны. Преследование будет продолжаться, пока жрецы не подадут знак к возвращению. Все имеет свой порядок и свой конец, а его священное время войны застигло на вражеской стороне.

Он услышал крики и разом вскочил, сжав в руке кинжал. Словно зарево пожара на горизонте, увидел он совсем поблизости пламя факелов, трепетавшее между ветвей. Потянуло войной, вынести этот запах было невозможно, и когда первый враг прыгнул ему на плечи, он почти с восторгом всадил ему каменное лезвие в самую середину груди. Со всех сторон его окружали огни, звучали торжествующие голоса. Ему удалось два или три раза пронзительно крикнуть, и тут же веревка отдернула его назад.

- Это все жар, - произнес мужчина на соседней койке. - Со мной было точь-в-точь так же, когда мне двенадцатиперстную кишку резали. Выпейте водички, авось уснете получше.

По сравнению с ночью, из которой он возвращался, теплый полумрак палаты показался ему необыкновенно приятным. Фиолетовый огонек лампы горел высоко у задней стены, как недреманное око. С разных сторон доносилось шумное дыхание, иногда тихий, приглушенный разгово-

вор. Все было исполнено доброты, благожелательности, спокойной уверенности, - без этого отчаянного бега, без... Нет, нет, он не хотел углубляться в мысли о кошмаре. Можно было думать о стольких вещах. Он принялся разглядывать гипс, блоки, при помощи которых рука была так удобно подвешена в воздухе. На ночной столик ему поставили бутылку минеральной воды. Он с наслаждением отпил прямо из горлышка. Теперь он различал очертания палаты, тридцать коек, застекленные шкафы. Должно быть, жар несколько спал, лицо уже не пылало. Бровь болела слабо, это была даже не боль, а воспоминание о боли. Он вновь представил себе, как выходит из гостиницы, выводит мотоцикл. Кто бы мог подумать, что все так кончится? Он пытался вспомнить самый момент катастрофы и с бессильной яростью установил, что на этом месте была будто пропасть, пустота, которую ему не удавалось заполнить. Между ударом и тем моментом, когда его подняли с земли, беспамятство или то, что это было, застилало ему глаза. И в то же время им владело такое чувство, точно эта пропасть, это ничто длилось целую вечность. Нет, даже не длилось, а будто в этой пропасти он прошел через что-то или преодолел необъятное пространство. Столкновение, сильный удар о мостовую. Так или иначе, вынырнув из черного колодца, он ощутил даже какую-то радость, пока мужчины подымали его с земли. Несмотря на боль в сломанной руке, на кровь, сочившуюся из рассеченной брови, на ушибленную коленку; несмотря на все это - радость возвращения к дневному свету, радость сознания, что тебя поддерживают, тебе помогают. Просто невероятно. Он как-нибудь спросит об этом у врача в лаборатории. Теперь сон вновь одолевал его, вновь тянул назад. Подушка была такая мягкая, а разгоряченное горло остужала Свежесть минеральной воды. Может быть, ему удастся отдохнуть по-настоящему, без этих ужасных кошмаров. Фиолетовый свет под потолком медленно тускнел.

Поскольку он спал на спине, лицом вверх, он не удивился, когда, придя в себя, обнаружил, что лежит навзничь; напротив, запах сырости, камня, влажного от испарений, заполнил ему горло и прояснил сознание. Бесполезно открывать глаза и смотреть по сторонам: его окутывает непроницаемая тьма. Он хотел подняться, но веревки врезались в запястья и щиколотки. Он был привязан к земле, к ледяным, влажным каменным плитам. Холод пронизывал его обнаженную спину, ноги. Подбородком он попытался неловко нащупать на груди амулет и понял, что его сорвали. Теперь он пропал, никакие молитвы уже не могли его спасти от конца. Издалека, словно просочившись сквозь стены темницы, до него донесся гул праздничных барабанов. Его притащили в святилище, в каземате храма он дожидался своего часа.

Ушей его достиг крик, хриплый крик, отдававшийся в стенах. И снова крик, перешедший в стон. Это он сам кричал в темноте, кричал потому, что был жив, все его тело криком защищалось от того, что должно было произойти, от неизбежного конца. Он подумал о своих соплеменниках, сидящих в соседних темницах, и о тех, кто всходит уже по ступеням жертвенных алтарей. Он снова закричал, глухо, с невероятным трудом, ему почти не удалось раскрыть рта, челюсти свело, и в то же время они были словно резиновые и открывались медленно, бесконечно медленно. Судорожно извиваясь, он невероятным усилием попытался освободиться от врезавшихся в тело веревок. Правая, более сильная, рука так напряглась, что боль сделалась невыносимой, и он вынужден был оставить свои попытки. На его глазах открылась двойная дверь, и запах гари от зажженных факелов дошел до него раньше, чем свет. Не спуская со своей жертвы презирающих глаз, подошли прислужники храма в одних только набедренных повязках. Блики пламени играли на их лоснящихся от пота телах, на смоляных волосах, богато украшенных перьями. Веревки ослабли, но вместо них его стиснули твердые, точно бронза, руки; он почувствовал, как его поднимают, по-прежнему лежащего навзничь, и четверо прислужников несут его по каменному коридору. Факельщики шли впереди, слабо освещая проход между сырыми стенами и потолок, такой низкий, что прислужникам приходилось наклонять голову. Теперь его несли, несли, и это был конец. На спине, лицом вверх, в каком-нибудь метре от потолка из неотесанных каменных глыб, по временам озаряемых пламенем факелов. Когда вместо потолка над головой покажутся звезды и перед ним в шуме криков и танцев возникнет ступенчатая пирамида, это будет конец. Коридор все никак не кончался, но скоро он окончится, и тогда вдруг пахнет свежим ветром, полным звезд, но пока этого все еще не

было, они все несли и несли его в багровом сумраке, грубо толкая и дергая, а он извивался, но что он мог поделать, если они сорвали с него амулет, - его настоящее сердце, средоточие жизни.

Внезапный рывок вернул его в больничную ночь под уютный потолок, в уютно обволакивающие сумерки. Он подумал, что, должно быть, кричал, но его соседи мирно спали. Бутылка с водой на ночном столике напоминала каплю, нечто светящееся и прозрачное на синеватом фоне темных окон. Он тяжело задышал, стараясь набрать в легкие побольше воздуха, забыть видения и образы, еще не слетевшие с его век. Стоило ему закрыть глаза, они тут же оживали вновь, и он вскидывался, охваченный ужасом, но иногда при этом наслаждаясь сознанием, что проснулся и бодрствует, что его охраняет сиделка, что скоро рассвет и он уснет глубоким, крепким сном, каким спят под утро, без видений, без ничего... Ему нелегко было не закрывать глаз, сон оказался сильнее его. Он сделал последнее усилие, протянул здоровую руку к бутылке с водой; взять ее ему не удалось, пальцы сомкнулись в пустоте, снова беспросветно черной, и коридор был все так же бесконечен, каменные глыбы сменяли одна другую, багровые вспышки внезапно освещали проход, а он, лежа на плечах носильщиков лицом кверху, глухо простонал, потому что потолок вот-вот должен был кончиться, он стал выше, разверзлась зияющая мраком пасть, носильщики выпрямились, и с высоты ущербная луна упала ему на лицо, но глаза его не хотели ее видеть, они в отчаянии закрывались и открывались снова, стараясь посмотреть в другую сторону, увидеть спасительный потолок палаты. И каждый раз, когда они открывались, стояла ночь и светила луна, а его несли по лестнице, только голова его теперь свешивалась вниз, и наверху горели костры, поднимались к небу багровые столбы ароматного дыма, и внезапно он увидел камень, сверкающий от струившейся по нему крови, и болтающиеся ноги жертвы, которую тащили наверх, чтобы сбросить со ступеней северной лестницы. В последней надежде он стиснул веки, пытаясь со стоном пробудиться. Секунду ему казалось, что он вот-вот проснется, потому что он снова неподвижно лежал в постели, хотя и чувствовал, как болтается все его тело и свесившаяся вниз голова. Но пахло смертью, и, открыв глаза, он увидел окровавленную фигуру жреца, готового приступить к жертвоприношению: жрец двигался к нему с каменным ножом в руке. Ему вновь удалось закрыть глаза, но теперь он уже знал, что не проснется, что он уже не спит и что чудесный сон был тот, другой, нелепый, как все сны; сон, в котором он мчался по диковинным дорогам удивительного города, навстречу ему попадались зеленые и красные огни, не дававшие ни пламени, ни дыма, и огромное металлическое насекомое жужжало под ним. В бесконечной лжи того сна его тоже подняли с земли, и кто-то с ножом в руке приблизился к нему, лежавшему с закрытыми глазами навзничь, лицом кверху, среди костров.

Прочтите отрывок из рассказа современной писательницы Татьяны Толстой «Сюжет».

...Пушкину грезятся огни, стрельба, крики... кто-то положил остужающую руку на горячий лоб – Даль? – Даль. Даль заволакивает дымом, кто-то падает, подстреленный, на лужайке... это он сам, убит, – к чему теперь рыдания, пустых похвал ненужный хор? – шотландская луна льет печальный свет на печальные поляны, поросшие развесистой клюквой и могучей, до небес, морошкой; прекрасная калмычка, неистово, туберкулезно кашляя, – тварь дрожащая или право имеет? – переламывает над головой зеленую палочку – гражданская казнь; еще ты дремлешь, друг прелестный? Не спи, вставай, кудрявая! Собаки рвут младенца, и мальчики кровавые в глазах.

Расстрелять, – тихо и убежденно говорит он, – ибо я перестал слышать музыку, румынский оркестр и песни Грузии печальной, и мне на плечи кидается анчар, но не волк я по крови своей: и в горло я успел воткнуть и там два раза повернуть... Гул затих, я вышел на подмости, я вышел рано, до звезды, был, да весь вышел, из дому вышел человек с дубинкой и мешком. Пушкин выходит из дому босиком, под мышкой сапоги, в сапогах дневники. Так души смотрят с высоты на ими брошенное тело...

- В этом отрывке передан бред поэта, тяжело раненного на дуэли (в рассказе Пушкин выживет после дуэли и доживет до преклонных лет). Однако текст только на первый взгляд кажется бессвязным. Попробуйте определить логику его построения.
- Какие цитаты из произведений русской литературы (укажите, если можете, названия и авторов) и отсылки к известным событиям из жизни русских писателей здесь встречаются?

Итоговое занятие.

Напишите рецензию на рассказ В. Набокова «Облако, озеро, башня».

Владимир Набоков

ОБЛАКО, ОЗЕРО, БАШНЯ

Один из моих представителей, скромный, кроткий холостяк, прекрасный работник, как-то на благотворительном балу, устроенном эмигрантами из России, выиграл увеселительную поездку. Хотя берлинское лето находилось в полном разливе (вторую неделю было сыро, холодно, обидно за все зеленевшее зря, и только воробьи не унывали), ехать ему никуда не хотелось, но когда в конторе общества увеспоездок он попробовал билет свой продать, ему ответили, что для этого необходимо разрешение от министерства путей сообщения; когда же он и туда сунулся, то оказалось, что сначала нужно составить сложное прошение у нотариуса на гербовой бумаге, да кроме того раздобыть в полиции так называемое «свидетельство о невыезде из города в летнее время», причем выяснилось, что издержки составят треть стоимости билета, то есть как раз ту сумму, которую, по истечении нескольких месяцев он мог надеяться получить. Тогда, повздыхав, он решил ехать. Взял у знакомых алюминиевую фляжку, подновил подошвы, купил пояс и фланелевую рубашку вольного фасона, – одну из тех, которые с таким нетерпением ждут стирки, чтобы сесть. Она, впрочем, была велика этому милому, коротковатому человеку, всегда аккуратно подстриженному, с умными и добрыми глазами. Я сейчас не могу вспомнить его имя и отчество. Кажется, Василий Иванович.

Он плохо спал накануне отбытия. Почему? Не только потому, что утром надо вставать непривычно рано и таким образом брать с собой в сон личико часов, тикающих рядом на столике, а потому что в ту ночь ни с того, ни с сего ему начало мниться, что эта поездка, навязанная ему судьбой в открытом платье, поездка, на которую он решился так неохотно, принесет ему вдруг чудное, дрожащее счастье, чем-то схожее и с его детством, и с волнением, возбуждаемым в нем лучшими произведениями русской поэзии, и с каким-то когда-то виденном во сне вечерним горизонтом, и с тою чужою женою, которую он восьмой год безвыходно любил (но еще полнее и значительнее всего этого). И кроме того он думал о том, что всякая настоящая хорошая жизнь должна быть обращением к чему-то, к кому-то.

Утро поднялось пасмурное, но теплое, парное, с внутренним солнцем, и было совсем приятно трястись в трамвае на далекий вокзал, где был сборный пункт: в экскурсии, увы, участвовало несколько персон. Кто они будут, эти сонные – как все еще нам незнакомые – спутники? У кассы номер шесть, в семь утра, как было указано в примечании к билету, он и увидел их (его уже ждали: минуты на три он все-таки опоздал). Сразу выделился долговязый блондин в тирольском костюме, загорелый до цвета петушиного гребня, с огромными, золотисто-оранжевыми, волосатыми коленями и лакированным носом. Это был снаряженный обществом вожак, и как только новоприбывший присоединился к группе (состоявшей из четырех женщин и стольких же мужчин), он её повел к запрятанному за поездами поезду, с устрашающей легкостью неся на спине свой чудовищный рюкзак и крепко цокая подкованными башмаками. Разместились в пустом вагончике сугубо-третьего класса, и Василий Иванович, сев в сторонке и положив в рот мятку, тотчас раскрыл томик Тютчева, которого давно собирался прочесть («Мы слизь. Реченная есть ложь», – и дивное о румянном восклицании); но его попросили отложить книжку и присоединиться ко всей группе. Пожилой почтовый чиновник в очках, со щетинисто сизым черепом, подбородком и верхней гу-

бой, словно он сбрил для этой поездки какую-то необыкновенно обильную растительность, тотчас сообщил, что бывал в России и знает немножко по-русски, например, «пацлуй», да так подмигнул, вспоминая проказы в Царицыне, что его толстая жена набросала в воздухе начало оплеухи наотмашь. Вообще становилось шумно. Перекидывались пудовыми шутками четверо, связанные тем, что служили в одной и той же строительной фирме, – мужчина постарше, Шульц, мужчина помоложе, Шульц тоже, и две девицы с огромными ртами, задастые и непоседливые. Рыжая, несколько фарсового типа вдова в спортивной юбке тоже кое-что знала о России (Рижском взморье). Еще был темный, с глазами без блеска, молодой человек, по фамилии Шрам, с чем-то неопределённым, бархатно-гнусным, в облике и манерах, всё время переводивший разговор на те или другие выгодные стороны экскурсии и дававший первый знак к восхищению: это был, как узналось впоследствии, специальный подогреватель от общества увеспоездов.

Паровоз, шибко-шибко работая локтями, бежал сосновым лесом, затем – облегченно – полями, и понимая еще только смутно всю чушь и ужас своего положения, и, пожалуй, пытаюсь уговорить себя, что всё очень мило, Василий Иванович ухитрялся наслаждаться мимолетными дарами дороги. И действительно: как это все увлекательно, какую прелесть приобретает мир, когда заведен и движется каруселью! Какие выясняются вещи! Жгучее солнце побиралось к углу окошка и вдруг обливало желтую лавку. Безумно быстро неслась плохо выглаженная тень вагона по травянистому скату, где цветы сливались в цветные строки. Шлагбаум: ждет велосипедист, опираясь одной ногой на землю. Деревья появлялись партиями и отдельно, поворачивались равнодушно и плавно, показывая новые моды. Синяя сырость оврага. Воспоминание любви, переодетое лугом. Перистые облака, вроде небесных борзых. Нас с ним всегда поражала эта страшная для души анонимность всех частей пейзажа, невозможность никогда узнать, куда ведет вон та тропинка, – а ведь какая соблазнительная чушь! Бывало, на дальнем склоне или в лесном просвете появится и как бы замрет на мгновение, как задержанный в груди воздух, место до того очаровательное, – полянка, терраса, – такое полное выражение нежной, благожелательной красоты, – что, кажется, вот бы остановить поезд и – туда, навсегда, к тебе, моя любовь... но уже бешено заскакали, вертясь в солнечном кипятке, тысячи буковых стволов, и опять прозевал счастье. А на остановках Василий Иванович смотрел иногда на сочетание каких-нибудь совсем ничтожных предметов – пятно на платформе, вишневая косточка, окурок, – и говорил себе, что никогда-никогда не запомнит и не вспомнит более вот этих трех штучек в каком-то их взаимном расположении, этого узора, который однако сейчас он видит до бессмертности ясно; или ещё, глядя на кучку детей, ожидающих поезда, он изо всех сил старался высмотреть хоть одну замечательную судьбу – в форме скрипки или короны, пропеллера или лиры, – и досматривался до того, что вся эта компания деревенских школьников являлась ему как на старом снимке, воспроизведенном теперь с белым крестиком над лицом крайнего мальчика: детство героя

Но глядеть в окно можно было только урывками. Всем были розданы нотные листы со стихами от общества:

Распростиись с пустой тревогой,
Палку толстую возьми
И шагай большой дорогой
Вместе с добрыми людьми.

По холмам страны родимой
Вместе с добрыми людьми,
Без тревоги нелюдимой,
Без сомнений, черт возьми.

Километр за километром
Ми-ре-до и до-ре-ми,
Вместе с солнцем, вместе с ветром,
Вместе с добрыми людьми.

Это надо было петь хором. Василий Иванович, который не то что петь, а даже плохо мог произносить немецкие слова, воспользовался неразборчивым ревом слившихся голосов, чтобы только

приоткрывать рот и слегка покачиваться, будто в самом деле пел, – но предводитель по знаку вкрадчивого Шрама вдруг резко приостановил общее пение и, подозрительно щурясь в сторону Василия Ивановича, потребовал, чтоб он пропел соло. Василий Иванович прочистил горло, застенчиво начал и после минуты одиночного мучения подхватили все, но он уже не смел выпасть.

У него было с собой: любимый огурец из русской лавки, булка и три яйца. Когда наступил вечер и низкое алое солнце целиком вошло в замызганный, закачанный, собственным грохотом оглушенный вагон, было всем предложено выдать свою провизию, дабы разделить её поровну, – это тем более было легко, что у всех кроме Василия Ивановича было одно и то же. Огурец всех рассмешил, был признан несъедобным и выброшен в окошко. Ввиду недостаточности пая, Василий Иванович получил меньшую порцию колбасы.

Его заставляли играть в скат, тормозили, расспрашивали, проверяли, может ли он показать на карте маршрут предпринятого путешествия, – словом, все занимались им, сперва добродушно, потом с угрозой, растущей по мере приближения ночи. Обеих девиц звали Гретами, рыжая вдова была чем-то похожа на самого петуха-предводителя; Шрам, Шульц и другой Шульц, почтовый чиновник и его жена, все они сливались постепенно, срастаясь, образуя одно сборное, мягкое, многорукое существо, от которого некуда было деваться. Оно налезало на него со всех сторон. Но вдруг на какой-то станции все повылезли, и это было уже в темноте, хотя на западе еще стояло длиннейшее, розовейшее облако, и, пронзая душу, подальше на пути, горел дрожащей звездой фонарь сквозь медленный дым паровоза, и во мраке цыкали сверчки, и откуда-то пахло жасмином и сеном, моя любовь.

Ночевали в кривой харчевне. Матерой клоп ужасен, но есть известная грация в движении шелковистой лепизмы. Почтового чиновника отделили от жены, помещенной с рыжей, и подарили на ночь Василию Ивановичу. Кровати занимали всю комнату. Сверху перина, снизу горшок. Чиновник сказал, что спать ему не хочется, и стал рассказывать о своих русских впечатлениях, несколько подробнее, чем в поезде. Это было упрямое и обстоятельное чудовище в арестантских подштанниках, с перламутровыми ногтями на грязных ногах и медвежьим мехом между толстыми грудями. Ночная бабочка металась по потолку, чокаясь со своею тенью. – В Царицыне, – говорил чиновник, – теперь имеются три школы: немецкая, чешская и китайская. Так, по крайней мере, уверяет мой зять, ездивший туда строить тракторы.

На другой день с раннего утра и до пяти по полудни пылили по шоссе, лениво переходившему с холма на холм, а затем пошли зеленой дорогой через густой бор. Василию Ивановичу, как наименее нагруженному, дали нести под мышкой огромный круглый хлеб. До чего я тебя ненавижу, насущный! И все-таки его драгоценные, опытные глаза примечали что нужно. На фоне еловой черноты висит сухая иголка на невидимой паутинке.

Опять ввалились в поезд, и опять было пусто в маленьком, без перегородок, вагоне. Другой Шульц стал учить Василия Ивановича играть на мандолине. Было много смеху. Когда это надоело, затеяли славную забаву, которой руководил Шрам; она состояла вот в чем: женщины ложились на выбранные лавки, а под лавками уже спрятаны были мужчины, и вот, когда из-под той или другой вылезала красная голова с ушами или большая, с подъябочным направлением пальцев, рука (вызывавшая визг), то и выяснялось, кто с кем попал в пару. Трижды Василий Иванович ложился в мерзкую тьму, и трижды никого не оказывалось на скамейке, когда он из-под неё выползал. Его признали проигравшим и заставили съесть окурочку.

Ночь провели на соломенных тюфяках в каком-то сарае и спозаранку отправились снова пешком. Елки, обрывы, пенистые речки. От жары, от песен, которые надо было беспрестанно горланить, Василий Иванович так изнемог, что на полднемном привале немедленно уснул и только тогда проснулся, когда на нем стали шлепать мнимых оводов. А еще через час ходьбы вдруг открылось ему это счастье, о котором он как-то вполгрезы подумал.

Это было чистое, синее озеро с необыкновенным выражением воды. Посередине отражалось полностью большое облако. На той стороне, на холме, густо облепленным древесной зеленью (которая тем поэтичнее, чем темнее), высилась прямо из дактиля в дактиль старинная черная башня. Таких, разумеется, видов в средней Европе сколько угодно, но именно, именно этот, по невыразимой и неповторимой согласованности его трех главных частей, по улыбке его, по какой-то таинственной невинности, – любовь моя! послушная моя! – был чем-то таким единственным, и родным,

и давно обещанным, так понимал созерцателя, что Василий Иванович даже прижал руку к сердцу, словно смотрел, тут ли оно, чтоб его отдать.

Поодаль Шрам, тыкая в воздух альпенштоком предводителя, обращал бог весть на что внимание экскурсантов, расположившихся кругом на траве в любительских позах, а предводитель сидел на пне, задом к озеру, и закусывал. Потихоньку, прячась за собственную спину, Василий Иванович пошел берегом и вышел к постоянному двору, где, прижимаясь к земле, смеясь, истово бия хвостом, его приветствовала молодая еще собака. Он вошел с нею в дом, пегий, двухэтажный, с прищуренным окном под выпуклым черепичным веком и нашел хозяина, рослого старика, смутно инвалидной внешности, столь плохо и мягко изъяснявшегося по-немецки, что Василий Иванович перешел на русскую речь; но тот понимал как сквозь сон и продолжал изъясняться на языке своего быта, своей семьи. Наверху была комната для приезжих. – Знаете, я сниму ее на всю жизнь, – будто бы сказал Василий Иванович, как только в нее вошел. В ней не было ничего особенного, – напротив, это была самая дюжинная комнатка, с красным полом, с ромашками, намалеванными на белых стенах, и небольшим зеркалом, наполовину полным ромашкового настоя, – но из окошка было ясно видно озеро с облаком и башней, в неподвижном и совершенном сочетании счастья. Не рассуждая, не вникая ни во что, лишь беспрекословно отдаваясь влечению, правда которого заключалась в его же силе, никогда еще не испытанной, Василий Иванович в одну солнечную секунду понял, что здесь, в этой комнатке с прелестным до слез видом в окне, наконец-то так пойдет жизнь, как он всегда этого желал. Как именно пойдет, что именно здесь случится, он этого не знал, конечно, но все кругом было помощью, обещанием и отрадой, так что не могло быть никакого сомнения в том, что он должен тут поселиться. Мигом он сообразил, как это исполнить, как сделать, чтобы в Берлин не возвращаться более, как выписать сюда свое небольшое имущество – книги, синий костюм, ее фотографию. Все выходило так просто! У меня он зарабатывал достаточно на малую русскую жизнь.

- Друзья мои, – крикнул он, прибежав снова вниз на прибережную полянку. – Друзья мои, прощайте! Навсегда остаюсь вон в том доме. Нам с вами больше не по пути. Я дальше не еду. Никуда не еду. Прощайте!
- То есть как это? – странным голосом проговорил предводитель, выдержав небольшую паузу, в течение которой медленно линяла улыбка на губах у Василия Ивановича, между тем как сидевшие на траве привстали и каменными глазами смотрели на него.
- А что? – пролепетал он. – Я здесь решил...
- Молчать! – вдруг со страшной силой заорал почтовый чиновник. – Опомнись, пьяная свинья!
- Пойдите, господа, – сказал предводитель, – одну минуточку, – и, облизнувшись, он обратился к Василию Ивановичу:
- Вы должно быть, действительно, подвыпили, – сказал он спокойно. – Или сошли с ума. Вы совершаете с нами увеселительную поездку. Завтра по указанному маршруту – посмотрите у себя на билете – мы все возвращаемся в Берлин. Речи не может быть о том, чтобы кто-либо из нас – в данном случае вы – отказался продолжать совместный путь. Мы сегодня пели одну песню, – вспомните, что там было сказано. Теперь довольно! Собирайтесь, дети, мы идем дальше.
- Нас ждет пиво в Эвальде, – ласково сказал Шрам. – Пять часов поездом. Прогулки. Охотничий павильон. Угольные копи. Масса интересного.
- Я буду жаловаться, – завопил Василий Иванович. – Отдайте мне мой мешок. Я вправе остаться где желаю. Да ведь это какое-то приглашение на казнь, – будто добавил он, когда его подхватили под руки.
- Если нужно, мы вас понесем, – сказал предводитель, – но это вряд ли будет вам приятно. Я отвечаю за каждого из вас и каждого из вас доставлю назад живым или мертвым.

Увлекаемый, как в дикой сказке по лесной дороге, зажатый, скрученный, Василий Иванович не мог даже обернуться и только чувствовал, как сияние за спиной удаляется, дробимое деревьями, и вот уже нет его, и кругом чернеет бездейственно ропщущая чаща. Как только сели в вагон и поезд двинулся, его начали избивать, – били долго и довольно изощренно. Придумали, между прочим, буравить ему штопором ладонь, потом ступню. Почтовый чиновник, побывавший в России, соорудил из палки и ремня кнут, которым стал действовать, как черт, ловко. Молодчина! Осталь-

ные мужчины больше полагались на свои железные каблуки, а женщины пробавлялись щипчиками да пощечинами. Было преселело.

По возвращении в Берлин он побывал у меня. Очень изменился. Тихо сел, положив на колени руки. Рассказывал. Повторял без конца, что принужден отказаться от должности, умолял отпустить, говорил, что больше не может, что сил больше нет быть человеком. Я его отпустил, разумеется.

Обратите внимание:

- Почему герой – русский эмигрант? Тема России в рассказе.
- Образ поезда.
- Образ зеркала (традиционный для Набокова) – связь с другим миром. Многослойная реальность.
- Кем является рассказчик и Василий Иванович? Тема Бога в рассказе. Символика числа 9.

Приложения

Примерная схема анализа лирических произведений:

1. Историко-культурный комментарий (история создания, дата, направление, собственные наименования, посвящение).
2. Жанр и его формальный и содержательный канон.
3. Тема.
4. Проблематика, пафос.
5. Идеальный мир.
6. Художественный мир (образы героев, образы времени и пространства, точка видения, художественная деталь, портрет, пейзаж).
7. Композиция.
8. Название, первая и последняя строка.
9. Яркие особенности содержания, художественных средств, синтаксического построения, которые помогают построить анализ.
10. Художественная речь. Изобразительно-выразительные средства. Фонетический (аллитерация, ассонанс), лексический (тропы), морфологический, синтаксический (фигуры) уровни.
11. Форма (графика, ритм, рифма) и ее связь с идейным миром стихотворения.
12. Оценка (критиков, собственная).

Рецензия

Структурные элементы рецензии:

1. Общие сведения о произведении: автор, название, место, время создания, публикации, постановки...
2. Общая характеристика произведения (с привлечением пересказа, комментария сюжета, описания кульминационного момента, цитирования...).
3. Анализ содержания...
 - тема и идея;
 - роль заглавия и эпиграфа;
 - сюжет и фабула;
 - система образов, характеристика персонажей;
 - конфликт;
 - хронотоп (время и пространство)
 - особенности (память) жанра;

4. ... и формы:
 - композиция (в том числе пейзаж, портрет, вставные эпизоды, лирические отступления...);
 - особенности языка и стиля;
 - ритмика;
5. Место произведения в творчестве писателя или литературного процесса в целом.
6. Привлечение внимания читателя (или зрителя) к данному произведению

Содержание

9 класс

Природа условности	4
<i>Д. Самойлов, М. Цветаева, Б. Пастернак</i>	4
<i>И. Тургенев. Сфинкс</i>	6
<i>Ф. Достоевский. Мальчик у Христа на елке</i>	6
Три рода литературы	9
Жанры лирики	10
Малые жанры лирики.. ..	12
Устаревшие жанры лирики	14
Сонет. <i>А. Пушкин, Н. Гумилев, И. Северянин</i>	15
Элегия. <i>К. Батюшков, А. Пушкин, Е. Баратынский, Н. Языков</i>	17
Послание. <i>А. Пушкин</i>	20
Молитва. <i>М. Лермонтов</i>	21
Романс, стансы, гимн, дума	23
Сатира. Лирическая сатира	23
<i>М. Цветаева. Крысолов</i>	24
Баллада	25
<i>Э. По. Ворон</i>	26
Контрольная работа по жанрам лирики	29
Условность поэтической формы (метрика, рифма, строфика)	31
Контрольная работа по стихосложению	39
Особенности выражения лирического «Я»	
<i>А. Пушкин, Е. Баратынский, М. Лермонтов</i>	40
Условность языка литературы	
Тропы и фигуры	43
Мифологемы и архетипы (древа, змея, дитяти)	44

10 класс

Изображенный мир	50
Хронотоп	50
<i>И. Бунин. Холодная осень</i>	51
<i>И. Бунин. Часовня</i>	53
<i>В. Набоков. Катастрофа</i>	53
<i>В. Набоков. Рождество</i>	57
Жизнеподобие и фантастика	61
<i>Ф. Кафка. Стук в ворота</i>	61
<i>Х. Кортасар. Дальняя</i>	62

<i>Х. Кортасар. Захваченный дом</i>	68
Художественная деталь	70
Портрет	70
Викторина «Узнай героя – исторического деятеля – по портрету»	70
<i>И. Бунин. Красавица</i>	72
Психологизм	73
Пейзаж	73
Мир вещей	76
<i>Тэффи. Жизнь и воротник</i>	76
Композиция	79
<i>И. Тургенев «Как хороши, как свежи были розы»</i>	81

11 класс

Условность литературного направления	82
Направления рубежа веков:	
Символизм <i>П. Верлен, Ш. Бодлер, А. Рембо</i>	83
Викторина «поэты Серебряного века о поэтах»	86
Экспрессионизм	89
Реализм	90
Антиутопия	92
Психологический реализм XX века	92
Экзистенциализм	94
Постмодернизм	95
<i>Х. Борхес. Сад расходящихся тропок</i>	95
<i>Х. Борхес. Дом Астерия</i>	101
<i>Х. Кортасар. Ночью на спине, лицом кверху</i>	103
<i>В. Набоков. Облако, озеро, башня</i>	108
Приложения	113

